

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ

- Лисицын П. П., Степанов А. М., Гибазов Р. Р.* Теория взаимозависимости мобильности и расстояния С. Стауффера как основа для современных исследований миграции 4

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

- Максименко А. А., Дейнека О. С., Дерюгин П. П., Крылова Д. В., Забелина Е. В.* Отношение россиян и китайцев к коррупционным практикам: кросс-культурный анализ 17

- Булатов М. Р.* Риторика крайне правых партий в России и Германии: сравнительный дискурс-анализ 33

- Эфендиев А. Г., Гоголева А. С.* Внутренняя миграция работающей молодежи: факторы формирования готовности переехать в другой город 47

ОБЩЕСТВО И ТЕХНОЛОГИИ

- Карагулян Е. А., Батырева М. В.* Социально-политическое участие с использованием цифровых сервисов: пустой ритуал или подлинное участие? 65

<i>Видясова Л. А.</i> Использование цифровых государственных сервисов как фактор социального самочувствия населения	84
СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЙ, НАУКИ И ИННОВАЦИЙ	
<i>Карих Р. Д.</i> Трансформация роли библиотек в условиях открытой науки	100
НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ	
<i>Тангалычева Р. К.</i> 7-й Всемирный гуманитарный форум «Гуманизация отношений: на пути к общению, сосуществованию и эмпатии»	116

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет
 На журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология»
 можно подписаться по каталогу «Пресса России».
 Подписной индекс 80829

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-73022
 от 06 июня 2018 г. (Роскомнадзор)

Главный редактор *В. И. Дудина*, д-р социол. наук, проф.
 Редактор *А. М. Никитина*
 Корректор *Ю. А. Стрельбицкая*
 Компьютерная верстка *О. Е. Степурко*

Дата выхода в свет 08.08.2024. Формат 70×100¹/₁₆.
 Усл. печ. л. 9,8 Уч.-изд. л. 9,6 Тираж — 40 экз. Заказ № . Цена свободная.
 Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.
 Адрес Издательства СПбГУ: 199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.
 Тел./факс 328-44-22

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская л., д. 5.
 Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов.

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGY

- Lisitsyn P. P., Stepanov A. M., Gibazov R. R.* S. Stauffer's theory of the interdependence of mobility and distance as a basis for modern migration studies 4

SOCIAL PROCESSES AND SOCIAL DYNAMICS

- Maksimenko A. A., Deyneka O. S., Deryugin P. P., Krylova D. V., Zabelina E. V.* Attitude to corruption practices of Russians and Chinese: Cross-cultural analysis 17
- Bulatov M. R.* A comparative study of the electoral rhetoric of extreme right-wing parties in Germany and Russia 33
- Efendiev A. G., Gogoleva A. S.* Internal migration of working youth: Determinants of readiness to move to another region 47

SOCIETY AND TECHNOLOGY

- Karagulyan E. A., Batyreva M. V.* Social and political participation using digital services: An empty ritual or a genuine participation? 65
- Vidiasova L. A.* The use of digital public services as a factor of social well-being 84

SOCIOLOGY OF KNOWLEDGE, SCIENCE AND INNOVATION

- Karikh R. D.* Transformation of the role of libraries in the Open Science 100

ACADEMIC EVENTS

- Tangalycheva R. K.* 7th World Humanitarian Forum "Humanization of relationships: Towards communication, coexistence and empathy" 116

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ

УДК 316.4

Теория взаимозависимости мобильности и расстояния С. Стауффера как основа для современных исследований миграции*

П. П. Лисицын, А. М. Степанов, Р. Р. Гибазов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Лисицын П. П., Степанов А. М., Гибазов Р. Р.* Теория взаимозависимости мобильности и расстояния С. Стауффера как основа для современных исследований миграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 1. С. 4–16.
<https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.101>

Настоящая статья анализирует научное наследие С. Стауффера — одного из основоположников миграционных исследований. Основная ценность его работ сегодня заключается не столько в полученных данных, сколько в сформулированных им вопросах о миграции, которые до сих пор остаются актуальными. В настоящей статье на примере исследования Стауффера обосновывается необходимость для современных исследователей обращаться к работам классиков миграционных исследований. Кроме того, в статье последовательно рассматриваются вопросы, на которые Стауффер пытался ответить в своих работах. Особое внимание уделяется тем из них, которые связаны с поиском релевантных источников данных для анализа миграционных процессов, рассуждениями Стауффера о субъектности мигрантов и о существовании различных стратегий миграционного поведения. Кроме того, статья предлагает анализ ключевых категорий исследования Стауффера: предполагаемых и реальных возможностей миграции. В заключение авторы выделяют (на основе анализа ключевых тезисов, выдвинутых С. Стауффером) те его выводы, которые и сегодня представляются актуальными для исследователей миграции. Кроме того, авторы описывают теоретическую рамку, предлагающую связь между мобильностью и расстоянием. Основываясь на ключевом тезисе настоящей статьи: утраченная ценность исследований С. Стауффера сегодня — это девальвация ответов на фундаментальные и прикладные вопросы миграции, но обретенная ценность — это ревальвация самих вопросов, поставленных им, — авторы

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 24-28-00467, <https://rscf.ru/project/24-28-00467>.

текста демонстрируют преемственность и эволюцию научной мысли о миграционных процессах с середины XX в. вплоть до сегодняшнего дня.

Ключевые слова: миграционные стратегии, субъектность мигранта, миграционные возможности, междисциплинарность, миграционные теории.

История изучения миграции начинается с работ Э. Равенштайна (E. Ravenstein) [1–3] — английского исследователя немецкого происхождения (1834–1913). Проведенный им сравнительный анализ данных переписей населения Великобритании и США послужил методическим примером для экономистов, демографов, социологов и других исследователей миграции на многие годы вперед. Результаты его работ сформировали базу для фундаментального анализа миграционных процессов, а его попытка осмысления роли миграции в достижении общественного блага открыла возможность диалога по этому вопросу между научным сообществом, властью и широкой общественностью.

Именно после публикации статей Э. Равенштайна (с 1885 г.) данные демографических исследований различных лет и регионов становятся неотъемлемой частью эмпирической базы осмысления миграции [4–7]. Это касается и современного этапа анализа миграционных процессов, который сложно представить без использования демографических показателей. Однако сегодня (в отличие от конца XIX — начала XX в.) они являются лишь одним из многих видов необходимых для этой работы данных [8]. Использование переписи населения как единственного источника информации критичным образом сказывалось на выводах миграционных исследований. Работы Э. Равенштайна, если рассматривать как их результат выявленные закономерности миграции, а не поставленные новые вопросы, не являются исключением. Д. Томас¹ [7] в 1938 г., представив обзор миграционных исследований начала XX в., основанных на обработке демографических данных, следующим образом характеризовала их: «...большая часть недавних эмпирических исследований кажется банальной и неумелой... в них отсутствуют какие бы то ни было внятные обобщения» [9].

Вместе с тем, описывая тенденции этого периода, необходимо отметить эпизодическое появление работ, стоящих в стороне от общей исследовательской практики. Например, в обзор Д. Томас не попала совместная работа ее мужа У. Томаса (W. Thomas) и Ф. Знанецкого (F. Znaniecki) «Польский крестьянин в Европе и Америке» [10] (1918–1920) — этнографическое исследование, основанное на автобиографиях и личной переписке членов крестьянских семей. Не попала туда и работа Р. Парка (R. Park), Э. Бургеса (E. Burgess) и Р. МакКензи (R. McKenzie) [11], описывающая миграцию в контексте городского пространства, а также магистерская работа в будущем известного социолога Л. Вирта (L. Wirth) [12] о конфликтах в семьях мигрантов. В этих работах (написанных в основном представителями чикагской школы) использовались отличные от аналитики демографических данных методологические подходы. Однако их наличие в то время не сказывалось на общей тенденции изучения миграции. Различные методологии, начало создания которых пришлось на рубеж веков, начнут сближение лишь во второй половине

¹ Дороти Свэйн Томас (Dorothy Swaine Thomas; 1889–1977) — американский социолог, первая женщина-президент Американской социологической ассоциации (American Sociological Association, URL: <https://www.asanet.org/>).

XX в. с появлением новой экономики миграции [13]. До этого времени основную роль в миграционных исследованиях с точки зрения как массовости, так и влияния на политические и экономические программы национальных государств, будут играть ученые, ссылающиеся на Э. Равенштайна.

Таким образом, негативная оценка результатов миграционных исследований начала XX в., данная Д. Томас, с некоторыми допущениями выглядит оправданной и объясняется тенденцией использования данных переписей населения в качестве единственного источника информации. Возможности для изменения этой тенденции открываются в 1932 г. благодаря появлению проекта инвентаризации недвижимости столичного Кливленда, штат Огайо, США (RPI) и его руководителю Г. У. Грину². В задачи этого проекта входил сбор информации о численности, качестве жилья, объемах производства, розничной торговле и многих других социально-экономических аспектах жизни населения. Предложенная Г. Грином модель сбора данных [14; 15] годом позже распространилась на пригороды, а затем при финансовой поддержке банковских, коммунальных и деловых организаций и на весь округ Кайахога (штат Огайо, США). Новые собранные данные существенно расширили возможности исследователей миграции. Воспользовавшись информацией, предоставленной RPI, а также дополнив ее материалами переписей населения, профессор С. Стауффер (S. Stouffer) проводит расширенный анализ миграционного поведения, результаты которого в 1940 г. публикуются в журнале Американского социологического обозрения [16].

Неверно было бы утверждать, что работа С. Стауффера демонстрирует новый подход в исследовании миграционного поведения по сравнению с работами Э. Равенштайна или что результаты его исследований актуальнее для сегодняшней миграционной ситуации, чем результаты его предшественника. Однако если работы Э. Равенштайна считаются классикой миграционных теорий в силу того, что именно они положили начало научному осмыслению миграции, то исследование С. Стауффера занимает место в ряду значимых работ благодаря новым вопросам, возможность для постановки которых открылась в результате рассмотрения данных, представленных RPI. При этом само его исследование не лишено существенных для сегодняшнего дня недостатков. Так же как и Э. Равенштайн, он использует распространенную в то время методологию социальной физики, некритично работает со статистическими данными, делает попытки глобальных обобщений, в том числе претендуя на «скромное» звание первооткрывателя нового социального закона: «Если последующие исследования подтвердят жизнеспособность предварительных выводов, сделанных мной, — пишет Стауффер, — то есть скромная надежда на формулировку Нового Социального Закона» [16, р. 846]. Но, как и в случае Э. Равенштайна, рассматривая наследие С. Стауффера, верно было бы сказать, что утраченная ценность его исследований сегодня — это девальвация ответов на фундаментальные и прикладные вопросы миграции, обретенная ценность — это ревальвация самих вопросов, поставленных им. Эти вопросы сформулированы в его текстах как в классической вопросительной форме, так и в форме гипотез, а также могут быть заявлены в утвердительных формах, призывающих критиков произвести новый анализ данных и скорректировать построенные объяснительные модели.

² Говард Уиппл Грин (Howard Whipple Green; 1893–1959) — директор проекта инвентаризации недвижимости столичного Кливленда (Real Property Inventory of the Metropolitan District — RPI).

Они раскрываются и проявляются в его полемике с другими учеными, спрятаны в его выводах и в логических связях между тезисами. Таким образом, для анализа этих вопросов, их актуализации и демонстрации их влияния на последующие миграционные исследования авторы настоящей статьи предлагают общий анализ размышлений С. Стауффера о миграции, а также приводят примеры попыток использования его идей в современных исследованиях.

Первоначальные вопросы С. Стауффера

Даже если не относиться критично к результатам исследования С. Стауффера (как, к слову, он сам относился к ним, говоря о «неизбежности значительных неточностей») [16, р. 862], произошедшие с начала XX в. существенные изменения в мироустройстве, а также в теоретических и инструментальных подходах к изучению миграции делают закономерности, выявленные им, неприменимыми к современной реальности. Работа Стауффера, как и работа Равенштайна, должна интересовать современных исследователей миграции не благодаря выявленным в ней закономерностям, а за счет постановки вопросов о миграционном процессе, с одной стороны, развивающих объяснительные модели его предшественников, а с другой стороны, указывающих исследовательские направления для последователей.

Подобно тому как Э. Равенштайна к выявлению законов миграции подтолкнул вопрос У. Фарра³ «Существуют ли законы миграции?» [2, р. 167], размышления Стауффера [16] восходят к вопросу самого Равенштайна о том, существует ли влияние социальной географии на принятие решения о переезде [2]. «Пытается ли кто-то объяснить, — спрашивает Стауффер, — почему люди едут в определенное место?» [16, р. 845]; влияет ли фактор расстояния на перемещение населения [16, р. 846]; можно ли измерять расстояние не только в «единицах пространства, но также в единицах времени или стоимости» [16, р. 846]. Вот его исходные вопросы. Таким образом, фокусируясь на анализе взаимозависимости мобильности и расстояния, Стауффер конкретизирует вопрос, поставленный предшественником, разбивая его на ряд составных, каждый из которых в будущем найдет своих последователей и откроет возможности для новых исследовательских направлений.

Помимо вопроса о роли социальной географии в миграционных процессах, сформулированного Э. Равенштайном, причиной обращения С. Стауффера к анализу взаимозависимости мобильности и расстояния является наличие двух внешних факторов. Во-первых, это общественное мнение научного сообщества, считающего влияние расстояния на мобильность существенным. Не подтвержденные в то время фундаментальной теорией, эти суждения иллюстрировались разрозненными кейсами. «Недавно я слышал беседу двух профессоров, — приводит пример Стауффер, — один из которых рассказывал другому результаты исследования о причинах выбора студентами одного небольшого колледжа. Один просил другого угадать эту основную причину. Было предложено полдюжины вариантов. “Вы упустили самое важное, — был ответ, — это просто близость”» [16, р. 846]. Во-вторых, это неудачные попытки его коллег сформулировать фундаментальные теории,

³ Вильям Фарр (William Farr; 1807–1883) — британский эпидемиолог, один из основателей медицинской статистики.

объясняющие тенденции мобильности без использования фактора расстояния. «Распространенные сегодня, — пишет С. Стауффер в 1940 г., — объяснительные модели, фокусирующиеся на анализе push and pull⁴ факторов, вероятно, будут мало плодотворными до тех пор, пока в них не будет введен компонент расстояния» [16, р. 846]. Таким образом, основным результатом работы, по мнению самого автора, должна была стать демонстрация фундаментальных основ [16, р. 846], объясняющих очевидный для него факт взаимозависимости мобильности и расстояния. Оставляя за скобками критику его результатов, отметим, что в процессе поиска этих основ автор, часто неосознанно, формулирует вопросы, которые окажут существенное влияние на исследователей миграции, в том числе и сегодня.

Где взять данные для построения миграционных теорий?

На протяжении всей истории изучения миграционных процессов каждый исследователь, предпринимающий попытку сформулировать теоретические основы миграции, сталкивался с проблемой недостатка эмпирических данных. Как 150 лет назад (начиная с первой статьи Г. Равенштайна), так и сейчас исследователи пытаются устранить эту проблему, используя инновационные для своего времени способы. Сегодня ученые работают с большими данными, применяют технологии искусственного интеллекта и машинного обучения [17], обращаются к применению когнитивных карт и инструментов визуальной социологии [18]. С. Стауффер отличается от своих современников тем, что, столкнувшись с проблемой нехватки данных, он, не желая (подобно исследователям, раскритикованным Д. Томас [9]) отказываться от глобальных обобщений, попытался решить ее доступным на тот момент способом — привлечением дополнительных данных, ранее не используемых в исследованиях миграции. При этом уникальность подхода С. Стауффера к исследованию миграции объясняется не только внешними факторами (появлению благодаря RPI новых количественных данных), но и личным выбором ученого. Например, если социально-экономические параметры, которые он привлек к анализу миграции, были обнародованы только в 1935 [14] и 1936 [15] гг., а потому не могли быть применены его предшественниками, то привлеченные им психофизиологические данные были доступны с 1846 г. [19].

Использованные С. Стауффером дополнительные социально-экономические параметры представляли собой, во-первых, материалы уже упоминавшийся экспериментальной программы расширенного сбора данных о мобильности населения в Кливленде (1936 г.), где в виде таблицы, содержащей 321 ячейку, была представлена информация о конкретных семьях, участвующих в миграционных процессах [16, р. 848], а кроме того, новые экономические данные, собранные в 1935 г. городским управлением по инвентаризации недвижимости Кливленда, о стандартах проживания, стоимости покупки и аренды жилья, о районировании городского пространства и пр. [14]. Психофизиологические данные, использованные С. Стауффером, касались закономерностей человеческого поведения в целом, но он применил их для анализа миграционного поведения как его частного случая. Эти данные, использованные для построения объяснительных моделей перемещения людей

⁴ Факторы притяжения и выталкивания.

на определенные расстояния [16, р. 848], были основаны на психофизиологических экспериментах, проводившихся с 1834 г. Э. Вебером⁵ (E. Weber) [19], дополненных Г. Фехнером⁶ (G. Fechner) [20] и обобщенных в общем законе Вебера — Фехнера (Weber — Fechner Law), демонстрирующих логарифмическую зависимость между интенсивностью раздражителя и величиной субъективного ощущения, которую С. Стауффер положил в основу теории субъективного восприятия возможностей, влияющих на решение человека перемещаться на определенные дистанции.

Таким образом, используя в своем исследовании анализ классических данных, основанный на сопоставлении материалов переписей населения США различных лет, демонстрируя их зависимость от социальных и экономических характеристик жителей конкретного штата и применяя для построения объяснительных моделей перемещения людей методологию, базирующуюся на психофизиологических теориях, С. Стауффер впервые предлагает рассматривать миграцию как объект междисциплинарного изучения.

Вопрос о возможности междисциплинарного анализа миграционного поведения и в целом миграционных процессов сегодня (когда исследования миграции объединены в априори междисциплинарное направление migration studies) кажется тривиальным. Однако в конце XIX — начале XX в. применение в одном исследовании материалов различных наук для расширения эмпирических данных о миграции являлось новаторским. Работы большинства исследователей миграции того времени основывались исключительно на сопоставлении данных переписей населения [4]; менее обширная группа, представляющая чикагскую школу, часто игнорируя данные статистики, обращалась к антропологическим и этнографическим исследованиям [9–11]. Работа же С. Стауффера, поставив вопрос «Можно ли расширить понимание миграционных процессов за счет использования данных, собранных представителями разных дисциплин?», чуть позже обусловит повсеместное применение в миграционных исследованиях данных из психологии [21] и политической экономии [22], а затем и сближение двух направлений миграционных исследований: экономических и социологических.

Обладают ли мигранты субъектностью?

Еще одним отличием исследования С. Стауффера от исследований его современников, базирующихся на анализе push and pull факторов, является построение объяснительной модели миграционного поведения, основанной не только на сравнительном анализе показателей регионов — доноров и реципиентов, но и на восприятии этих показателей самими мигрантами. Размышления о субъективных представлениях мигрантов приводят С. Стауффера к постановке фундаментальных вопросов, существенно повлиявших на миграционные исследования его последователей: обладают ли мигранты субъектностью в миграционном процессе? и существуют ли стратегии миграционного поведения? Вопрос субъектности мигрантов проистекает из сомнения С. Стауффера в том, что «человек способен обладать одинаково подробными знаниями как о ближайших, так и о дальних возможностях»

⁵ Эрнст Хайнрих Вебер (1795–1878) — немецкий психофизиолог и, помимо прочего, иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук.

⁶ Густав Теодор Фехнер (1801–1887) — немецкий психофизиолог.

[16, p. 848]. Между тем разница в уровне информированности способна оказать влияние как на принятие субъектом решения о переезде, так и на сам переезд. То есть субъектность мигранта для С. Стауффера объясняется и индивидуальной особенностью принятия решений, и характеристиками самого мигранта, например уровнем его информированности или обладанием определенными навыками.

В своем исследовании С. Стауффер рассуждает как об индивидуальной субъектности конкретного мигранта, так и о субъектности отдельных групп, участвующих в миграционных процессах. При этом определение групповой субъектности происходит вынужденно и в большей степени вызвано отсутствием эмпирических данных о конкретных людях. Например, он пишет: «...использование в исследовании таких интервалов, как классы... приводит к значительным неточностям... однако если бы были доступны более подробные данные, их можно было бы избежать» [16, p. 862]. Предположение о существовании индивидуальной субъектности в миграционных процессах С. Стауффер иллюстрирует примером двух стратегий поведения мигрантов на принимающей территории: «Члены этнической группы, — пишет он, — в своем поведении могут делиться на два типа, а именно на тех, кто следует тенденции движения внутри своей национальной группы, и тех, кто сознательно стремится отмежеваться от нее» [16, p. 866].

Вопросы о субъектности мигрантов и о существовании различных стратегий миграционного поведения станут ключевыми для теории наименьших усилий Г. Зипфа (G. Zipf) [21] и других теорий середины XX в., а ближе к концу столетия расширятся до вопроса о субъектности миграционных домохозяйств [23] и красной нитью пройдут через современные теории социального включения и исключения, интеграции и адаптации [24]. Таким образом, нельзя сказать, что С. Стауффер в своем исследовании продемонстрировал наличие субъектности у мигрантов или предложил систематизацию стратегий миграционного поведения, однако именно его рассуждения о взаимосвязи расстояния и мобильности открыли эти двери для будущих исследований.

Видят ли исследователи миграции и мигранты мир одинаково?

Обращение С. Стауффера к анализу взаимозависимости расстояния и мобильности вынуждает его операционализировать категорию расстояния, так как показатель географической удаленности места исхода от места прибытия не в полной мере отвечает его задаче построения объяснительной теории миграции. Принимая во внимание объективные показатели измерения расстояния, предложенные метрической (традиционной) системой, Стауффер дополняет их показателями социальными. Удаленность места исхода от места прибытия (фактического или предполагаемого) важно измерять не только географической, но и социальной удаленностью, включающей в себя экономические и политические факторы [16, p. 847]. При этом социальная удаленность может быть как объективным фактом, зафиксированным статистиками и прочими экспертами, так и субъективным представлением самого мигранта. Таким образом, С. Стауффер, в целом утвердительно отвечая на вопрос Э. Равенштайна о значимости показателей социальной географии для процесса мобильности, размышляет о следующем: определяют ли исследователи и мигранты, экономические и политические условия мест исхода и мест прибытия

одинаково? все ли участники миграционного процесса одинаково воспринимают условия мест исхода и мест прибытия? и, наконец, как воспринимается расстояние самими участниками миграционных процессов?

Для ответа на эти вопросы С. Стауффер вводит в анализ понятия предполагаемых возможностей (*apparent opportunities*) и реальных возможностей (*actual opportunities*) [16, p. 848]. Возможности, по его мнению, служат функцией расстояния [16, p. 847] и выявляются посредством сравнительного анализа социальных показателей (объективных или субъективных) региона исхода и региона прибытия. Схожесть или улучшение для мигранта этих показателей указывают на наличие возможностей, а ухудшение — на их отсутствие. Реальность этих возможностей определяется объективными показателями разницы между регионами (экономическими и статистическими данными), а предполагаемые возможности основаны на домыслах самого мигранта относительно этой разницы.

С. Стауффер считал, что уточнение социальных показателей должно быть проведено для каждого конкретного исследовательского случая отдельно. «Показатели наличия возможностей для работников в сельском хозяйстве Индианы, — пишет он, — будут совершенно другие, чем для них же в Техасе, они будут своеобразно отличаться для фотографов и медсестер, для неквалифицированных рабочих и негров-издольщиков... могут зависеть от пола и возраста» [16, p. 847]. При этом сам С. Стауффер, обладая ограниченным объемом данных, для исследования семей мигрантов в штате Огайо (США) выделил всего один показатель возможностей — наличие вакансии в регионе переезда: «Если человек переехал из одного места в другое, то ранее в новом месте должна была бы быть создана вакансия, которую он мог бы занять. Конкретную вакансию, которую он занял, или аналогичные вакансии, которые он мог бы занять, нужно называть возможностями» [16, p. 854].

При всех критических замечаниях относительно его исследования следует все же в очередной раз подчеркнуть, что именно с позиции сегодняшнего дня становится заметна ценность попытки С. Стауффера определить взаимозависимость между расстоянием и мобильностью, поскольку рассмотренные им в процессе анализа проблемы задали вектор миграционным исследованиям на многие годы вперед, позволив обратить внимание будущих исследователей на важные аспекты миграционного поведения. Вопросы Стауффера, связанные со значением для человеческой мобильности социальных показателей расстояния, а также с субъективными и объективными трактовками возможностей на местах исхода и прибытия, через 10 лет послужат основой для теории наименьших усилий [14], через 15 лет — подвергнутся конкретизации в работах нобелевского лауреата А. Льюиса (A. Lewis) [22], через 20 лет — будут переосмыслены в теориях Э. Ли (E. Lee) [25], еще позже будут применены в рамках новой экономики, описывающей трудовую миграцию [13], и станут краеугольным камнем теории миграционных рисков [26].

Заключение: проблема промежуточных возможностей

Ключевой тезис настоящего текста звучит следующим образом: ценность работ С. Стауффера — не в ответах, которые он дает, а в вопросах, которые он ставит и которые задают исследовательские рамки его последователям вплоть до текущего дня. Для современных исследователей должны представлять интерес не его

заклучения о специфике миграционного поведения и закономерностях миграционных процессов, не его формулировка «нового социального закона» [16, р. 846] (все это разбивается о произошедшие с 1940 г. изменения в мироустройстве и в самом понимании миссии научного знания), а выделенные из его текстов вопросы о миграции. Именно на их основе, переосмыслив оригинальный текст, можно сформулировать тезисы С. Стауффера, актуальные и сегодня:

1. Изучение миграции требует междисциплинарности как инструмента привлечения дополнительных данных о миграционных процессах.
2. Участники миграционных процессов обладают субъектностью.
3. Решение об участии в миграционном процессе принимается на основе анализа доступной человеку информации.
4. Субъектность мигранта приводит к существованию различных стратегий миграционного поведения.

При этом все аналитические обзоры миграционных теорий, ссылающиеся на С. Стауффера, описывают лишь его выводы, а кроме того, во многих русскоязычных обзорах допускается одна и та же ошибка — неверная трактовка ключевой категории исследования *intervening opportunities* [16, р. 856]. Большинство авторов определяют *intervening opportunities* как «все то, что мешает миграционному процессу» [27; 28]. В заключение настоящего текста мы попытаемся исправить эту ошибку и представить теорию С. Стауффера словами самого автора.

Теория промежуточных возможностей С. Стауффера описывает взаимосвязь между мобильностью и расстоянием, позволяющую ответить на вопрос «Почему люди перемещаются в одни места, а не в другие?» [16, р. 845]. Ответ на этот вопрос содержится в его размышлениях о том, как нужно измерять расстояние для миграции. Показатели расстояния делятся на два типа: традиционные (или метрические) и социальные. Под социальными показателями он понимает возможности (*opportunities*). Эти возможности являются функцией расстояния [16, р. 847] и определяются через сравнительный анализ параметров региона исхода и региона прибытия. Возможности бывают реальными и предполагаемыми [16, р. 848]. Реальные возможности — это объективная (статистическая) разница между регионами, предполагаемые — это мнимая (существующая в голове у мигранта) разница между ними. Вместе с тем, по мнению С. Стауффера, на расстоянии между регионом исхода и регионом потенциального прибытия (крупным промышленным центром) могут находиться сельскохозяйственные или производственные объекты, которые способны, так же как и крупный центр, привлечь к себе мигрантов за счет наличия собственных возможностей. Эти возможности Стауффер называл *intervening opportunities* [16, р. 856] — промежуточными возможностями (иногда переводятся как «вмешивающиеся обстоятельства» [27; 28]) — и считал, что функцию расстояния между регионом исхода и крупным миграционным центром следует вычислять с учетом совокупного количества возможностей [16, р. 847] между начальной и конечной точками, включая каждый следующий привлекательный для мигранта объект. Чем длиннее традиционное (метрическое) расстояние между точкой исхода и точкой потенциального прибытия, тем больше промежуточных объектов оно потенциально содержит. Основываясь на эмпирических данных, С. Стауффер приходит к выводу, что «количество людей, преодолевающих определенное расстояние, прямо пропорционально количеству возможностей на этом расстоянии и обратно

пропорционально количеству промежуточных возможностей» [16, р. 846]. Таким образом, утверждение, что промежуточные возможности мешают процессу миграции, не является результатом работы С. Стауффера; напротив, эти возможности, как и любые другие, описанные им, являются двигателем для процесса миграции, а для исследователей — важной частью объяснительной модели направлений миграционных потоков.

В дальнейшем С. Стауффер занимался переосмыслением идеи промежуточных возможностей и переработал созданную (и описанную в настоящей статье) в 1940 г. модель. Результат этой работы был опубликован в 1960 г. в статье «Промежуточные возможности и конкурирующие мигранты» [29]. Эта усовершенствованная модель рассматривала миграцию между двумя территориями как прямо пропорциональную количеству возможностей, доступных в зоне назначения, и обратно пропорциональную количеству промежуточных возможностей и конкурирующих мигрантов между точкой исхода и назначения. Пересмотренная Стауффером модель предполагает, что в течение заданного интервала времени количество мигрантов из города А в город В является прямой функцией количества возможностей в городе В и обратной функцией количества промежуточных возможностей между городами А и В, а также количества других мигрантов, претендующих на возможности в городе В.

Сам С. Стауффер отмечал, что его модифицированная модель намного лучше объясняет миграционные потоки. Среди наиболее комплексных исследований, использующих модель промежуточных возможностей, следует отметить работу 1985 г., описывающую исследование Р. Фреймейера (R. Freymeyer) и П. Ричи (P. Ritchey) [5, р. 420–421]. В этом исследовании авторы разделили множество возникающих для мигрантов возможностей по функциональным категориям (типы занятости), чтобы сравнить адекватность промежуточной структуры возможностей для нескольких различных распределений. Это было сделано, чтобы понять, сохраняет ли модель Стауффера свою объяснительную силу при различном распределении возможностей для разных групп мигрантов. В результате было выявлено, что модифицированная модель Стауффера неспособна объяснить все возникающие миграционные потоки, и авторами был сделан вывод о необходимости доработки этой модели [5].

Сегодня идеи С. Стауффера в том или ином виде сохраняются в поле миграционных исследований, примером чему могут служить работы Е. Фурфаро (E. Furfaro) и соавторов [6], а также Б. Лемоса (B. Lemos) и соавторов [8], в которых Стауффер описывается как один из классиков исследования миграции.

Литература

1. Ravenstein E. G. The Birthplaces of the People and the Laws of Migration. London: Kessinger Publishing, 1876. (Last ed.: 2010).
2. Ravenstein E. G. The laws of migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. Vol. 48, no. 2. P. 167–235.
3. Ravenstein E. G. The laws of migration // Journal of the Statistical Society of London. 1889. Vol. 52, no. 2. P. 241–305.
4. Fairchild H. P. Immigration: a world movement and its American Significance. New York: Macmillan, 1925.
5. Freymeyer R. H., Ritchey P. N. Spatial distribution of opportunities and magnitude of migration // Sociological Perspectives. 1985. Vol. 28, no. 4. P. 419–440. <https://doi.org/10.2307/1389227>

6. *Furfaro E., Castelletti F., Raftery A. E.* Bayesian estimation and projections of internal migration flows in Italy // International Population Conference 2021. 2021. P. 1–18. URL: <https://ipc2021.popconf.org/uploads/2111055> (дата обращения: 07.05.2024).
7. *Thomas D. S.* Research memorandum on migration differentials // Social Science Research Council Bulletin (New York). 1938. No. 43. P. 423.
8. *Lemos B. M., Nascimento F. A. C. do, Silva M. A. V. da.* Influence of the spatial distribution of jobs in intervening opportunities models // Transportation Research Record. 2023. Vol. 2677, no. 5. P. 1441–1454. <https://doi.org/10.1177/03611981221143374>
9. *Lively C. E.* Research memorandum on migration differentials: A report of the Committee on Migration Differentials // Journal of Political Economy. 1940. No. 48. P. 300.
10. *Thomas W. I., Znaniecki F. W.* The Polish Peasant in Europe and America: monograph of an immigrant group. Chicago: University of Illinois Press, 1996.
11. *Park R., Burgess E., McKenzie R.* The City: suggestions for the investigation of human nature in the urban environment. Chicago, 1925.
12. *Wirth L.* Cultural Conflicts in the Immigrant Family: Unpublished master's thesis, University of Chicago, 1925.
13. *Stark O., Bloom D.* The new economics of labor migration // The American Economic Review. 1985. Vol. 75, no. 2. P. 173–178.
14. *Green W. H.* Standards of living in the Cleveland Metropolitan District: Special Report of the Real Property Inventory of Metropolitan Cleveland. Cleveland, 1935.
15. *Green W. H.* Movements of families: Report of the Real Property Inventory of the Metropolitan District. Cleveland, 1936.
16. *Stouffer S. A.* Intervening opportunities: A theory relating mobility and distance // American Sociological Review. 1940. Vol. 5, no. 6. P. 845–867.
17. *Трезубова Н. Д., Стариков В. С.* Сетевые траектории идеологической радикализации транснациональных мигрантов: анализ современных исследований и подходов // Петербургская социология сегодня. 2018. № 10. С. 50–64.
18. *Резаев А. В., Степанов А. М., Лисицын П. П.* Транснациональные мигранты в пространстве современного города // Социологическое обозрение. 2020. № 2. С. 254–275.
19. *Weber E. H.* Tastsinn und Gemeingefühl (repr. of 1846). Leipzig: W. Engelmann, 1905.
20. *Fechner G. T.* Elemente der Psychophysik. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1860.
21. *Zipf G. K.* Human Behavior and the Principle of Last Effort: An introduction to human ecology. Cambridge: Addison-Wesley Press, 1949.
22. *Lewis A.* The Theory of Economic Growth. London: Taylor & Francis, 1956.
23. *Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E.* Theories of international migration: A review and appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19, no. 3. P. 431–466.
24. *Van Hear N.* Migration, displacement, and social integration. UNRISD Occasional Paper: World Summit for Social Development. No. 9. Geneva: United Nations Research Institute for Social Development, 1994.
25. *Lee E. A.* Theory of migration // Demography. 1966. Vol. 3, no. 1. P. 47–57.
26. *Williams A. M., Balaz V.* Migration, risk, and uncertainty: theoretical perspectives // Population, Space and Place. 2012. Vol. 18, no. 2. P. 167–180.
27. *Василенко П. В.* Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионологический журнал. 2013. № 16. С. 36–42.
28. *Яковлева Е. Б.* История и теории миграционных процессов // Теория и практика общественного развития. 2017. № 3. С. 20–23.
29. *Stouffer S. A.* Intervening opportunities and competing migrants // Journal of Regional Science. 1960. Vol. 2, no. 1. P. 1–26. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.1960.tb00832.x>

Статья поступила в редакцию 25 октября 2023 г.;
рекомендована к печати 21 марта 2024 г.

Контактная информация:

Лисицын Павел Петрович — канд. социол. наук, доц.; fox_sociology@mail.ru
Степанов Александр Михайлович — канд. социол. наук, доц.; 9160001@inbox.ru
Гибзатов Роман Русланович — аспирант; gibzaza@yandex.ru

S. Stauffer's theory of the interdependence of mobility and distance as a basis for modern migration studies*

P. P. Lisitsyn, A. M. Stepanov, R. R. Gibazov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Lisitsyn P. P., Stepanov A. M., Gibazov R. R. S. Stauffer's theory of the interdependence of mobility and distance as a basis for modern migration studies. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 1, pp. 4–16. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.101> (In Russian)

This article analyzes the scientific legacy of S. Stouffer, one of the founders of migration studies. The main value of his work lies not so much in the data he received, but in questions he formulated about migration, which still remain relevant. The article substantiates the need for modern researchers to refer to the works of the classics of migration studies, and consistently examines the questions that S. Stouffer tried to answer in his works. Particular attention is paid to data sources for the analysis of migration processes, S. Stouffer's arguments about the subjectivity of migrants and the existence of various strategies of migration behavior, as well as the concepts of "assumed" and "real" migration opportunities are analyzed. In conclusion, the article formulates the main theses that seem relevant to migration researchers today, and also describes a theoretical framework that suggests a connection between mobility and distance. Basing on the key thesis of this article that: "the lost value of research with Stouffer's today is the devaluation of answers to fundamental and applied questions of migration, but the acquired value is the revaluation of the very questions posed by him", the authors of the text demonstrate the continuity and evolution of scientific thought about migration processes from the middle of the 20th century up to the present day.

Keywords: migration strategies, migrant subjectivity, migration opportunities, interdisciplinary, migration theories.

References

1. Ravenstein E. G. *The Birthplaces of the People and the Laws of Migration*. London, Kessinger Publishing, 1876. (Last ed.: 2010).
2. Ravenstein E. G. The laws of migration. *Journal of the Statistical Society of London*, 1885, vol. 48, no. 2, pp. 167–235.
3. Ravenstein E. G. The laws of migration. *Journal of the Statistical Society of London*, 1889, vol. 52, no. 2, pp. 241–305.
4. Fairchild H. P. *Immigration: a world movement and its American Significance*. New York, Macmillan, 1925.
5. Freymeyer R. H., Ritchey P. N. Spatial distribution of opportunities and magnitude of migration. *Sociological Perspectives*, 1985, vol. 28, no. 4, pp. 419–440. <https://doi.org/10.2307/1389227>
6. Furfaro E., Castelletti F., Raftery A. E. Bayesian estimation and projections of internal migration flows in Italy. *International Population Conference 2021*, 2021, pp. 1–18. Available at: <https://ipc2021.popconf.org/uploads/211055> (accessed: 07.05.2024).
7. Thomas D. S. Research memorandum on migration differentials. *Social Science Research Council Bulletin (New York)*, 1938, no. 43, p. 423.
8. Lemos B. M., Nascimento F. A. C. do, Silva M. A. V. da. Influence of the spatial distribution of jobs in intervening opportunities models. *Transportation Research Record*, 2023, vol. 2677, no. 5, pp. 1441–1454. <https://doi.org/10.1177/03611981221143374>

* The article was prepared within research project of the Russian Science Foundation (RSF) no. 24-28-00467, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00467/>.

9. Lively C.E. Research memorandum on migration differentials: A report of the Committee on Migration Differentials. *Journal of Political Economy*, 1940, no. 48, p. 300.
10. Thomas W.I., Znaniecki F.W. *The Polish Peasant in Europe and America: monograph of an immigrant group*. Chicago, University of Illinois Press, 1996.
11. Park R., Burgess E., McKenzie R. *The City: Suggestions for the investigation of human nature in the urban environment*. Chicago, 1925.
12. Wirth L. *Cultural Conflicts in the Immigrant Family: unpublished master's thesis*. University of Chicago, 1925.
13. Stark O., Bloom D. The new economics of labor migration. *The American Economic Review*, 1985, vol. 75, no. 2, pp. 173–178.
14. Green W.H. Standards of living in the Cleveland Metropolitan District. *Special Report of the Real Property Inventory of Metropolitan Cleveland*. Cleveland, 1935.
15. Green W.H. Movements of families. *Report of the Real Property Inventory of the Metropolitan District*. Cleveland, 1936.
16. Stouffer S.A. Intervening opportunities: A theory relating mobility and distance. *American Sociological Review*, 1940, vol. 5, no. 6, pp. 845–867.
17. Tregubova N.D., Starikov V.S. Network trajectories of the ideological radicalization of transnational migrants. *Peterburgskaia sotsiologiya segodnia*, 2018, no. 10, pp. 50–64. (In Russian)
18. Rezaev A.V., Stepanov A.M., Lisicyn P.P. Transnational migrant in the Urban space. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2020, no. 2, pp. 254–275. (In Russian)
19. Weber E.H. *Tastsinn und Gemeingefühl* (repr. of 1846). Leipzig, W. Engelmann, 1905.
20. Fechner G.T. *Elemente der psychophysik*. Leipzig, Breitkopf und Härtel, 1860.
21. Zipf G.K. *Human Behavior and the Principle of Last Effort. An introduction to human ecology*. Cambridge, Addison-Wesley Press, 1949.
22. Lewis A. *The Theory of Economic Growth*. London, 1956.
23. Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. Theories of international migration: A review and appraisal. *Population and Development Review*, 1993, vol. 19, no. 3, pp. 431–466.
24. Van Hear N. *Migration, displacement, and social integration. UNRISD Occasional Paper: World Summit for Social Development*. No. 9. Geneva: United Nations Research Institute for Social Development, 1994.
25. Lee E. A theory of migration. *Demography*, 1966, vol. 3, no. 1, pp. 47–57.
26. Williams A.M., Balaz V. Migration, risk, and uncertainty: theoretical perspectives. *Population, Space and Place*, 2012, vol. 18, no. 2, pp. 167–180.
27. Vasilenko P.V. Foreign theories of migration. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, 2015, no. 16, pp. 36–42. (In Russian)
28. Yakovleva E.V. History and theory of migration processes. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, 2017, no. 3, pp. 20–23. (In Russian)
29. Stouffer S.A. Intervening opportunities and competing migrants. *Journal of Regional Science*, 1960, vol. 2, no. 1, pp. 1–26. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.1960.tb00832.x>

Received: October 25, 2023

Accepted: March 21, 2024

Authors' information:

Pavel P. Lisitsyn — PhD in Sociology, Associate Professor; fox_sociology@mail.ru

Alexander M. Stepanov — PhD in Sociology, Associate Professor; 9160001@inbox.ru

Roman R. Gibazov — Postgraduate Student; gibzaza@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

УДК 316.62

Отношение россиян и китайцев к коррупционным практикам: кросс-культурный анализ

А. А. Максименко¹, О. С. Дейнека², П. П. Дерюгин²,
Д. В. Крылова¹, Е. В. Забелина³

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

² Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

³ Челябинский государственный университет,
Российская Федерация, 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Для цитирования: Максименко А. А., Дейнека О. С., Дерюгин П. П., Крылова Д. В., Забелина Е. В. Отношение россиян и китайцев к коррупционным практикам: кросс-культурный анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 1. С. 17–32.
<https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.102>

Статья посвящена сравнительному анализу отношения россиян и китайцев к коррупционным практикам. Исследование проводилось анонимно в режиме онлайн-опроса с помощью сервиса <https://webanketa.ru>. В нем приняли участие 275 россиян и 105 китайцев. Для определения отношения к коррупционным практикам был разработан авторский опросник, составленный на основе цветовой модели Арнольда Хайденхаймера (2015). Опросник состоял из 59 гипотетических ситуаций, для оценки коррупционности которых применялась 7-балльная шкала. Для китайских участников исследования филологом-билингвом был выполнен перевод опросника на китайский язык. Проверка инструмента на надежность подтвердила высокую согласованность данных (α Кронбаха = 0,962). Результаты факторного анализа позволили выделить три фактора и подтвердить цветовую модель (черная, серая, белая) восприятия коррупции А. Хайденхаймера. Результаты исследования позволили выявить как общие черты, так и культурно-специфические особенности восприятия коррупции. Сравнительный анализ данных показал, что девиантные действия чиновников или лиц, социальная роль которых жестко регламентирована в обществе и предполагает высокие моральные

качества (судья, врач, полицейский и т. д.), оценивались респондентами как высококоррупционные в обеих выборках. Также в обеих национальных группах коррупционным действиям носителей таких социальных ролей, как стюардесса, преподаватель или тренер, респонденты ставили более низкие оценки, чем коррупционным действиям чиновников, к которым предъявлялись более высокие моральные требования. При этом респонденты из Китая статистически достоверно оценивали гипотетические ситуации черной коррупции как менее коррупционные, в отличие от россиян. Белая коррупция, напротив, осуждалась китайцами значимо выше, чем россиянами. В полученных результатах нашли отражение трансцендентальная легитимация власти, присущая китайскому менталитету, и горизонтальная ответственность, зафиксированная в феномене *гуаньси*.

Ключевые слова: восприятие коррупции, цветовая модель коррупции, гипотетические коррупционные ситуации, кросс-культурное исследование, россияне, китайцы.

Введение

Проблемы коррупции носят интернациональный характер. Изучение особенностей отношения китайских и российских граждан к коррупционным правонарушениям представляет интерес на фоне произошедшего в последние годы сближения двух стран, претендующих на статус сверхдержав и имеющих свои уникальные методы противодействия глобальным вызовам.

Мощный экономический рынок Китая открывает большие возможности не только для Поднебесной, но и для других стран: рост китайской экономики всего лишь на 1 % ведет, по мнению экспертов, к добавочному росту экономик, связанных с Китаем, на 0,3 % [1]. Однако наряду с возможностями динамичный рост экономики Китая обременен сопутствующими проблемами, среди которых — усиление коррупции. Так, например, факт молниеносного распространения пандемии коронавируса в Китае в 2020 г. эксперты связывают с фактором коррупции, в частности с отсутствием организованной грамотной диагностики, несмотря на государственный заказ на разработку тестовых систем, который за откаты в 1 млн юаней (145 тыс. долл.) получили три китайские компании, персонал которых, как выяснилось позднее, не имел нужных опыта и компетенций. Данная коррупционная схема увеличила заболеваемость на 86 % [2].

Основной особенностью противодействия коррупции в Китае являются принудительное лишение коррупционера определенных благ и возложение на него специальных репрессивных обязанностей: исключение из партии, большие сроки лишения свободы, штраф и конфискация преступно нажитого имущества [3]. Смертная казнь, введенная в Китае 1985 г., приводится в исполнение крайне редко и заменяется на длительные или пожизненные сроки с конфискацией имущества и трансляцией в СМИ покаянных речей бывших чиновников [4]. В 2012 г., с приходом к власти Си Цзиньпина, борьба с коррупцией приобрела системный характер, затрагивающий интересы «тигров» (управленческие элиты), «мух» (фигуранты бытовой коррупции), «лис» (так называемых «голых чиновников», уводящих капиталы за рубеж для живущих там семей), хотя единый закон о коррупции до сих пор не принят [5]. Положительный эффект также дают ужесточение партийной дисциплины (в Китае практически 100 % чиновников партийные) и развитие

международного сотрудничества в сфере экстрадиции беглых коррупционеров в Поднебесную [6]. Кроме того, поведение высокопоставленных чиновников регулируется нормативными документами, принятыми в 2016 г. на шестом пленуме ЦК КПК 18-го созыва («Некоторые нормы внутривластной политической жизни в новой ситуации» и «Положение КПК о внутривластном контроле»), которые содержат в общей сложности более 200 пунктов [7].

В то же время следует учитывать и социокультурный фактор в профилактике коррупции. По мнению А. Боатенга (A. Boateng) с коллегами [8], параметры национальных культур оказывают более сильное влияние на деловую культуру и коррупцию, чем качество корпоративного управления. Так, некоторые зарубежные авторы отмечают, что набирающая обороты карательная машина судопроизводства и исполнения наказания на обычных китайцев практически не оказывает устрашающего действия: мздоимство является повсеместным и неотъемлемым элементом китайской жизни [9]. Конверт ритуального красного цвета с деньгами (*хунбао*) как авансирование государственной услуги в медицинском или образовательном учреждении в широких кругах китайцев коррупцией не считается. Столетиями укоренившаяся во всей социальной системе практика перешла и в цифровой мир отношений: в китайском мессенджере WeChat есть отдельная функция: «отправить *хунбао*». Выстраивание социальных, в том числе и карьерных, отношений в Китае происходит на основе системы неформальных связей — *гуаньси* (*guanxi*), которая является питательной средой для коррупции [10; 11]. Будучи своеобразным нетворкингом на основе родства/землячества, *гуаньси* выступает доминирующим фактором в продвижении по службе и в решении о распределении государственных подрядов.

Из шести культурных измерений стран в модели Г. Хофстеде (G. Hofstede) [12] (дистанция власти, индивидуализм/коллективизм, маскулинность/феминность, временной горизонт ориентации на будущее, избегание/приемлемость неопределенности, потворство своим желаниям или индугенция/сдержанность) в качестве факторов культурной обусловленности коррупции выделяют большую дистанцию власти, высокий уровень коллективизма, высокий уровень маскулинности [13]. Сравнение культурных особенностей россиян и китайцев по этим параметрам с опорой на данные больших чисел [14] показывает, что в обеих культурах показатель «дистанции власти» очень высок. Также обе культуры не являются индивидуалистическими, но Китай принадлежит к странам с ярко выраженной коллективистской культурой, где люди себя идентифицируют с группой с довольно развитым чувством «мы». Кроме того, у представителей двух культур (наций) низкие показатели по параметру «Индугенция»: и в российском, и в китайском обществе граждане способны контролировать удовлетворение своих желаний, не придают большого значения развлечениям и не действуют так, как им заблагорассудится, что относится к сдержанному типу культуры и может снижать коррупционные тенденции. Большие различия обнаружены в показателе «маскулинность» (мера ориентации на материальный успех и личные достижения), по которому представители Китая намного превосходят россиян. Таким образом, обобщенный и несколько упрощенный типологический подход к проблеме культурной обусловленности коррупции делает культуры двух стран во многом схожими, но с заметными различиями в параметре маскулинности.

Примечательно, что основанные на релевантной методологии межстрановые замеры восприятия уровня коррупции практически не представлены в научной литературе. Политически ангажированные и тенденциозные данные Transparency International¹ к таковым, в силу объективных причин, не относятся.

Целью настоящего исследования явился кросс-культурный сравнительный анализ отношения к коррупционным ситуациям жителей России и Китая с учетом демографических параметров.

Методология и методы

В качестве концептуальной опоры авторского инструмента для исследования отношения к коррупционным практикам была использована цветовая модель А. Хайденхаймера (A. Heidenheimer) [15]. Автор модели типологизировал коррупцию в зависимости от ее общественной конвенциональности (общепринятости в обществе). Белая коррупция, по его замыслу, соотносится с коррупционными практиками, которые не считаются предосудительными. Относительно черной коррупции также существует общественный консенсус: подобного рода практики осуждаются и порицаются. В отношении серой коррупции конвенционального согласия нет: определенные слои общества выражают желание санкций и наказания субъекта коррупционных действий, другие выступают с противоположной точкой зрения, а большинство не имеет сформированного мнения по этому поводу.

Нами был разработан опросник, состоящий из 59 гипотетических ситуаций с 7-балльной шкалой оценки их коррупционности по Р. Лайкерту. Ситуации различались по степени общественной угрозы, тяжести преступления, социальной роли коррупционера и выгодоприобретателя. Проверка инструмента на надежность подтвердила высокую согласованность данных (α Кронбаха = 0,962). Обработка данных осуществлялась при помощи программы SPSS Statistics 19.0.

Выборка и процедура. Исследование проводилось анонимно в режиме онлайн-опроса с помощью сервиса <https://webanketa.ru>, на котором были размещены ссылки на русском и китайском языках. В нем приняли участие 275 россиян, из них 55,9 % женщин и 44,1 % мужчин, средний возраст опрошенных $M = 35,68$; $SD = 7,44$, а также 105 китайцев, из них 43,8 % женщин и 56,2 % мужчин, средний возраст опрошенных $M = 32,61$; $SD = 12,41$. Учитывались также уровень образования, семейное положение, степень религиозности и уровень субъективного дохода респондентов. Перевод анкеты с русского языка на китайский осуществлялся носителем китайского языка, работающим преподавателем китайского языка в российском университете. Рекрутинг российских респондентов производился через социальные сети методом снежного кома, набор китайских респондентов осуществлялся с помощью китайских студентов и магистрантов, проходивших обучение/стажировку в Санкт-Петербургском государственном университете.

¹ Российское отделение Transparency International было признано иностранным агентом в 2015 г., а 06.03.2023 Генеральная прокуратура России признала деятельность российского отделения НКО нежелательной, поскольку она «явно выходила за рамки декларируемых целей и задач».

Таблица 1. Фактор черной коррупции, факторный вес

7. Чиновник надзорного органа закрывает глаза на загрязнение окружающей среды предприятием, которое преподнесло ему денежное вознаграждение (взятку) (0,910)	9. Распределение ресурсов, чиновник направляет их тому предприятию, которое дало взятку (0,901)	18. Главный прокурор области не закрывает подпольное казино на условиях получения в свой карман процента от прибыли (0,880)	23. Судья получает через посредника от брата подкупиемого 1,2 млн руб. в обмен на более мягкое наказание подкупимому (0,871)
36. Крупная корпорация решила оплатить отдых в Египте для чиновника и его жены, чтобы выиграть тендер на \$ 10 млн (0,796)	13. Инспектор ГИБДД останавливает машину за превышение скорости, но, получив от водителя взятку, отпускает его (0,794)	59. Полицейский в ходе досмотра обнаружил у задержанного пакет с марихуаной. За освобождение от уголовной ответственности он предложил гражданину заплатить 150 тыс. руб. (0,793)	5. Врач в государственной больнице, пренебрегая своими обязанностями, направляет на лечение по квоте того пациента, который ему заплатит (0,798)
25. Сотрудник таможни за вознаграждение позволяет иностранным гражданам провезти через границу запрещенные товары (0,788)	31. Крупный чиновник за вознаграждение помогает предпринимателям получать госзаказы и выигрывать тендеры (0,786)	8. Государственный служащий оказывает влияние на конкурсную комиссию государственного органа в целях назначения на должность своего родственника (0,751)	37. Руководитель подразделения в вузе, используя служебное положение, устанавливает сотрудникам повышенные премиальные выплаты, из которых часть денег они возвращают ему (0,702)
3. Во время пандемии чиновник из средств помощи малому бизнесу выделяет средства в первую очередь бизнесу своих родственников/знакомых (0,687)	56. Врач государственной больницы предлагает пациентам платить за услуги, которые полагается оказывать бесплатно по страховому полису (0,674)	15. Крупная фармацевтическая компания приплачивает врачам за рекламу препараты закупаемого за бюджетные деньги препарата без упоминания о его побочных эффектах и противопоказаниях (0,673)	33. Действующий мэр города, намереваясь переизбираться, выделяет из бюджета субсидии одному медиа-холдингу в обмен на то, что во время предвыборной кампании холдинг будет освещать его в более выгодном свете в отличие от конкурентов (0,665)
20. Чиновники областного департамента культуры, не проводя конкурсного отбора, отправляют на программу молодежного обмена в Европу по квоте от региона своих детей (0,659)	11. При прохождении медицинской комиссии призывник, чтобы «откосить» от армии, дает взятку за диагноз «плоскостопие» (0,657)	44. Муниципальное предприятие, оказывающее ритуальные услуги за счет родственников умерших, в документе присваивало умершим категорию «невыстребованные» и получало из городского бюджета деньги на их захоронение (0,617)	47. Заместитель начальника УФСИН давал поручение начальству колонии-поселения привлекать осужденных, оплата труда которых осуществляется из бюджета, к работе на стороне фирмы, с которыми у него была договоренность (0,601)
2. Бухгалтер в коммерческой компании начисляет большую заработную плату своему родственнику/знакомому (0,569)	38. Начальник отдела по международному сотрудничеству вуза выделяет своего сына среди всех подавших заявку на грант стажировки за рубежом студентов (0,562)	39. Сотрудник университета за денежное вознаграждение предоставляет студентам жилые помещения в студенческом общежитии без составления договора (0,516)	

Примечание. В скобках приведены факторные нагрузки признаков.

Результаты исследования

Проверка цветовой модели коррупционных практик. Факторный анализ данных позволил выделить три подтверждающих цветовую модель коррупции фактора. В табл. 1 приведены признаки первого фактора матрицы «Черная коррупция».

Фактор черной коррупции объединил оценки коррупционности ситуаций, в которых субъектами выступали лица высокого социального статуса, обладающие административной властью и полномочиями (прокурор, судья, чиновник и т. д.). Кроме того, практически все ситуации данного фактора связаны с денежной выгодой коррупционера (со взяткой) либо с ресурсами, предполагающими высокие материальные затраты (международная стажировка, обслуживание бизнес-джета). Фактор сформировали практики, оцениваемые респондентами обеих групп как высокорезультативные и предположительно заслуживающие строгого наказания (за нарушение закона), причем, помимо использования высокого служебного положения для получения личной выгоды, часть ситуаций связана с осуждаемыми в обществе и признаваемыми аморальными явлениями (например, употребление наркотиков).

Второй фактор, серая коррупция (табл. 2), объединил оценки ситуаций, предполагающих коррупционные действия не столько в личных целях, сколько в интересах других людей (любимых, близких, родственников, друзей или людей, к которым мы испытываем симпатию). Такие ситуации, как правило, не связаны напрямую с деньгами, они касаются предоставления больших, чем положено, возможностей и/или небольших материальных подарков. Даже если речь в них идет о денежном вознаграждении, то подчеркивается небольшой размер суммы.

В третий фактор, белой коррупции (табл. 3), вошли оценки ситуаций, в которых коррупционные действия не являются требованием со стороны субъекта коррупции, а выполняются фигурантами добровольно как выражение благодарности за услугу, например за проведение лечения, за обучение после выпускного экзамена, сопровождение на спортивных сборах или согласие стать партнером по бизнесу. Эти ситуации оцениваются довольно низко по уровню коррупционности, что дает основание предполагать, что они являются социальной нормой, негласным правилом, принятым в обществе. Здесь размер суммы вознаграждения или подарка также является небольшим (символическим). Исключением является 17-я ситуация, присоединение оценки которой к данному фактору можно объяснить тем, что субъект коррупции не получает прямой выгоды от своих действий, а, напротив, действует в интересах «простых людей».

Демографические факторы восприятия коррупционных практик. Результаты корреляционного анализа позволили оценить роль некоторых демографических факторов (возраст, пол, уровень образования, семейное положение, степень религиозности и уровень субъективного дохода респондентов) в восприятии коррупции. Так, чем старше были респонденты обеих выборок, тем критичнее они относились к ситуациям, в которых используется служебное положение в личных целях (например, при $p < 0,01$ в ситуациях с завхозом общеобразовательной школы, сдающим в аренду в вечернее время школьный спортивный зал; с лоббированием чиновником министерства транспорта бизнеса своей жены и установки новых металлодетекторов ее фирмы на входах в аэропорт и метро; со стюардессой,

Таблица 2. Фактор серой коррупции, факторный вес

52. Главный редактор журнала о культуре и искусстве опубликовала в своем журнале статью в поддержку работника, поскольку состоит с ним в романтических отношениях (0,677)	55. Начальник комитета по культуре не увольняет непрофессионального работника, поскольку состоит с ним в романтических отношениях (0,677)	51. Молодой университетский преподаватель, состоящий в романтических отношениях с одной из своих студенток, помогает ей выплунуть на экзамене единственный билет, который она выучила (0,635)	54. Лучшие учителя школы преподают в классе, где учится дочь директора школы (0,605)
34. Предприниматель оформляет своему сыну-студенту справку о прохождении в его фирме производственной практики, хотя студент ничего не делал (0,597)	32. Дочь воспитателя детского сада всегда играет главные роли на детских утренниках (0,581)	46. Психолог в университете гражданской авиации помогает симпатичным ей студентам проходить тест на пригодность, проводящийся на профпригодность (0,573)	49. Заслуженная балерина стличного театра оперы и балета просит комиссию принять ее дочь в хореографическое училище, несмотря на то что она не проходит по конкурсу (0,572)
35. Вожатый закрывает глаза на то, что мальчики из старшего отряда курят, поскольку те угощают его сигаретами (0,566)	40. Школьный преподаватель занимается репетиторством с учеником из своего класса и разбирает с ним на этих занятиях реальные варианты лучших контрольных работ (0,541)	48. Стюардесса, увидев в салоне самолета известного актера, приглашает его пересесть в сектор бизнес-класса на свободное место. В благодарность она дает ей автограф и фотографируется с ней (0,534)	30. Сотрудник спортивного магазина в первые минуты реализации новой уникальной партии кроссовок, за которыми в магазин уже выстроилась очередь, покупает несколько пар, чтобы потом продать их дороже (0,549)

Таблица 3. Фактор белой коррупции, факторный вес

16. Заведующая общежитием одобрила переселение студентов, желающих жить вместе, в другую комнату, поэтому после подписания договора студенты решили сделать небольшой подарок (коробку конфет и чай) (0,763)	14. Предприниматель оказывает финансовую помощь одной из инициативных молодых команд по восстановлению зоопарка города, за что по окончании работ в знак благодарности команда вручает ему безлимитные билеты на посещение комплекса (0,750)	19. Благодарность за отзывчивость и надлежащий уход за пациенткой преклонного возраста во время программы профилактического обследования сын пациентки дарит местре букет цветов и подарочную карту «Л'Этуаль» на сумму 2000 руб. (0,746)	10. Руководитель небольшого предприятия после заключения важной сделки решает пригласить руководителя более крупной фирмы на дружеский обед (0,632)
12. После завершения сложной операции врач по личной инициативе решает выбрать путевку в санаторий от больницы для восстановления пациента, за что благодарный пациент и его семья делают врачу хороший подарок (0,627)	26. Выпускники бакалавриата, согласно сложившейся традиции, накрывают стол для членов аттестационной комиссии после защиты дипломов (0,560)	42. Сотрудник фирмы использует офисную технику в личных целях (0,513)	17. Областные власти дают согласие на строительство торгового центра только при условии пожертвования денег на улучшение инфраструктуры района (0,563)

выдающий багаж своей подруги за свой). Женщины статистически достоверно острее реагировали на такие коррупционные аморальные ситуации, как сексуальное домогательство на работе ($r = 0,16$; $p < 0,01$) и употребление марихуаны ($r = 0,14$; $p < 0,01$). Более образованные респонденты выше оценивали коррупционность лоббирования чиновником бизнеса жены. Более религиозные респонденты в большей степени осуждали кумовство в политике (ситуация с государственным служащим, оказывающим влияние на конкурсную комиссию в целях назначения на должность своего родственника», $r = 0,138$). Чем выше была оценка своего дохода, тем естественнее (как менее коррупционные) воспринимались ситуации, в которых фигурируют материальные вознаграждения за услуги и подарки. Одиноким респондентам оказались критичнее, чем семейным, к ситуациям, в которых фигуранты используют свое служебное положение и превышают полномочия ради близких, членов семьи и друзей. На китайской выборке фактор семейного положения в восприятии коррупции оказался более выраженным. Получены высокозначимые корреляции, свидетельствующие о более терпимом отношении к гипотетическим коррупционным ситуациям семейных людей.

Сравнительный анализ мнений относительно степени коррупционности представленных в опроснике гипотетических ситуаций в группах китайских и российских респондентов показал, что рейтинг коррупционности в разных культурных группах в целом довольно схож. Так, первые три места (рассматриваются как наиболее коррупционные) в обеих группах заняли ситуации нарушения чиновником надзорного органа экологической безопасности за денежное вознаграждение; фаворитизм в распределении чиновником ресурсов в отношении предприятия, которое дало взятку; получение главным прокурором области процента от прибыли подпольного казино. Схожими у россиян и китайцев оказались мнения и относительно наименее коррупционных ситуаций: все они касались выражения благодарности в виде подарков. Полученные результаты позволяют предположить, что социальные представления о коррупции имеют универсальную природу.

В то же время сравнительный анализ выраженности мнений респондентов относительно степени коррупционности представленных в опроснике ситуаций показал многочисленные достоверные различия (табл. 4). Оценки коррупционности всех (кроме 38-й) ситуаций, попавших в фактор черной коррупции, показали высоко достоверные различия в группах россиян и китайцев. Респонденты из Китая оценили их как менее коррупционные, но при большем разбросе мнений.

В блоке оценок ситуаций, сформировавших фактор серой коррупции, значимых различий очень мало (с высокой достоверностью китайцы оценили выше только коррупционность ситуации с лучшими учителями для класса дочери директора, а россияне увидели коррупцию в действиях психолога, помогающего в университете гражданской авиации пройти тест симпатичным студентам). Таким образом, серая коррупция оказалась «нейтральной территорией» с точки зрения культурных различий между группами.

Что касается белой коррупции, то более критичными к ее практикам оказались китайцы. Статистически достоверно как более коррупционные они оценивают ситуации, в которых сотрудник фирмы использует офисную технику в личных целях; родители оплачивают тренеру билеты и проживание на сборах; руководитель

Таблица 4. Описательные статистики и достоверность различий оценки коррупционности ситуаций у российских и китайских респондентов

№	Ситуации	Группы		P
		Россия M(SD)	Китай M(SD)	
1	Дети едут на спортивные сборы в другой город, и родители решают оплатить тренеру полную стоимость проживания и авиабилетов в обе стороны	2,45(1,82)	3,30(2,06)	0,001
2	Бухгалтер в коммерческой компании начисляет бóльшую заработную плату своему родственнику/знакомому	5,79(1,71)	4,48(2,15)	0,001
3	Во время пандемии чиновник из средств помощи малому бизнесу выделяет средства в первую очередь бизнесу своих родственников/знакомых	6,23(1,39)	4,90(2,16)	0,001
5	Врач в государственной больнице, пренебрегая своими обязанностями, направляет на лечение по квоте того пациента, который ему заплатил	6,44(1,18)	5,42(1,98)	0,001
7	Чиновник надзорного органа закрывает глаза на загрязнение окружающей среды предприятием, которое преподнесло ему денежное вознаграждение (взятку)	6,72(0,96)	5,82(1,93)	0,001
8	Государственный служащий оказывает влияние на конкурсную комиссию государственного органа в целях назначения на должность своего родственника	6,26(1,30)	5,59(1,95)	0,008
9	Распределяя ресурсы, чиновник направляет их тому предприятию, которое дало взятку	6,70(0,97)	5,75(1,86)	0,001
10	Руководитель небольшого предприятия после заключения важной сделки решает пригласить руководителя более крупной фирмы на дружеский обед	2,39(1,76)	3,86(2,15)	0,001
11	При прохождении медицинской комиссии призывник, чтобы «откосить» от армии, дает взятку за диагноз «плоскостопие»	5,92(1,55)	4,97(2,18)	0,001
13	Инспектор ГИБДД останавливает машину за превышение скорости, но, получив от водителя взятку, отпускает его	6,44(1,18)	5,17(2,19)	0,001
14	Предприниматель оказывает финансовую помощь одной из инициативных молодых команд по восстановлению зоопарка города, за что по окончании работ в знак благодарности команда вручают ему безлимитные билеты на посещение комплекса	2,06(1,68)	3,03(2,11)	0,001
15	Крупная фармацевтическая компания приплачивает врачам за рекламирование пациентам закупаемого за бюджетные деньги препарата без упоминания о его побочных эффектах и противопоказаниях	5,91(1,55)	5,19(2,01)	0,005
16	Заведующая общежитием одобрила переселение студентов, желающих жить вместе, в другую комнату, поэтому после подписания договора студенты решили сделать небольшой подарок (коробку конфет и чай)	1,94(1,71)	2,43(1,94)	0,007
18	Главный прокурор области не закрывает подпольное казино на условиях получения в свой карман процента от прибыли	6,59(1,20)	5,70(2,03)	0,001

№	Ситуации	Группы		Р
		Россия М(SD)	Китай М(SD)	
19	В благодарность за отзывчивость и надлежащий уход за пациенткой преклонного возраста во время программы профилактического обследования сын пациентки дарит медсестре букет цветов и подарочную карту «Л'Этуаль» на сумму 2000 руб.	2,11(1,69)	3,17(2,14)	0,001
20	Чиновники областного департамента культуры, не проводя конкурсного отбора, отправляют на программу молодежного обмена в Европу по квоте от региона своих детей	5,99(1,62)	5,01(1,94)	0,001
23	Судья получает через посредника от брата подсудимого 1,2 млн руб. в обмен на более мягкое наказание подсудимому	6,59(1,11)	5,53(2,07)	0,001
25	Сотрудник таможни за вознаграждение позволяет иностранным гражданам провезти через границу запрещенные товары	6,35(1,42)	5,36(2,14)	0,001
27	Водитель припарковал автомобиль в неположенном месте и ушел. Вернувшись, он обнаружил на эвакуаторе свою машину. За денежное вознаграждение он договорился, что водитель эвакуатора остановит процесс и даст ему уехать	5,01(1,89)	4,27(2,06)	0,004
28	Экипаж самолета в течение двух лет стабильно берет и никак не регистрирует доплату с пассажиров за переход из экономического класса в бизнес-класс, при этом доплата делится между членами экипажа	5,25(1,95)	4,75(2,12)	0,048
31	Крупный чиновник за вознаграждение помогает предпринимателям получать госзаказы и выигрывать тендеры	6,40(1,21)	5,48(1,97)	0,001
33	Действующий мэр города, намеревающийся переизбираться, выделяет из бюджета субсидии одному медиахолдингу в обмен на то, что во время предвыборной кампании холдинг будет освещать его в более выгодном свете в отличие от конкурентов	5,98(1,54)	4,97(2,11)	0,001
36	Крупная корпорация решила оплатить отдых в Египте для госчиновника и его жены, чтобы выиграть тендер на \$ 10 млн	6,39(1,24)	5,29(2,03)	0,001
37	Руководитель подразделения в вузе, используя служебное положение, устанавливает сотрудникам повышенные премиальные выплаты, из которых часть денег они возвращают ему	6,05(1,48)	5,06(2,02)	0,001
39	Сотрудник университета за денежное вознаграждение предоставляет студентам жилые помещения в студенческом общежитии без составления договора	5,51(1,72)	3,97(2,08)	0,001
41	Главный врач бюджетного учреждения выписывает премию своей подчиненной, являвшейся его супругой	4,90(2,02)	3,89(2,16)	0,001
42	Сотрудник фирмы использует офисную технику в личных целях	2,91(1,84)	3,51(1,99)	0,01
43	Чиновник министерства транспорта, жена которого является владелицей производящей металлодетекторы фирмы, пролоббировал установку новых металлодетекторов на входах в аэропорт и метро	5,13(1,97)	4,10(2,12)	0,001

№	Ситуации	Группы		P
		Россия M(SD)	Китай M(SD)	
44	Муниципальное предприятие, оказывающее ритуальные услуги за счет родственников умерших, в документах присваивало умершим категорию «невостребованные» и получало из городского бюджета деньги на их захоронение	5,85 (1,64)	4,95(2,16)	0,001
45	Проводник поезда за небольшую сумму соглашается отойти от инструкций и взять на перроне посылку, чтобы передать ее на станции по пути следования	3,95(2,16)	4,53 (2,07)	0,05
46	Психолог в университете гражданской авиации помогает симпатичным ей студентам проходить тест на профпригодность, проводящийся каждый семестр	4,14 (2,08)	3,21(2,13)	0,001
47	Заместитель начальника УФСИН давал поручение начальству колонии-поселения привлекать осужденных, оплата труда которых осуществляется из бюджета, к работе на сторонние фирмы, с которыми у него была договоренность	5,70 (1,70)	4,85(2,18)	0,001
50	Служащим государственных компаний и учреждений начисляют премию за участие в провластном митинге	5,43 (1,81)	4,09(2,16)	0,001
54	Лучшие учителя школы преподают в классе, где учится дочь директора школы	4,25(2,08)	4,90 (1,99)	0,01
55	Начальник комитета по культуре не увольняет непрофессионального работника, поскольку состоит с ним в романтических отношениях	4,84 (1,90)	4,34(2,04)	0,05
56	Врач государственной больницы предлагает пациентам платить за услуги, которые полагается оказывать бесплатно по страховому полису	6,16 (1,53)	5,12(2,10)	0,001
59	Полицейский в ходе досмотра обнаружил у задержанного пакет с марихуаной. За освобождение от уголовной ответственности он предложил гражданину заплатить 150 тыс. руб.	6,44 (1,34)	5,68(2,16)	0,001

Примечание. Полужирным обозначены наибольшие средние значения.

малого предприятия приглашает руководителя более крупного предприятия на дружеский обед после важной сделки; за хороший уход за больной родственницей медсестре вручаются подарки; заведующая общежитием принимает подарки к чаю за переселение студентов в лучшую комнату; проводник поезда за деньги, нарушая инструкцию, берет посылку для передачи на станции по пути следования.

Выводы и обсуждение результатов

Результаты сравнительного исследования отношения к коррупционным практикам китайцев и россиян позволили выделить как общие черты, так и культурно-специфические особенности восприятия коррупции. Оценка степени коррупционности ситуаций в зависимости от их содержания имеет универсальные основания. Наиболее коррупционными независимо от культурных особенностей считаются ситуации, в которых представители власти (чиновник, прокурор) извлекают

личную денежную выгоду из своего служебного положения (черная коррупция). При этом пострадавшей стороной в этих ситуациях являются широкие социальные общности (предприниматели, городское население). Действия, совершаемые лицами, социальная роль которых жестко регламентирована в обществе и предполагает высокие моральные качества (судья, врач, полицейский и т. д.), также оцениваются респондентами в обеих группах как высококоррупционные и осуждаются. Субъекты коррупции в ситуациях, где личная выгода от коррупционных действий относительно невелика и не связана напрямую с деньгами (белая коррупция), не находят активного осуждения у представителей обеих стран. Оправдание коррупционных действий также наблюдается, если цель — помощь родственникам, близким людям.

Китайцы в целом оказались более терпимы к коррупции, чем россияне. Они ниже оценивали коррупционность ситуаций, относящихся к черной коррупции, в которой задействованы представители власти, руководства. При этом белая коррупция осуждалась ими значительно больше, чем россиянами. Китайцами больше, чем россиянами, порицаются дисциплинарные проступки, нарушения инструкции, дополнительные вознаграждения потребителями их услуг за труд, который и так оплачен. Очевидно, что более высокая оценка коррупционности этих ситуаций связана с особенностями культуры Китая, социальными стереотипами поведения, где социальные роли в бытовом поведении регламентированы более жестко, чем в России. Восприятие серой коррупции не показало достоверных различий.

Полученные результаты соответствуют выводам других авторов. В сознании китайцев власть и государство по своему назначению и смыслу являются носителями морального начала в обществе, связующим звеном между Небом и людьми, в чем проявляется трансцендентальная легитимация власти. Основная масса китайцев не проявляет политической и протестной активности не из страха перед властью, а из-за укрепившейся в сознании мысли, что нельзя идти против верхов, необходимо соблюдать гармонию и выполнять свои функции на занимаемом месте [16; 17]. Также в качестве объяснительного механизма целесообразно привлечь культурно специфичный китайский конструкт, в основе которого лежат неформальные партикуляристские отношения между начальником (руководителем, лидером) и подчиненным, а также между подчиненными членами, связанными имплицитным неформальным соглашением следовать правилам *гуаньси* [10]. Китайцы также продемонстрировали более терпимое отношение к гипотетическим коррупционным ситуациям семейных людей. Исторические корни таких оценок, возможно, лежат в традиционности, нерушимой стабильности рациональной установки в китайском менталитете, опирающемся на конфуцианство, которое культивировалось в рамках института большой семьи как модели мини-государства [17; 18]. Кроме того, *гуаньси* — отношения, основанные на культурно-исторических шаблонах социального устройства, главные из которых — коллективизм и общинное устройство с обязательной ответственностью члена перед родом (семьей) [10], предполагают прагматичность в решении практических вопросов с соблюдением принципа долгосрочной справедливости.

Таким образом, в полученных результатах нашли отражение трансцендентальная легитимация власти, присущая китайскому менталитету, и горизонтальная

ответственность, зафиксированная в феномене *гуаньси*. Исследование подтвердило наличие культурно-исторических и психологических различий в отношении к коррупции у россиян и китайцев.

Учет демографических параметров позволил сделать вывод, что среди субъектов, которые выше оценивали свои доходы, было больше тех, кто относился к коррупции снисходительно, что не противоречит результатам китайских исследователей [19]. Чем старше были респонденты обеих выборок, тем критичнее они относились к ситуациям использования служебного положения в личных целях. Более образованные респонденты выше оценивали коррупционность лоббирования. Более религиозные респонденты в большей степени осуждали кумовство в политике.

Ограничение настоящего исследования связано с невозможностью учесть все факторы, влияющие на восприятие коррупции, и акцентом на кросс-культурных различиях с учетом демографических факторов. В дальнейшем авторы планируют построение регрессионной модели, в которую добавят психологические особенности личности.

Литература

1. Мощный экономический отскок Китая открывает больше возможностей для других стран — глава МВФ // Синхуа Новости. 2023. 14.04. URL: <https://russian.news.cn/20230414/5faf5a7d513e4d1894b037d842281ae6/c.html> (дата обращения: 08.06.2023).
2. Дубровина В. «Через заднюю дверь». Как привычка китайцев давать взятки привела к распространению коронавируса // Lenta. 2020. 28 декабря. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/12/28/razlozhenie/> (дата обращения: 08.06.2023).
3. Шорохов В. Е. Современная модель государственной антикоррупционной политики в странах Восточной Азии // Российская юстиция. 2021. № 3. С. 20–22.
4. Майоров В. И., Дунаева О. Н. Сравнительный анализ мер противодействия коррупции в России и Китае // Вестник Сибирского государственного университета МВД России. 2021. Т. 44, № 3. С. 78–84.
5. Трощинский П. В. Борьба с преступностью в Китае: нормативно-правовой аспект // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 47–58.
6. Просеков С. А., Головлев Р. В. Борьба с коррупцией в современном Китае // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 5. С. 922–927.
7. Севальнев В. В. Законодательство в сфере противодействия коррупции: Россия и Китай (сравнительно-правовой аспект) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. Т. 64, № 3. С. 95–100.
8. Boateng A., Wang Ya., Ntim C., Glaister K. W. National culture, corporate governance and corruption: A cross-country analysis // International Journal of Finance and Economics. 2021. No. 26. P. 3852–3874. <https://doi.org/10.1002/ijfe.1991>
9. Taplin N. China's Corruption Paradox. Research suggests graft helped spur China's growth. Are Xi's anticorruption efforts undermining it? // The Wall Street Journal. 2019. November 1. URL: <https://www.wsj.com/articles/chinas-corruption-paradox-11572600605> (дата обращения: 21.04.2023).
10. Графов Д. Б. «Дилемма заключенного» и «эффект безбилетника» в условиях коллективной лояльности «гуаньси» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. II, № 3 (40). С. 213–224.
11. Мозиас П. М. Коррупция в Китае: причины, формы, тенденции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2019. № 1. С. 35–63.
12. Hofstede G. H. Cultures and organizations: Software of the mind. New York: McGraw Hill, 2015.
13. Husted B. Wealth, culture and corruption // Journal of International Business Studies. 1999. Vol. XXX, no. 2. P. 339–346.

14. Country comparison tool // The Culture Factor Group. 2023. October 16. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison-tool> (дата обращения: 26.10.2023).

15. Heidenheimer A. Political corruption: readings in Comparative Analysis. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1970.

16. Омурова Б. Н. Основные характеристики политической культуры Китая // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2014. Т. 14, № 6. С. 182–184.

17. Ракитянский Н. М. Ментальные исследования глобальных политических миров. М.: Моск. гос. ун-т, 2020.

18. Ма Фэньцзю. Российско-китайские отношения в контексте сравнительного анализа культур // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2012. № 2. С. 5–28.

19. Ma J., Guo B., Yu Ya. Perception of official corruption, satisfaction with government performance, and subjective wellbeing — an empirical study from China // *Frontiers in Psychology*. 2022. No. 13. P. 748704. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.748704>

Статья поступила в редакцию 20 июля 2023 г.;
рекомендована к печати 21 марта 2024 г.

Контактная информация:

Максименко Александр Александрович — д-р социол. наук, канд. психол. наук;
Maximenko.AI@gmail.com

Дейнека Ольга Сергеевна — д-р психол. наук, проф.; osdeyneka@yandex.ru

Дерюгин Павел Петрович — д-р социол. наук, канд. пед. наук, проф.; ppp1@rambler.ru

Крылова Дина Владимировна — krylovadv@yandex.ru

Забелина Екатерина Вячеславовна — д-р психол. наук; katty_k@mail.ru

Attitude to corruption practices of Russians and Chinese: Cross-cultural analysis

A. A. Maksimenko¹, O. S. Deyneka², P. P. Deryugin²,
D. V. Krylova¹, E. V. Zabelina³

¹ HSE University,
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation

² St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

³ Chelyabinsk State University,
129, ul. Bratëv Kashirinikh, Chelyabinsk, 454001, Russian Federation

For citation: Maksimenko A. A., Deyneka O. S., Deryugin P. P., Krylova D. V., Zabelina E. V. Attitude to corruption practices of Russians and Chinese: Cross-cultural analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 1, pp. 17–32. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.102> (In Russian)

The article is devoted to a comparative analysis of the attitude of Russians and Chinese towards corrupt practices. The study was conducted anonymously in an online survey using the service <https://webanketa.ru>. 275 Russians and 105 Chinese took part in it. To determine attitudes towards corrupt practices, the author's questionnaire was developed, based on the color model of A. Heidenheimer (2015). The questionnaire consisted of 59 hypothetical situations, to assess the corruption of which a 7-point scale was used. For the Chinese participants in the study, a bilingual philologist translated the questionnaire into Chinese. Reliability testing of the instrument confirmed high consistency of the data (Cronbach $\alpha = 0.962$). The results of factor analysis made it possible to identify three factors and confirm the color model (black,

gray, white) of the perception of corruption by A. Heidenheimer. The results of the study made it possible to identify both general features and culturally specific features of the perception of corruption. A comparative analysis of the data showed that deviant actions of officials or persons whose social role is strictly regulated in society and presupposes high moral qualities (judge, doctor, policeman, etc.) were assessed by respondents as highly corrupt in both samples. Also, in both national groups, respondents gave lower ratings to the corrupt actions of holders of such social roles as a flight attendant, teacher, or coach than to the corrupt actions of officials, who were subject to higher moral requirements. At the same time, respondents from China statistically reliably assessed hypothetical situations of black corruption as less corrupt, unlike Russians. White corruption, on the contrary, was condemned by the Chinese significantly more than by the Russians. The results obtained reflect the transcendental legitimation of power inherent in the Chinese mentality and the horizontal responsibility captured in the *guanxi* phenomenon.

Keywords: perception of corruption, color model of corruption, hypothetical corruption situations, cross-cultural research, Russians, Chinese.

References

1. China's powerful economic rebound opens up more opportunities for other countries — IMF Chief. *Sin'khua Novosti*. April 4, 2023. Available at: <https://russian.news.cn/20230414/5faf5a7d513e4d1894b037d842281ae6/c.html> (accessed: 06.08.2023). (In Russian)
2. Dubrovina V. "Through the back door". How the Chinese habit of giving bribes led to the spread of coronavirus. *Lenta*. 2020. December 28. Available at: <https://lenta.ru/articles/2020/12/28/razlozhenie/> (accessed: 06.08.2023). (In Russian)
3. Shorokhov V.E. Modern model of state anti-corruption policy in East Asian countries. *Rossiiskaia iustitsiia*, 2021, no. 3, pp. 20–22. (In Russian)
4. Mayorov V.I., Dunaeva O.N. Comparative analysis of anti-corruption measures in Russia and China. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta MVD Rossii*, 2021, vol. 44, no. 3, pp. 78–84. (In Russian)
5. Troshchinsky P.V. Fighting crime in China: a regulatory aspect. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2015, no. 8, pp. 47–58. (In Russian)
6. Prosekov S.A., Golovlev R.V. The fight against corruption in modern China. *Manuskript*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 922–927. (In Russian)
7. Sevalnev V.V. Legislation in the field of anti-corruption: Russia and China (comparative legal aspect). *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia*, 2017, vol. 64, no. 3, pp. 95–100. (In Russian)
8. Boateng A., Wang Ya., Ntim C., Glaister K.W. National culture, corporate governance and corruption: A cross-country analysis. *International Journal of Finance and Economics*, 2021, no. 26, pp. 3852–3874. <https://doi.org/10.1002/ijfe.1991>
9. Taplin N. China's Corruption Paradox. Research suggests graft helped spur China's growth. Are Xi's anticorruption efforts undermining it? *The Wall Street Journal*. 2019. November 1. Available at: <https://www.wsj.com/articles/chinas-corruption-paradox-11572600605> (accessed: 21.04.2023).
10. Grafov D.B. "Prisoner's dilemma" and "stowaway effect" in the context of collective loyalty "guanxi". *Iugo-Vostochnaia Aziia: aktual'nye problemy razvitiia*, 2018, vol. II, no. 3 (40), pp. 213–224. (In Russian)
11. Mozias P.M. Corruption in China: causes, forms, trends. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 9: Vostokovedenie i afrikanistika: Referativnyi zhurnal*, 2019, no. 1, pp. 35–63. (In Russian)
12. Hofstede G.H. *Cultures and organizations: Software of the mind*. New York, McGraw Hill, 2015.
13. Husted B. Wealth, Culture and Corruption. *Journal of International Business Studies*, 1999, vol. XXX, no. 2, pp. 339–346.
14. Country comparison tool. *The Culture Factor Group*. 2023, October 16. Available at: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison-tool> (accessed: 26.10.2023).
15. Heidenheimer A. *Political corruption: readings in Comparative Analysis*. New York, Holt, Rinehart & Winston, 1970. 582 p.
16. Omurova B.N. The main characteristics of China's political culture. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavianskogo universiteta*, 2014, vol. 14, no. 6, pp. 182–184. (In Russian)

17. Rakityansky N.M. *Mental studies of global political worlds*. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2020. (In Russian)

18. Ma Fengshu. Russian-Chinese relations in the context of comparative analysis of cultures. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, 2012, no. 2, pp. 5–28. (In Russian)

19. Ma J., Guo B., Yu Ya. Perception of official corruption, satisfaction with government performance, and subjective wellbeing — an empirical study from China. *Frontiers in Psychology*, 2022, no. 13, 748704. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.748704>

Received: July 20, 2023

Accepted: March 21, 2024

Authors' information:

Aleksander A. Maksimenko — Dr. Sci. in Sociology, PhD in Psychology; Maximenko.Al@gmail.com

Olga S. Deyneka — Dr. Sci. in Psychology, Professor; osdeyneka@yandex.ru

Pavel P. Deryugin — Dr. Sci. in Sociology, PhD in Pedagogy; ppd1@rambler.ru

Dina V. Krylova — krylovadv@yandex.ru

Ekaterina V. Zabelina — Dr. Sci. in Psychology; katya_k@mail.ru

Риторика крайне правых партий в России и Германии: сравнительный дискурс-анализ

М. Р. Булатов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Булатов М. Р. Риторика крайне правых партий в России и Германии: сравнительный дискурс-анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 1. С. 33–46. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.103>

В настоящей статье проведено сравнение электоральной риторики партий «Альтернатива для Германии» (АдГ) и ЛДПР через соотнесение уровней антагонизации и точек зрения партий на актуальные социальные вопросы. Дискурс-анализ проводится с использованием дискурсных фреймов и блоков, позволяя формализовать сравнение между текстами на разных языках. Выборка основана на видеоматериалах партий, опубликованных в сети Интернет в апреле — мае 2021 г. в преддверии предстоящих федеральных выборов в обеих странах. ЛДПР использует более антагонистичную риторику, в особенности против западных стран и Украины. АдГ использует «мы» для объединения своего электората, видя в качестве своих противников германский и европейский истеблишмент, а также организации с международной повесткой, включая «зеленых» и движение «Антифа». Обе партии поднимают важные социальные вопросы, такие как иммиграция, цифровизация, политические свободы и национальная идентичность, однако различия возникают в акцентах. АдГ чаще поднимает вопросы экономических свобод и защиты германской «бюргерской» культуры от левой повестки, в то время как ЛДПР ориентирована на поддержку российской внешней политики и защиту российской культуры от западного глобализма. Авторы также подчеркивают, что современные крайне правые партии поддерживают демократические принципы. Национализм остается центральным элементом крайне правой идеологии, но она дрейфует в сторону демократии под воздействием социокультурных процессов. Исследование призвано улучшить понимание динамики крайне правого политического дискурса в Германии и России. Теоретические наработки позволяют расширить применение дискурс-анализа политической риторики.

Ключевые слова: крайне правая идеология, ультраправая идеология, национализм, политический дискурс.

Введение

Европейское общество в настоящее время переживает крупнейший с середины XX в. подъем крайне правой идеологии. Пик популярности правых партий в Европе в XXI в., по оценке нидерландского исследователя К. Мюдде (С. Mudde) [1], пришелся на середину 2010-х гг., когда в силу ряда факторов доминирующие позиции традиционных европейских партий в западноевропейских странах оказались под угрозой. Ранее евроскептики в основном фокусировались на проблемах вокруг еврозоны, теперь же они начали ставить под вопрос уже саму идею

евроинтеграции. Во многом это стало следствием культурного отката против продвигавшегося на массовом уровне космополитизма и мультикультурализма [2]. Многие правые партии сумели возглавить эти тенденции, взяв на себя обязательство защищать национальную идентичность.

Крайне правые никогда не были единообразным движением. Старые правые — идеологические преемники нацистских и фашистских партий, поднявшиеся на рубеже 1950–1960-х гг., существенно отличаются от новых правых. Итальянский социолог и политолог П. Игнаци (P. Ignazi) [3] провел различие между ними: в то время как первые заимствуют у фашистской идеологии антисистемные, антидемократичные и антиплюралистические принципы, вторые сохраняют только принцип антисистемности (то есть подрыва легитимности существующего политического режима). Британский политолог Г. О. Эдвардс (G. O. Edwards) же вовсе утверждает [4], что крайне правые партии с начала 2000-х гг. смягчили свою риторику и уже не соответствуют даже критерию антисистемности. Вместо этого они превращаются из экстремистских в разновидность партии со всеохватывающей повесткой, но с особым вниманием на национальном вопросе.

Кипрский политолог А. А. Эллинас (A. A. Ellinas) [5] утверждает, что национализм — это единственный принцип, который в равной степени разделяют многообразные политические организации, обозначаемые зонтичными терминами «ультраправые», «крайне правые» или «правые экстремисты». В нашем исследовании мы будем использовать термин «крайне правые» (в оригинальной терминологии Эллинаса — *the far-right*) и минималистичное определение, данное этим автором. Согласно Эллинасу, для всего разнообразия крайне правых единственной объединяющей идеологией является национализм, то есть преследование цели этнического, культурного, гражданского, социального, религиозного и иного единства, однородности и протекционизма нации. Таким образом, в нашей работе крайне правые — это политические организации — носители в первую очередь националистической идеологии.

В современной Германии доминирующее положение среди крайне правых парламентских партий занимает «Альтернатива для Германии» (АдГ), которую исследователи называют крайне правой, националистической и популистской партией [6; 7]. Ю. Лезер (Ju. Leser) и Ф. Шписсинджер (F. Spissinger) указывают на заигрывание с национализмом «фёлькише», шовинистский подход к социальному государству, антиисламские, традиционалистские, антифеминистские идеи как основные маркеры крайне правой идеологии АдГ [7]. Риторика АдГ использует нативистский шаблон разделения автохтонных немцев и мигрантов на «нас» и «их». Мигранты представляются главной угрозой германскому обществу, в первую очередь с точки зрения культурной несовместимости [7; 8]. В то же время анализ манифеста АдГ 2014 г., проведенный немецким ученым К. Арцхаймером (C. Arzheimer), обнаруживает в нем не крайне правый экстремизм, а идеи рыночного либерализма, национализма, «сопротивления сексуальному разнообразию и гендерному мейнстримингу» [6, р. 551]. Программа партии не является расистской, радикальной или экстремистской, а относительно близка программе Христианско-социального союза Баварии, сестринской партии Христианско-демократического союза Германии (ХДС). Таким образом, риторика АдГ представляет собой смесь крайне правых заявлений отдельных лидеров мнений и умеренно правых программных заявлений [6].

В России правая идеология также пережила несколько волн популярности, последняя из которых берет исток в 2014 г., с началом боевых действий в Украине. Российский националистический дискурс широко распространен в отечественных СМИ в рамках «дискурсивной войны» против украинских и западных националистических дискурсов в иностранных СМИ. В России Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) чаще других партий апеллирует к «русскому вопросу», то есть поднимает вопросы национальных, политических, культурных, социальных и религиозных интересов граждан России [9; 10]. При этом «шутовской дискурс» [10, с. 116], противоречивость и переменчивость позиций партии [11], эпатаж ее лозунгов и выступлений представителей приводит исследователей к рассмотрению идеологии ЛДПР как расплывчатой, эклектичной и оппортунистической. По мнению Е. А. Боровиковой, в ее основе лежат такие понятия, как «социальная справедливость, сильное государство и национальный лидер», не имеющие прямого отношения к крайне правой идеологии [12]. Бывший лидер партии Владимир Жириновский называл ЛДПР правоцентристской партией [13]. О. Малинова называет ЛДПР национал-популистами, в противоположность национал-патриотам из партии «Родина», «Изборского клуба» и др. [14]. Однако ученые сходятся во мнении, что ЛДПР пользуется крайне правой риторикой в публичной сфере, часто поднимая вопросы среднеазиатской миграции, а также угрозы со стороны «южных народов» и обращаясь в лозунгах к русским как к этнополитическому единству [10; 11]. Предыдущие исследования риторики ЛДПР показывают высокий уровень антагонизации, формулирование собственной интерпретации постсоветского и советского прошлого, на основе которой конструируется идентичность партии и моделируется образ будущего [15; 16]. Отмечается также эпизодическое взаимодействие партии с общественными движениями ультранационалистического, антисемитского, неофашистского толка [17]. Более того, в крайне правой части российского политического спектра фактически нет других партий, сопоставимых по популярности с ЛДПР.

У этих партий есть и другие сходные черты, помимо общих идеологических оснований. И АдГ, и ЛДПР имели схожие рейтинги популярности в различных опросах общественного мнения — 9–11 и 8–10 % соответственно¹. Электорат партий преимущественно мужской, в возрасте 25–34 лет [18; 19]. Ввиду такого сходства выбор этих партий для анализа оправдан и, пожалуй, является единственно верным.

Исследователи также называют АдГ и ЛДПР популистскими партиями [6; 20]. При этом популистские и националистические идеологии резонируют друг с другом, ставя социальное целое выше индивида [21]. Популизм интересен нам тем, что именно в популистском дискурсе в сочетании с национализмом ярко проявляется интересующая нас конфликтная и исключаящая риторика. Центральное положение в популистской риторике занимают принципы анти-истеблишментаризма и патриотизма [1; 21], с учетом которых формируется тактика поляризации — резкое противопоставление наиболее заметных, эмоционально воспринимаемых признаков: черное — белое, мы — они, свои — чужие, задающая различия между социальными группами, что лишает картину мира полутонов, делает ее строго поляризованной [22]. Одной группе приписываются исключительно положительные

¹ Оценки приведены на январь 2022 г.

черты и свойства со стремлением представить себя в лучшем свете, другой — исключительно отрицательные с целью дискредитировать оппонента [23]. В контексте глобализации обе партии, нацеленные на консервативный электорат, актуализируют свою риторику идентичностей и используют оппозицию «мы — они» для разделения электората. В нашем исследовании мы измерили антагонизацию, то есть конструирование оппозиции «мы — они» в качестве разновидности тактики поляризации.

Таким образом, риторика, исключая Других, составляет неотъемлемую часть крайне правого дискурса. В нашей работе мы проанализировали такую риторику с преимущественно конфликтным содержанием, направленную на политическое убеждение, поляризацию, антагонизацию. Мы предприняли попытку изучить общее в риторике российской и германской политических партий ЛДПР и АдГ — цель, которая ранее в научной среде не преследовалась. Хотя интерес к крайне правым партиям среди зарубежных и отечественных ученых растет, сравнительных исследований такого рода мало. Антагонизация риторики крайне правых общепризнанно считается высокой, однако попытки ее количественной и качественной оценки редки.

Методология

В нашем исследовании мы принимаем за электоральную риторику политические заявления, сделанные в период электоральных кампаний, направленные на оказание определенного эффекта на избирателя. Дискурс-анализ электоральной риторики подразумевает понимание политического дискурса как «общения в среде политических институтов» (в нашем случае — общение представителей партий и избирателей), обладающего «собственным (политическим) подъязыком» [24, с. 13]. Целью такого дискурса выступает борьба за власть.

Наша методология исследования основывается на дискурс-анализе А. В. Дуки [23] и Т. Н. Ушаковой [25], а также вдохновлена исследованиями политического дискурса Е. И. Шейгал [24] и К. Арцхаймера [6]. Мы позаимствовали термин «единица анализа» у А. В. Дуки, под которым он подразумевает «любую завершённую семантическую единицу, выступающую как обозначение некоего субъекта, ситуации, ее условий и временных границ, а также их характеристики, исключая примечания в таблицах и числовые показатели» [23, с. 96]. Для выделения единиц анализа в нашем исследовании мы разбили видеоматериалы на отдельные сюжеты — законченные по смыслу фрагменты видео, подходящие под вышеуказанное определение. Мы собрали 60 сюжетов на русском языке с риторикой ЛДПР (содержащих около 1600 символов каждый) и 30 сюжетов на немецком языке с риторикой АдГ (около 3400 символов каждый). Такое различие в количестве текстов было сделано для того, чтобы сохранить количество единиц анализа эквивалентным, поскольку видеоролики АдГ в среднем длиннее и содержат количественно больше политической риторики.

Основываясь на предыдущих исследованиях, мы предположили, что как АдГ, так и ЛДПР покажут высокий индекс антагонизма и частое использование риторики «мы-групп» и «они-групп», обращаясь к «нам» и отчуждая «их». Однако в контексте геополитического конфликта между Россией и Западом, на острие которого

находится риторика ЛДПР, она должна была продемонстрировать более высокий индекс антагонизации и большее число случаев употребления местоимения «они» в отношении западных стран. Это составило нашу первую гипотезу. Риторика ЛДПР, сохраняя присущие ей национальные и индивидуальные черты, будет при этом иметь много общего с риторикой современных глобальных новых правых и с АдГ как их типичным представителем. Партии будут апеллировать к массам, затрагивая волнующие их темы и высказывая во многом схожие позиции по ним, при этом также используя антагонизирующую риторику. Это составило нашу вторую гипотезу. В связи с тем, что ЛДПР занимает пропрезидентскую позицию, в качестве третьей гипотезы мы выдвигаем тезис о том, что их риторика будет гораздо в большей степени касаться международной политики и демонстрации поддержки российского правительства в этой сфере, в сравнении с риторикой АдГ, находящейся в полной оппозиции к германской власти.

В качестве задела для будущих исследований мы хотим также проверить на наших двух примерах выводы Г. О. Эдвардса [4] о несоответствии принципов современных крайне правых критерию антисистемности. Наша последняя гипотеза заключается в том, что риторика обеих партий не содержит типичные крайне правые послы антисистемного, антидемократического и антиплюралистического характера.

Для выполнения исследования мы поставили несколько задач. Сначала был проведен сбор количественных данных и подсчет количества упоминаний того или иного дискурсного блока в текстах. Вслед за этим мы проанализировали текст качественно через перспективу дискурсных фреймов для сравнения того, как партийная риторика касается некоторых социально важных тем. Использование этих инструментов в нашей работе обусловлено необходимостью формализации анализа для сопоставления риторики на разных языках и относящейся к разным социально-политическим субъектам. Самый простой способ установить, есть ли у дискурсов точки соприкосновения — это применить к обоим дискурсивный шаблон [23]. Наконец, мы сравнили результаты партий и сделали выводы об особенностях и различиях крайне правой риторики этих партий в глобальном контексте.

Для решения поставленных задач мы применили как количественный, так и качественный анализ. Для первого варианта мы составили таблицу с числом обращений к блокам «прошлое», «будущее», «социальные проблемы», а также «мы» и «они». Каждый блок описывает дискурсный маркер, к которому тяготеет анализируемая риторика. Первые три блока имеют бинарное значение для каждого видеоролика: они либо упоминаются, либо не упоминаются. Мы не стали подсчитывать количество упоминаний блоков в тексте. Некоторые лежащие в основе дискурса бинарные оппозиции, выполняющие функцию разграничения социальных групп, также будут проанализированы в качестве блоков. Это включает в себя различные грамматические формы слов «мы» и «они» (*мы, нас, нам* и т. д., *они, их* в русском и *wir, uns, unser* и т. д., *sie, ihnen, ihr* и т. д. в немецком языке) и подразумевается в некоторых словах и словосочетаниях (*die Deutsche*, или *немцы; русские*).

Мы разделили блоки «мы» и «они» по направленности на социальные группы. Наиболее частая категория, обращения «мы — партия» к организации и ее членам (не электорату), была исключена из анализа по причине отсутствия в них смысла

социальной группы и антагонизма: «мы — электорат партии», «мы — нация» (обращение к народу как к политическому субъекту), «мы — общество» (обращение к народу безотносительно их политической субъектности, как к объекту политики).

Блок «они» будет представлять более широкий спектр вариантов. В случаях, когда этот блок не использовался для антагонизации, например «они — население нашей страны», это употребление не включалось в общее количество. Мы предполагали, что основные блоки будут распределены следующим образом: «они — истеблишмент», «они — другие партии», «они — иностранные державы», «они — СМИ».

Выборку исследования составили 30 видеоматериалов партии АдГ и 10 видеоматериалов партии ЛДПР, опубликованные в сети Интернет официальными партийными СМИ в апреле — мае 2021 г. и приуроченные к избирательным кампаниям того года. Партии активно присутствуют на онлайн-медиаплатформах, среди которых одной из основных является видеохостинг YouTube. Эти видео предназначены для информирования широких масс электората о позиции партии по конкретным вопросам. Такая выборка мотивирована высоким уровнем цифровизации политических процессов, в том числе выборов, когда главным (а зачастую и единственным) каналом получения информации для основного электората партии становится сеть Интернет [26; 27].

Основной костяк наших видеоматериалов по АдГ составили видеоролики, связанные с федеральной партийной конференцией (Bundesparteitag) АдГ, состоявшейся 11 и 12 апреля 2021 г. В видеороликах наиболее видные члены партии высказывают свое мнение на политические темы и обсуждают их с интервьюером. Продолжительность видеороликов составляет от трех до семи минут. В качестве другого источника видеоматериалов для данной работы мы использовали видео из плейлиста «Речи в Бундестаге» (Bundestagsreden) на YouTube-канале Ад Г. В этих видеороликах представители партии произносят в Бундестаге подготовленные речи на актуальные социальные и политические темы.

Как и в случае с видеороликами от АдГ, канал ЛДПР на YouTube содержит интервью с политиками в неформальной обстановке, а также подготовленные выступления на пресс-конференциях. Еще одним источником нашего материала стал YouTube-канал «ЛДПР ТВ», где аналогичный контент появляется в режиме вещания. Темы дискуссий не ограничиваются электоральной повесткой и охватывают многие вопросы за ее пределами. Большинство видеороликов состоит из интервью одного из видных членов ЛДПР (обычно Владимира Жириновского) на тему, имеющую отношение к текущей социально-политической и международной ситуации.

Мы выделили те части видеоматериалов, в которых эксплицитно содержится политическая риторика, и разделили количество применений блоков в каждом из них на общее количество единиц анализа в нем (количество блоков / количество единиц анализа). Мы также вычислили среднее арифметическое из этих показателей по каждой разновидности блоков из всего корпуса текстов, отдельно для риторики АдГ и ЛДПР.

Затем мы вычислили два индекса антагонизации, отдельно для АдГ и ЛДПР, разделив вышеупомянутое среднее показателей блоков «они» на среднее показателей блоков «мы». Чем выше этот индекс, тем больше число употреблений

исключающих местоимений «они» и тем более антагонистичным является текст. Чем ниже этот индекс, тем больше число употреблений инклюзивных местоимений «мы» и тем более объединяющим является текст.

Результаты

В таблице представлены результаты количественного анализа:

- количество сюжетов, в которых были обнаружены дискурсные маркеры, тяготеющие к блокам «прошлое», «будущее», «социальные проблемы»;
 - общее количество использования «мы» и «они» во всех сюжетах;
 - среднее арифметическое количества употребления этих местоимений на единицу анализа;
 - частное между этими средними — индекс антагонизации.
- Результаты вычислений округлены до сотых долей.

Таблица. Результаты количественного анализа

Блоки	АдГ	ЛДПР
Прошлое (шт.)	8	11
Будущее (шт.)	19	9
Социальные проблемы (шт.)	49	24
Мы (шт.)	100	80
Они (шт.)	58	172
Среднее _{мы}	0,03	0,01
Среднее _{они}	0,016	0,02
Индекс антагонизации	0,56	2

Как видно из таблицы, ЛДПР ожидаемо обращается к прошлому чаще, чем АдГ, а в блоке «будущее» ситуация обратная. Количество раз, когда АдГ использовала местоимение «мы», выше, чем у ЛДПР. Индекс антагонизации выше в риторике ЛДПР (2) и значительно ниже в риторике АдГ (0,56).

Что касается направлений обращений, употребленных в проанализированных нами сюжетах, то АдГ использовала местоимение «мы» для обращения к немецкой нации (44 раза), к электорату АдГ (30), к немецкому обществу (26), и один раз — к европейцам. Что касается местоимения «они», истеблишмент получает наибольшее количество обращений (17), партия «зеленых» следует за ним (15), другие немецкие партии, ХДС и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), получили пять и четыре упоминания соответственно, а остальные партии упоминаются три раза. Институты ЕС упоминаются шесть раз, а движение «Антифа» — трижды. Средства массовой информации упоминаются пять раз.

ЛДПР использует местоимение «мы» для обращения к российской нации (40 раз), российскому обществу (16), электорату ЛДПР (11), российской армии (3). Что касается местоимений «они», здесь употребление более разнообразно, при этом партия «Единая Россия» является наиболее часто антагонизируемым противником (21). Среди других упоминаемых политических организаций «коммунисты» (4),

СР («Справедливая Россия»; 3), «демократы» (3), другие политические партии (4), президент России (2), правительство России (1). Что касается международной политики, то «они» чаще всего подразумевают «коллективный Запад» (15), США (5), все иностранные державы (4), Украину, украинского президента или другие политические и военные институты (17), грузинское правительство (2), прибалтийских партизан во время Второй мировой войны (2). Некоторые другие случаи употребления «они» включают в себя бизнес (7), мигрантов (6), СМИ (4), знаменитостей (4).

ЛДПР чаще обращается к прошлому, подчеркивая недостатки коммунистического режима и преимущества российской конституционной монархии. АдГ, с другой стороны, чаще обращается к будущему и позиционирует его как краеугольный камень своей программы, несмотря на поддержку образа жизни немецкого среднего класса. Что касается оппозиции «мы — они», то ЛДПР больше сосредоточена на использовании «они» против западных стран и Украины для поддержки российского истеблишмента в продвижении его геополитической повестки на международной арене. В «мы» ЛДПР в первую очередь включает саму российскую нацию. Ее акцент на части «они» в этой бинарной оппозиции может также указывать на то, что электорат ЛДПР уже сформировался, что подтверждается и результатами выборов. АдГ, с другой стороны, может считаться относительно новой партией, электорат которой еще не сформировался. В этом случае обращение к электорату служит для АдГ средством объединения «сторонников нормальности» против «ненормальных» германского и европейского истеблишмента и международных левых организаций.

Для качественного анализа мы описали позиции партий по конкретным политическим темам через перспективу фреймов. Мы рассмотрели риторику, фокусирующуюся на социальных проблемах, к которым, по мнению других исследователей [4; 6; 8; 10; 14–16], чаще обращаются крайне правые партии. Для нашего исследования мы подобрали темы, которые чаще используются в контексте антагонизации Других:

- 1) позиционирование партии в политической системе;
- 2) экономическая политика;
- 3) культурная политика (мы включили сюда такие темы, как патриотизм, идентичность и т. п.);
- 4) иммиграция;
- 5) международная политика.

В ходе анализа мы использовали дискурсные фреймы, концептуализированные А. В. Дукой: фрейм ситуации, фрейм кризисного периода, фрейм заговора, фрейм несправедливости, фрейм национальной угрозы [23].

АдГ рассматривает текущее положение в Германии как кризисное и представляет себя как защитника «нормальности», в то время как другие партии поддерживают «безумные» процессы. «Нормальность» для АдГ — это нуклеарная семья, индивидуальная и экономическая свобода. «Безумный» же левый дискурс, присущий риторике всех других партий, — это коронавирусный локдаун, запрет автомобилей, миллионы мигрантов, преподавание «небинарных гендеров» немецким детям. АдГ считает себя единственным достойным защитником конституции и демократических принципов Германии в противовес другим организациям, попавшим под

влияние международных левых течений. ЛДПР, в свою очередь, отмечает кризис, вызванный некомпетентностью «Единой России». Члены партии также видят угрозу в американизации и вестернизации, которые, по их мнению, разрушают российские традиции и нацию. В обоих случаях партии во многом видят причины кризиса в заговоре со стороны внешних сил (по отношению к «традиционным» силам внутри страны, поддерживающим «нормальность»): ЛДПР — со стороны «коллективного Запада» и «демократов», АдГ — со стороны Евросоюза и международных левых движений. Обе партии поддерживают бедных, малый бизнес, цифровизацию и борьбу с бюрократизацией, однако ЛДПР предлагает более про-этатистский и антиолигархический подход, часто критикуя крупный бизнес.

Во фрейме несправедливости как ЛДПР, так и АдГ сталкиваются с остракизмом и клеветой со стороны СМИ. Кроме того, профессиональных политиков из ЛДПР подкупает «Единая Россия», а другие партии копируют успешные пункты их программы. Обе партии также жалуются на подтасовку результатов выборов и ограничения, связанные с антикоронавирусными мерами, а также на препятствия их законной деятельности со стороны местных и центральных органов власти.

АдГ сравнительно немного высказывается о международной политике, фокусируясь на критике ЕС и его бюрократии, подчеркивая отстраненность европейских политиков от немецкого электората. ЛДПР гораздо активнее поднимает вопросы международной политики, в которой она поддерживает действия российского правительства, подвергая критике «коллективный Запад» и, в частности, Украину в контексте разворачивающегося геополитического противостояния. Во фрейме заговора ЛДПР обвиняют противоположную сторону конфликта в провокациях и заговорах.

Следует признать, что точное количество употреблений блоков, фреймов и тем недоступно на нашем уровне анализа. Эти смыслы могут скрываться между строк и быть явными только для определенных групп людей. Кроме того, на нашу выборку может влиять субъективное понимание значения слов. Для получения доступа в более глубокие уровни смыслов пользуются другими видами анализа, например интент-анализом. Однако для нашей цели — изучения публичной риторики — приближенных значений достаточно, и скрытый и неочевидный смысл нас не интересует.

Вслед за другими исследователями мы отмечаем, что риторика обеих партий высокоантагонистична. Однако, в подтверждение нашей гипотезы, ЛДПР действительно имеет гораздо более высокий уровень антагонизации, чем АдГ. При этом она нередко использовалась ради поддержки российского истеблишмента в лице президента и против Запада и Украины. Хотя наша выборка могла быть не до конца репрезентативной из-за этого временного фактора, отсутствующего в случае АдГ, следуя рассуждениям В. А. Калинина², мы все равно предполагаем, что наша вторая гипотеза подтвердилась. АдГ же в основном использовала антагонистическую лексику в отношении истеблишмента, правящих и оппозиционных партий, против правительства и парламента ЕС, против международных левых движений.

² В. А. Калинин считает, что пропрезидентская позиция ЛДПР — это завуалированная попытка улучшить свой имидж путем апелляции к авторитету российского президента. Таким образом, это все еще риторический ход, направленный на повышение электорального рейтинга партии, и его следует анализировать соответственно [7].

Как мы и предполагали во второй гипотезе, партии обращались к массам, поднимая важные социальные вопросы, и их позиции во многом совпадали. Иммиграция, низкий уровень цифровизации, ограничение политических свобод, расщепление национальной идентичности, этническая напряженность волнуют обе партии схожим образом, но с существенными различиями в деталях, например в отношении к экономическим свободам. При этом обе партии при обсуждении этих тем антагонизируют Других: АдГ — истеблишмент, евробюрократов и международные левые организации, ЛДПР — Запад, Украину, мигрантов, истеблишмент в лице правящей партии. Обе партии, как и ожидалось, противопоставляли своих «недооцененных» профессиональных политиков-технократов «коррумпированным бюрократам» у власти, подтверждая ранние исследования, описывающие АдГ и ЛДПР как популистские партии.

Риторика ЛДПР затрагивает международные темы в гораздо большей степени, чем у АдГ, подтверждая третью гипотезу. Это объясняется как поддержкой текущей российской внешней политики, так и имперской идеологией ЛДПР в принципе.

Как видно из результатов анализа, в высказываниях обеих партий присутствуют элементы антисистемной риторики, и наша последняя гипотеза не подтвердилась. При этом, в поддержку тезиса П. Игнаци, ни ЛДПР, ни АдГ не выступают за демонтаж демократических институтов и политического плюрализма. Наоборот, хотя определения демократии в их риторике остаются открытыми интерпретациям, обе партии активно поддерживают институты выборов и плюрализма, политические и экономические свободы, выставляя себя «последними бастионами демократии» в своих политических режимах. Частично поддерживая тезис Г. О. Эдвардса, это указывает на приспособление крайне правой идеологии к меняющемуся духу времени, заимствование ими некоторые позиции традиционных партий, которые имели успех у населения, и отказ от радикальных лозунгов, которые сыграли не в их пользу.

Заключение

Научное значение нашей работы заключается в получении важных выводов о динамике развития крайне правой идеологии в России в общеевропейском контексте. Мы подчеркиваем наше открытие, состоящее в том, что эти свидетельства этих процессов присутствуют не только в западноевропейских политических системах, но и в России. Хотя ЛДПР на протяжении десятилетий описывалась как вторичная партия по отношению к партии власти, о заимствовании ею некоторых принципов мейнстримных партий никогда не говорилось прямо. Кроме того, вслед за другими исследователями мы продолжаем анализ развития политической риторики в кризисной ситуации и способствуем разработке дискурс-анализа в изучении политической сферы, в особенности в сравнительных исследованиях. Построенная в рамках работы аналитическая структура позволяет рассчитывать антагонизацию текста, демаркировать поднимаемые в тексте темы, добираться до сути политических посланий и сравнивать дискурс даже при наличии материала на разных языках.

Со сравнительной точки зрения АдГ и ЛДПР оказываются близки в освещении многих интересовавших нас тем, что подчеркивает тесную связь социального, культурного и политического пространств Европы и России. Риторика крайне

правых в мире разнообразна, но в этом спектре существует множество точек соприкосновения. Мы обнаружили, что в нашем случае ими являются темы культуры и иммиграции, где схожие нарративы пересекаются во многих точках. Для каждой партии бинарная оппозиция «мы — они» является существенной частью их риторики, однако ЛДПР использует большее количество антагонизирующей лексики, исключаяющей больше социальных групп.

В этот поворотный момент европейской политической истории идеология крайне правых партий на глобальном уровне приближается к принципам «традиционных» европейских партий, а различия стираются и остаются лишь в деталях. Этот процесс продолжается, несмотря на заявления крайне правых о неприятии идеологий этих партий. И ЛДПР, и АдГ поддерживают свой имидж защитников демократических принципов на публике, а другие партии выставляются как разрушители «старого порядка». Крайне правая идеология, по-видимому, продолжит свое развитие до тех пор, пока не прекратятся социокультурные процессы, вдохновившие это течение. В связи с продолжающимся ростом популярности таких партий их риторика и крайне правый дискурс в целом требуют дальнейшего анализа.

Литература

1. *Mudde C.* The far right and the European elections // *Current History*. 2014. Vol. 113, no. 761. P. 98–103.
2. *Weisskircher M.* The strength of far-right AfD in Eastern Germany: The East-West divide and the multiple causes behind 'populism' // *The Political Quarterly*. 2020. Vol. 91, no. 3. P. 614–622.
3. *Ignazi P.* The silent counter-revolution: Hypotheses on the emergence of extreme right-wing parties in Europe // *European Journal of Political Research*. 1992. Vol. 22, no. 1. P. 3–34.
4. *Edwards G. O.* A comparative discourse analysis of the construction of 'in-groups' in the 2005 and 2010 manifestos of the British National Party // *Discourse & Society*. 2012. Vol. 23, no. 3. P. 245–258.
5. *Ellinas A. A.* The media and the far right in Western Europe: Playing the nationalist card. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
6. *Arzheimer K.* The AfD: Finally a successful right-wing populist Eurosceptic party for Germany? // *West European Politics*. 2015. Vol. 38, no. 3. P. 535–556.
7. *Leser Ju., Spissinger F.* The functionality of affects: Conceptualising far-right populist politics beyond negative emotions // *Global Discourse*. 2020. Vol. 10, no. 2. P. 325–342.
8. *Кокурина И. В.* Фрейм «опасность» в программе немецкой партии «Альтернатива для Германии» // *Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки*. 2023. № 2. С. 44–51.
9. *Калинин В. А.* Проблематика национализма в информационном пространстве деятельности ЛДПР // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2016. № 2. С. 109–118.
10. *Бойко С. И.* Драматургия концепта нации в программном дискурсе российской «партии без власти» // *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. 2015. № 2. С. 109–131.
11. *Тимошенко В. И.* Политические партии современной России как активный и профессиональный носитель и производитель политических идеологий: теоретические и практические аспекты (часть вторая) // *Вестник Московского университета. Сер. 12.: Политические науки*. 2007. № 1. С. 69–77.
12. *Боровикова Е. А.* Основные идеологические принципы ЛДПР // *Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика*. 2013. № 6. С. 12–15.
13. *Жириновский В. В.* Причины роста праворадикальных партий в Европе // *Россия и мир: развитие цивилизаций. Феномен развития радикальных политических движений в Европе: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (12 апреля 2018 г.)*. М.: Ин-т мировых цивилизаций, 2018. С. 14–16.
14. *Малинова О. Ю.* Образ «лихих девяностых» в дискурсах российских коммунистов и национал-патриотов // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2020. Т. 14, № 2. С. 53–63.

15. Мелешикина Е. Ю., Толпыгина О. А. Использование образов советского прошлого в риторике «Справедливой России» и ЛДПР // Политическая наука. 2023. № 1. С. 92–112.
16. Каверзина Н. П. Дискурсивно обусловленный образ прошлого в тексте программы политической партии (на материале программ партий КПрФ и ЛДПР) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 40–44.
17. Shekhovtsov A., Umland A. Vladimir Zhirinovskiy and the LDPR // Russian Analytical Digest. 2011. T. 102. С. 14–16.
18. Лебедева С. О., Лясина И. Ю., Соколов Р. В. Особенности электората ведущих политических партий современной России (по итогам социологического исследования в г. Волжском Волгоградской области) // Via in tempore. История. Политология. 2016. Т. 37, № 1 (222). С. 157–161.
19. Molpus C. A Crisis of Masculinity: The Rise of the AfD and the East German Man. PhD thesis. Oxford, Mississippi, 2020.
20. Kranert M. Populist elements in the election manifestoes of AfD and UKIP // Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. 2019. Vol. 67, no. 3. S. 265–282.
21. Minkenberg M. The new right in Germany: The transformation of conservatism and the extreme right // European Journal of Political Research. 1992. Vol. 22, no. 1. P. 55–81.
22. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004.
23. Дука А. В. Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 1. С. 91–113.
24. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография / Ин-т языкознания РАН; Волгоград. гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2000.
25. Ушакова Т. Н. Слово в действии: интент-анализ политического дискурса / под ред. Н. Д. Павлова. СПб.: Алетейя, 2000.
26. Behre J., Hölig S., Möller J. Reuters Institute Digital News Report 2023: Ergebnisse für Deutschland // Reuters Institute for the Study of Journalism. 2023. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2023/germany> (дата обращения: 20.12.2023).
27. Предпочтительные источники информации: интернет // ФОМ. 2023. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14836> (дата обращения: 20.12.2023).

Статья поступила в редакцию 7 октября 2023 г.;
рекомендована к печати 21 марта 2024 г.

Контактная информация:

Булатов Мансур Рашидович — аспирант; twelve8922@gmail.com

A comparative study of the electoral rhetoric of extreme right-wing parties in Germany and Russia

M. R. Bulatov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Bulatov M. R. A comparative study of the electoral rhetoric of extreme right-wing parties in Germany and Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 1, pp. 33–46. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.103> (In Russian)

This article compares the electoral rhetoric of the Alternative for Germany (AfD) and the Liberal Democratic Party of Russia (LDPR) parties through the prism of the level of antagonization and the parties' point of view on topical social issues. Discourse analysis is conducted using discourse frames and blocks, allowing formalizing the comparison between texts in different languages. The sample is based on party videos published online in April — May 2021 in the run-up to the upcoming federal elections in both countries. The LDPR uses more

antagonistic rhetoric, especially against Western countries and Ukraine. The AfD uses *we* to unite its electorate, seeing the German and European establishment as its opponents, as well as organizations with an international agenda, including the Greens and the Antifa movement. Both parties raise important social issues such as immigration, digitalization, political freedoms, and national identity, but differences in emphasis emerge. The AfD is more likely to raise issues of economic freedom for business and the defense of German *burgher* culture against the leftist agenda, while the LDPR is focused on supporting Russian foreign policy and Russian culture against Western globalism. The authors also emphasize that modern far-right parties support democratic principles. Nationalism remains central to far-right ideology, but it is drifting towards democracy under the influence of sociocultural processes. The study aims to improve understanding of the dynamics of far-right political discourse in Germany and Russia. The theoretical developments allow us to expand the application of discourse analysis of political rhetoric.

Keywords: extreme right ideology, far-right ideology, nationalism, political discourse.

References

1. Mudde C. The far right and the European elections. *Current History*, 2014, vol. 113, no. 761, pp. 98–103.
2. Weisskircher M. The strength of far-right AfD in Eastern Germany: The East-West divide and the multiple causes behind 'populism'. *The Political Quarterly*, 2020, vol. 91, no. 3, pp. 614–622.
3. Ignazi P. The silent counter-revolution: Hypotheses on the emergence of extreme right-wing parties in Europe. *European Journal of Political Research*, 1992, vol. 22, no. 1, pp. 3–34.
4. Edwards G. O. A comparative discourse analysis of the construction of 'in-groups' in the 2005 and 2010 manifestos of the British National Party. *Discourse & Society*, vol. 23, no. 3, pp. 245–258.
5. Ellinas A. A. *The media and the far right in Western Europe: Playing the nationalist card*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010.
6. Arzheimer K. The AfD: Finally a successful right-wing populist Eurosceptic party for Germany? *West European Politics*, 2015, vol. 38, no. 3, pp. 535–556.
7. Leser Ju., Spissinger F. The functionality of affects: Conceptualising far-right populist politics beyond negative emotions. *Global Discourse*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 325–342.
8. Kokurina I. V. The "danger" frame in the program of the German party "Alternative for Germany". *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2023, no. 2, pp. 44–51. (In Russian)
9. Kalinin V. A. Problems of nationalism in the information space of the LDPR activities. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, 2016, no. 2, pp. 109–118. (In Russian)
10. Boiko S. I. The dramaturgy of the concept of nation in the programmatic discourse of the Russian "party without power". *Politicheskaia kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy*, 2015, no. 2, pp. 109–131. (In Russian)
11. Timoshenko V. I. Political parties of modern Russia as an active and professional carrier and producer of political ideologies: theoretical and practical aspects (part two). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki*, 2007, no. 1, pp. 69–77. (In Russian)
12. Borovikova E. A. Basic ideological principles of the LDPR. *Rossiiskii politicheskii protsess v regional'nom izmerenii: istoriia, teoriia, praktika*, 2013, no. 6, pp. 12–15. (In Russian)
13. Zhirinovskii V. V. Reasons for the growth of radical right parties in Europe. *Rossia i mir: razvitie tsivilizatsii. Fenomen razvitiia radikal'nykh politicheskikh dvizhenii v Evrope: materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (12 apreliia 2018 g.)* (pp. 14–16). Moscow, Institut mirovykh tsivilizatsii Publ., 2018. (In Russian)
14. Malinova O. Iu. The image of the "Dashing Nineties" in the discourses of Russian communists and national patriots. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 53–63. (In Russian)
15. Meleshkina E. Iu., Tolpygina O. A. The use of images of the Soviet past in the rhetoric of "A Just Russia" and the Liberal Democratic Party. *Politicheskaia nauka*, 2023, no. 1, pp. 92–112. (In Russian)
16. Kaverzina N. P. Discursively conditioned image of the past in the text of the political party program (based on the programs of the Communist Party of the Russian Federation and the Liberal Democratic Party). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 438, pp. 40–44. (In Russian)

17. Shekhovtsov A., Umland A. Vladimir Zhirinovskiy and the LDPR. *Russian Analytical Digest*, 2011, vol. 102, pp. 14–16.
18. Lebedeva S. O., Liasina I. Iu., Sokolov R. V. Features of the electorate of the leading political parties in modern Russia (based on the results of a sociological study in the city of Volzhskiy, Volgograd region). *Via in tempore. Istorii. Politologii*, 2016, vol. 37, no. 1 (222), pp. 157–161. (In Russian)
19. Molpus C. *A Crisis of Masculinity: The Rise of the AfD and the East German Man*. PhD thesis. Oxford, Mississippi, 2020.
20. Kranert M. Populist elements in the election manifestoes of AfD and UKIP. *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*, 2019, vol. 67, no. 3, pp. 265–282.
21. Minkenbergh M. The new right in Germany: The transformation of conservatism and the extreme right. *European Journal of Political Research*, 1992, vol. 22, no. 1, pp. 55–81.
22. Ruzhentseva N. B. *Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse*. Yekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2004. (In Russian)
23. Duka A. V. Political discourse of the opposition in modern Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 1998, vol. 1, no. 1, pp. 91–113. (In Russian)
24. Sheigal E. I. *Semiotics of political discourse*. Volgograd, Peremena, 2000. (In Russian)
25. Ushakova T. N. *The Word in Action: Intent Analysis of Political Discourse*, N. D. Pavlova (ed.). St. Petersburg, Aleteia Publ., 2000. (In Russian)
26. Behre J., Hölig S., Möller J. *Reuters Institute Digital News Report 2023: Ergebnisse für Deutschland*. Reuters Institute for the Study of Journalism, 2023. Available at: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2023/germany> (accessed: 20.12.2023).
27. Preferred sources of information: Internet. *FOM*, 2023. Available at: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14836> (accessed: 20.12.2023). (In Russian)

Received: October 7, 2023

Accepted: March 21, 2024

Author's information:

Mansur R. Bulatov — Postgraduate Student; twelve8922@gmail.com

Внутренняя миграция работающей молодежи: факторы формирования готовности переехать в другой город

А. Г. Эфендиев, А. С. Гоголева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Для цитирования: Эфендиев А. Г., Гоголева А. С. Внутренняя миграция работающей молодежи: факторы формирования готовности переехать в другой город // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 1. С. 47–64. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.104>

Проблема внутренней миграции становится все более актуальной, учитывая негативные социальные последствия этого процесса, — поскольку растет число регионов России, испытывающих на себе ощутимый отток населения. Обзор отечественных эмпирических исследований причин и последствий внутренней миграции показал, что большинство из них ограничиваются экономической стороной вопроса, игнорируя сложность этого по своей сути социального явления. В данной работе готовность к добровольной внутренней миграции рассматривается как явление, в котором воплощается индивидуально-субъектная активность личности, когда молодой человек целенаправленно выбирает не только место постоянного проживания, но и соответствующий образ жизни. Центральным вопросом исследования является определение тех социальных факторов, которые способствуют тому, что работающая молодежь намерена остаться в городе проживания, или обуславливают рост желания переехать в другой город или регион. Проверяются такие социальные факторы, как моральные установки, наличие тесных социальных связей, удовлетворенность разными сторонами работы, мнения о городе со стороны «значимых других», удовлетворенность городской средой. Данные факторы, оказывающие действие на разных уровнях, представлены как важные элементы системы, обладающей внутренней логикой и иерархией. На базе опроса онлайн-панели 357 работающих молодых людей из разных городов страны удалось показать, что такие социальные факторы, как мнения близких о городе проживания, восприятие города как места, где комфортно жить, социальный статус родителей, входят в набор значимых предикторов намерений переехать. На фоне стремления «жить материально свободно и независимо» социальное происхождение активизирует мнение значимых Других о городе, с которым тесно связан ведущий фактор — личная оценка респондентом качества жизни в данной городской среде.

Ключевые слова: работающая молодежь, миграционные намерения, добровольная внутренняя миграция, факторы миграции, субъектность, агентность.

Введение

Тема внутренней миграции становится все более актуальной в современных условиях: как показал анализ зарубежных и российских научных публикаций последних лет, интерес ученых, несмотря на большое количество теоретических моделей и эмпирических исследований мобильности, не снижается. Отчасти это

вызвано тем, что миграция рассматривается по большей части как феномен, имеющий экономическую природу. В связи со сменой экономических условий (мировой финансовый кризис, пандемия, общая нехватка рабочей силы) в рамках такой логики процессы миграции остаются значимыми и требуют постоянного мониторинга и интерпретации для последующих мер управления миграционными потоками. В отношении внутренней миграции в отечественных исследованиях интерес к теме подкрепляется проблематикой последствий для регионов с отрицательным сальдо миграции, которые оцениваются по большей части негативно для возможностей развития регионов или городов. Это, в свою очередь, ставит вопросы нарастания дефицита рабочей силы на локальных рынках труда и притока мигрантов.

С самого начала миграционных исследований предпринимались попытки разработать общую модель или теорию миграции, которая могла бы объяснять и прогнозировать миграционные потоки. Э. Равенштайн (E. Ravenstein) описал законы миграции [1], Э. Ли (E. Lee) обобщил имеющиеся наработки в своей модели миграционных потоков [2], сделав большой задел для эмпирических исследований [3]. Впоследствии было проведено множество разноплановых исследований, демонстрировавших всю сложность изучения процессов перемещений населения стран, обуславливающую их междисциплинарный характер. Рассмотрению подвергаются и географические, и политические, и в наибольшей степени экономические причины миграции. При этом сохраняется фрагментарность и хаотичность в исследованиях миграции, а их результаты противоречат предложенным теориям [4]. Объясняют это недостаточной теоретической проработанностью, когда, несмотря на множество теоретических рамок, общая картина, позволяющая в полной мере и объяснить, и прогнозировать миграционные потоки, так и не сложилась.

Судя по количеству опубликованных научных статей, зарубежные исследователи больше интересуются проблемами межстрановой или внешней миграции, и подавляющее большинство используемых моделей миграции были разработаны именно на данных о внешней миграции, по которой собирается относительно полная и надежная статистика. При этом для внутренних перемещений отдельных теоретических моделей не предложено, но неявно подразумевается, что они происходят по тем же законам, что и внешняя миграция [5; 6]. Х. Де Хаас (H. De Haas) в своем обзоре делает вывод, что есть большой разрыв в исследованиях внутренней и внешней миграции, как теоретический, так и эмпирический [4], а взаимосвязь этих двух явлений ограничивается констатацией повышения готовности иммигрировать при наличии опыта перемещений внутри страны или утверждением, что закономерности внешней миграции повторяются для внутренней [6].

Усложняет картину внутренней мобильности рассмотрение факторов и последствий на уровнях индивида и общества. С позиции индивида переезд представляется преимущественно позитивно, поскольку способствует более полному раскрытию способностей молодого человека, реализации его жизненных притязаний и ценностей путем поиска подходящих пространственно-географических локальных условий [7; 8]. В то же время для социально-экономического положения региона данное явление имеет неоднозначные последствия. С одной стороны, миграционная подвижность обеспечивает структурные изменения в экономике, распределяя трудовые ресурсы и концентрируя их на территориях развития [9]. С другой стороны, в регионах оттока происходят свертывание экономической

активности, деградация социальной и транспортной инфраструктуры, их социальное опустынивание [10], что ведет не только к закрытию возможностей для развития, но и к невозможности поддержания имеющегося уровня жизни на данных территориях [11]. В результате неравенство регионов усиливается, что воспринимается как социальная проблема и регионов оттока, и всей страны. Поиск баланса в развитии регионов, принятие мер по упорядочиванию миграционной подвижности требует всестороннего исследования условий и факторов, побуждающих к мобильности или локальной оседлости на уровне индивидов. Особую роль в поиске баланса мы отводим последовательному изучению социальных факторов внутренней миграции, способных дополнить представление об этом явлении.

Проблема миграции в современной социологии: основные подходы и дискуссии

На протяжении всей истории исследований миграции было предложено множество теоретических рамок этого феномена. В контексте исследования наибольший интерес вызывает социальная сторона явления, поэтому постараемся представить имеющиеся подходы, выделяя как социально-экономические, так и социально-культурные аспекты внутренней миграции.

Де Хаас в своей работе предлагает сгруппировать теории миграции в зависимости от того, какое понимание общества положено в основу взглядов исследователей, отмечая функционалистский подход и символический интеракционизм как основу большинства эмпирических исследований [4].

Первая группа использует логику затрат и выгод миграционного действия; миграция представляется как преодоление расхождения потребностей людей и возможностей для их удовлетворения на месте их проживания [5; 12]. Наиболее распространена модель в логике притяжения и отталкивания (push and pull model). Еще Э. Ли предложил рассматривать характеристики места жительства и места назначения в качестве значимых факторов миграционных решений [2]. Среди отечественных работ модель притяжения и отталкивания также доминирует.

В эмпирических отечественных исследованиях, посвященных внутренней мобильности, исследователи обращают внимание на негативные последствия оттока населения в результате дисбаланса доступных рабочих мест и программ высшего образования [9; 13], различий в размере заработной платы на локальных рынках труда [14], экономических проблем глубинки [15]. Временная и постоянная миграции представляются как способ выживания [16] или стратегия поиска лучших условий жизни [12]. В русле имеющихся западных теорий рассуждения строятся на поиске баланса выгод от переезда и издержек от смены места жительства.

Вторая группа теорий, условно называемая теорией символического интеракционизма, включает исследования, которые изучают опыт изнутри: субъективный и коллективный опыт миграции, формирование идентичности мигрантов, отношения в общинах мигрантов и т. д. В данной концепции миграция становится значимым этапом жизни, процессом формирования новой идентичности, вызывающей переживания, создающей свои особенные смыслы. Это направление способствовало расширению набора понятий, необходимых для описания процессов миграции и внутренней мобильности.

Одно из интересных и подходящих под описанную рамку отечественное исследование мотивов внутренней миграции было проведено на примере городов северной глубинки [10]. На материалах интервью с молодежью и старшими поколениями показано, что при сохранении условий проживания роль этих условий и смысловое наполнение желаемого и приемлемого оказалось различным. Это касается наполнения понятий «качество и образ жизни», «перспективные рабочие места», «развивающий досуг» и пр. Другое качественное исследование, используя понятие «чувство места», показало, каким образом молодежь городов Севера выстраивает свою мобильность, и выявило, что повышенная мобильность не отрицает привязанности к месту проживания — границы своего места у молодежи расширяются, а для решения бытовых задач используются частые поездки в другие регионы (за покупками, досугом, лечением и пр.) [17]. Подтверждая значимость чувства своего места, идентичности с городом для формирования жизненных стратегий, российские исследователи показали, что эти факторы могут препятствовать возникновению намерений уехать у молодых калининградцев [18].

Надо отметить, что исследования мобильности в дискурсе символического интеракционизма обусловили возникновение такого понятия, как субъектность (или агентность), то есть ввели в дискурс субъекта миграции с осознанным планом действий. В частности, сам Де Хаас предложил модель, где этот параметр является ключевой составляющей [4], а последующие исследования подтвердили необходимость подобного измерения [5]. Особую значимость это приобретает, если рассматривать не только мобильность, но и иммобильность — оседлость и отказ от переезда как осознанный выбор [19].

Проанализированные теоретические подходы находят проявление в отечественной науке, приобретая определенные акценты и своеобразие. Для нее описанный выше функционалистский подход, с его акцентом на экономический фокус исследований притяжения и отталкивания, свойственен в полной мере [20]. Даже в социологических журналах основными факторами миграции называют уровень жизни, образование, экономическое положение респондентов и уровень безработицы региона отбытия.

Наиболее критикуемое качество данного подхода состоит в том, что изначально предполагается преобладание экономически детерминированного выбора в вопросе переезда. Имеющиеся модели основаны на явном или неявном предположении, что люди принимают рациональные решения с целью максимизации дохода или полезности. Однако подобная логика оставляет без ответа вопрос, почему люди не хотят переезжать из бедных регионов, а наоборот, высказывают желание остаться, даже если есть возможность переехать. Кроме того, с развитием регионов и улучшением условий часто фиксируют рост оттока, что также противоречит данной логике [4].

Все это приводит к предположению, что многие факторы влияют на миграционные решения нелинейно, а вписаны в структуру, которая содержит определенные триггеры, их активизирующие. Так, в частности, многократно показано, что материальное положение может как способствовать отъезду (тогда это трактуется как наличие ресурсов для смены места проживания), так и препятствовать (в этом случае объясняется нежеланием терять текущий достаточный уровень жизни) [9; 12–14]. Можно предположить, что сочетание условий, как экономических, так и социальных, даст более полную картину формирования намерений уехать или остаться [21].

Теоретико-социологические допущения и постановка проблемы исследования

Учитывая, что миграционные потоки очень разнообразны по своей природе [22], было предложено выделить те из них, которые позволят сопоставить по значимости группы социальных и экономических условий и описать принятие решения о переезде через призму индивидуальных жизненных стратегий [8].

Предметом исследования являются процессы внутренней мобильности. Не углубляясь в проблему единства и различий социальной природы внутренней и внешней мобильности, мы фокусируемся на перемещениях внутри страны. И в случае последовательной связи (когда внутреннее перемещение предшествует переезду из страны), и в ситуации альтернатив (при невозможности эмигрировать переезжают в другой регион страны) перемещения внутри страны расцениваются как требующие меньше ресурсов и предполагающие меньше барьеров для осуществления [6]. Кроме того, было показано, что для международной миграции более значимы экономические условия, тогда как для внутренней — социальные факторы [6]. Также отметим, что мы ограничились переездом из города в город, не рассматривая направление «село — город», поскольку мотивация сельских жителей к переезду в город имеет свои особенности [10; 23].

В фокус исследования ставится мобильность, предполагающая смену постоянного места жительства, а временные перемещения для получения образования или в силу вахтового метода трудовой деятельности, отходничества, длительной командировки не изучаются. Именно связь с жизненными стратегиями позволит интерпретировать такой переезд как смену образа жизни [18].

Изучается только добровольная внутренняя миграция, оставляющая за рамками исследования принудительную и вынужденную (переезд с родственниками, в целях безопасности, избегание военных действий). Добровольная мобильность предполагает качественно иной уровень значения личности как субъекта мобильности, содержит в себе реалистичный выбор между решениями остаться или переехать [7].

Также отметим, что субъектом внутренней мобильности выбрана молодежь. По результатам подавляющего большинства исследований эта группа является более мобильной и демонстрирует повышенный уровень и миграционных намерений, и миграционных действий [19; 20; 22]. Социальные механизмы и мотивы внутренней мобильности людей зрелого возраста, как показали исследования, могут существенно отличаться [8; 24].

Наконец, среди молодежи в центре нашего исследования лишь работающая молодежь, обладающая высокой самостоятельностью и, что важно, субъектностью. В этих условиях желание переезда отражает выбор жизненного пути, тесно связано с выбором работы и профессиональной деятельностью [8; 18]. Миграционные ориентации студентов или выпускников относительно много исследовались, и было показано, что эта группа изначально характеризуется повышенной готовностью к мобильности [25], поэтому для нивелирования этого предсказуемого смещения мы также отказались от тех, кто проходил обучение на момент исследования.

Отдельно подчеркнем, что в исследовании изучаются только миграционные намерения, но не действия — это различие является предметом специальной

дискуссии [20; 22], чаще всего эти намерения трактуются как потенциальная готовность к переезду. Здесь же отметим, что наличие опыта переезда в прошлом, как показали исследования [22], часто является фактором миграционных намерений, поэтому мы отдельно контролируем группы с реальным опытом миграции и без такового.

Таким образом, предметом данной работы являются намерения переезда на постоянное место жительства внутри страны или оседлости работающих молодых людей. Центральным вопросом исследования является определение роли социальных факторов, которые способствуют тому, что молодежь намерена остаться в городе проживания, или обуславливают рост желания переехать в другой город или регион.

В рамках очерченного выше теоретического поля в отечественной науке, на наш взгляд, развиваются исследовательские подходы, которые так или иначе упрощают понятие внутренней мобильности. Основной проблемой такого подхода мы считаем рассмотрение миграции как преимущественно экономического феномена. Экономико-механистическое понимание внутренней мобильности как рациональных оценок выгод и издержек — явно недостаточный инструмент для понимания сложных миграционных процессов. Он не позволяет изучить феномен нелинейного механизма формирования драйверов отъезда или оседлости, практически игнорирует инерцию и сложившиеся социальные связи, необходимость поддержания предсказуемости и снижения неопределенности для индивида, выводит за рамки анализа социальные препятствия и барьеры, не рассматривает социокультурный контекст подобных намерений. При разработке мер, направленных на повышение привлекательности регионов и выход на показатели положительного сальдо миграции, более целостное понимание оснований оседлости и факторов миграционных намерений может дать более эффективные решения.

В основе нашего понимания лежит осмысление внутренней миграции работающей молодежи как социально обусловленного явления, в котором воплощается индивидуально-субъектная активность молодого работника. Миграционные намерения могут быть истолкованы как способ достижения поставленных целей, воплощения планов жизнеустройства, реализации разделяемых ценностей, норм поведения, мотивов деятельности. В этом смысле миграция наряду с такими явлениями, как получение образования, выбор профессии, создание семьи, выступает ключевым для жизнеустройства человека решением, из которых и складывается фундамент человеческой жизни.

Исследование добровольной мобильности работающей молодежи позволяет, на наш взгляд, рассмотреть миграцию не как отдельный фрагмент жизни молодого человека, а как важнейший элемент жизненных стратегий, их преломление через призму «устраивать свою жизнь здесь» или «сменить место жительства» [8; 18]. Поэтому, во-первых, для понимания проблемы во всей ее противоречивости следует рассматривать проблему целостно: сочетая исследование мобильности и исследование оседлости и приверженности месту проживания [19].

Во-вторых, широкий взгляд на природу добровольной миграции исходит из понимания актора миграции как субъекта, вписанного в широкий контекст образовательных, семейных, статусных, моральных, трудовых, культурных условий и обстоятельств. И экономический фактор входит в этот набор условий в качестве

значимого, но не единственного. Изучение всех перечисленных групп факторов в одном исследовании позволяет оценить их относительную значимость в формировании намерений переехать или остаться. Используемые в исследовании группы условий действуют на разных уровнях:

- личность, ее основные социальные и моральные характеристики, экономическое положение;
- микросреда, представленная семьей, друзьями, коллегами, работой;
- мезолокальная среда (город проживания).

Модель эмпирического исследования

Эмпирическую базу исследования представляют данные, собранные посредством анкетирования онлайн-панели в марте 2022 г.¹ Отбиралась работающая молодежь (по найму, владеющая индивидуальным предприятием, самозанятая) в возрасте от 20 до 30 лет, проживающая на территории РФ и имеющая российское гражданство. Из выборки были исключены работающие студенты. В выборку вошли жители всех федеральных округов Российской Федерации, занятых в разных отраслях экономики, из городов с населением от 100 тыс. жителей, а также из мегаполисов. Всего для анализа отобрано 357 наблюдений. Респонденты, проходившие обучение в вузе на момент опроса, были исключены из анализа, чтобы образовательные мотивы миграции не смещали результаты. В итоговой выборке 49 % мужчин, 51 % женщин, средний возраст опрошенных 26,3 года. Полученная выборка не отражает региональную и отраслевую характеристики генеральной совокупности, однако для планируемой проверки значимости факторов намерений переехать это не является критическим — наполненность групп оказалась достаточной для проверки значимости связей и различий.

В качестве зависимой переменной был использован вопрос о желании переехать: «Хотели бы Вы переехать в другой город/поселок/станцию?»

В состав независимых переменных вошли несколько групп факторов, отражающих описанные выше уровни действия условий:

А. Личностный профиль: социально-демографические характеристики (а также сельский/городской житель, местный/приезжий житель), наличие опыта переезда, уровень образования, семейное положение, материальное положение, а также разделяемые ценности и нормы поведения.

Б. Микросреда: социально-стратификационный статус родителей (профессионально-должностной статус отца и матери), удовлетворенность текущей работой (карьерой, зарплатой, содержанием труда, отношениями с коллегами и руководителем), оценки окружения текущего места жительства (со стороны родителей, друзей, знакомых).

В. Мезосреда (локальная): удовлетворенность характеристиками текущего места жительства.

Переменные личностного профиля, а также статус родителей относятся к категориальным переменным. Переменные разделяемых ценностей, удовлетворенности

¹ Онлайн-панель респондентов — граждан РФ была собрана независимым провайдером. Выражаем благодарность студентке магистратуры Анастасии Петляковой за помощь в сборе данных панели.

и оценок реализованы со шкалой Лайкерта. Зависимая переменная изначально содержит шкалу по типу Лайкерта от 1 до 4. Для некоторых исследовательских вопросов проводилось сравнение групп крайних значений шкалы: определенно желающих переехать и определенно желающих остаться.

Личностные факторы готовности молодого работника уехать или остаться

Исследуя условия, которые связаны с внутренней мобильностью молодого работника, начнем с социально-демографических характеристик респондентов. Среди респондентов доля бывших сельских жителей (то есть тех, кто окончил сельскую школу) составила 16 %, остальные — горожане; местных (то есть окончивших школу в данном городе) — 60 %, остальные — приезжие. Вместе с тем проведенные тестирование критерия χ^2 и сравнение средних не выявили значимых различий: получается, что желание переехать напрямую не связано с тем, вырос ли человек в этом городе или нет. Также незначимыми оказались такие характеристики, как уровень образования, наличие детей, уровень материального благосостояния, наличие опыта переезда.

Ценностно-нормативный профиль личности. Ставя вопрос об индивидуальных жизненных стратегиях, необходимо оценить их ценностную основу, предполагая, что представления о том, как правильно строить свою жизнь, могут влиять на желание переехать и жить в более подходящем для этого городе [8]. В ходе анализа личностно-моральных характеристик были исследованы ценностные ориентации, нормы, принципы, которых, по признанию респондентов, они придерживаются в своей жизни, желательные для молодого человека социальные качества и условия.

При этом внутренняя мобильность молодого человека в контексте его морально-ценностной основы рассматривалась в двух разрезах. Первый — потенциальная внутренняя мобильность: сравниваются моральные устои молодых людей, мотивированных сменить место жительства на момент опроса (27 %) и желающих остаться (73 %). Второй — практически осуществленная внутренняя мобильность: сравниваются моральные устои тех, кто не имел опыта переезда ранее (56 % респондентов) и кто уже переезжал в прошлом (44 %). Результаты опроса вторых можно трактовать как более информированное по сравнению с теми, кто никогда практически не переезжал и не в полной мере оценивает трудности и возможности подобных перемещений. Моральные суждения, в особенности необходимость придерживаться тех или иных норм и принципов, были в определенной степени опробованы в ситуации реальной смены местожительства и последующего устройства на новом месте.

Результаты анализа данных свидетельствуют о том, что морально-мировоззренческая основа молодежи в своих основных контурах и границах достаточно целостна. Значимые различия² есть, но если рассматривать картину в целом, их количество небольшое. Так, сравнивая желающих переехать и остаться,

² Здесь и далее описываются только значимые различия (если специально обратное не оговорено), приняты следующие показатели значимости: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; ns незначимо.

по ответам на вопрос, насколько для них важна успешная карьера, у первых, утверждающих, что «в жизни нужно делать лишь то, что тебе выгодно и можно иногда пренебречь правилами», средняя составила 4,3 (против 4,0 у желающих остаться), у мотивированных на отъезд средняя составила 2,4 (против 2,2 у вторых). И наоборот, у вторых средняя по показателю «должен гордиться качеством своей работы» составляет 2,6 против 2,4 у желающих переехать.

Рассматривая данные о морально-мировоззренческих устоях тех, кто имел опыт переезда, было выявлено, что наличие такого опыта формирует связи между желанием переехать и некоторыми моральными ориентациями (у не имеющих опыта переезда значимые корреляции отсутствуют): «Что и в какой степени Вы считаете наиболее важным: Пользоваться всеми благами цивилизации» (коэффициент корреляции 0,233**), «Жить современно, идти в ногу со временем» (коэффициент корреляции 0,170*). Характерно, что у этой группы проявляются связи желания уехать со стремлением к успешной карьере (коэффициент корреляции 0,169*) и «Как нужно строить свою жизнь: делать лишь то, что тебе выгодно» (коэффициент корреляции 0,158*). Связи с желанием остаться в данном городе у этой группы имеют иную коннотацию: человек должен гордиться своей работой (коэффициент корреляции с желанием переехать $-0,210^{**}$) с примыкающим к ней «Необходимо постоянно развиваться, самосовершенствоваться, чтобы суметь достичь цели» (коэффициент корреляции с желанием переехать $-0,168^*$).

Итак, проведенный анализ морально-мировоззренческих основ внутренней мобильности опрошенной молодежи дает основу для следующего вывода: имеющиеся различия морально-нормативных взглядов между желающими уехать или остаться, имеющими опыт смены места жительства и не имеющими его, невысоки. В целом это согласуется с данными других исследований — эти параметры называют личной ситуацией [25], когда различия по индивидуальным характеристикам хоть и выявляются, но при добавлении контекстуальных переменных региона часто теряют свою значимость [26]. При этом также было показано, что учет предыдущего опыта миграции в отдельных аспектах меняет закономерности формирования желания переехать. Это также подтверждает мнения многих исследователей, что смена места жительства является значимым фактом жизненного пути и должно рассматриваться в контексте жизненных стратегий [27].

Роль микросреды в формировании готовности молодого работника уехать или остаться

Родители. Привлекает внимание значимость социального происхождения родителей, показатель которого носит кумулятивно-стратификационный характер. В нем накапливаются не только характер и должность родителей, но и характер материальных, социальных, культурных условий, в которых рос и развивался молодой человек. Во многом этот статус предполагает определенный уровень экономических, социально-престижных амбиций, характерный для той или иной семьи, возможность и готовность материально и социально поддерживать переезд молодого человека на новое место жизни, подстраховать его в жизнеустройстве на новом месте от жизненных рисков. Это подтверждают различия в ценностно-нормативных профилях у респондентов, если среди родителей были

квалифицированные специалисты или руководители, а также значимые различия в уровне материального благосостояния респондентов (если квалифицированным специалистом является один из родителей, то уровень материальной обеспеченности в среднем выше, чем в семьях рядовых работников).

Результаты анализа миграционных настроений свидетельствуют, что профессионально-должностной статус отца или матери — руководителя, предпринимателя существенно связан с желанием молодого человека переехать в другой город (табл. 1). Противоположная тенденция наблюдается, если мать респондента — специалист. Стремление переехать наблюдается и у молодых людей, выросших в семьях, где отец — рядовой работник.

Таблица 1. Распределение желающих уехать или остаться в данном городе в зависимости от профессионально-должностного статуса родителей (% по строкам)

Профессионально-должностной статус отца и матери	Есть желание переехать в ближайшие три года и ранее	
	нет	да
Отец — руководитель*	53,8	46,2
Мать — руководитель*	52,4	47,6
Отец — рядовой работник*	64,4	35,6
Мать — квалифицированный специалист*	79,7	20,3
В целом по выборке	72,8	27,2

Таким образом, однозначно интерпретируемых связей статуса и желания переехать при проверке линейных зависимостей не выявлено. Однако если учитывать роль родителей в формировании ожиданий и амбиций молодого человека, а также представлений о желаемом образе жизни, то оказывается, что если среди родителей есть квалифицированные специалисты, мотивация к смене места жительства преимущественно социально-престижная, то есть наблюдаются сильные связи с ценностями карьеры (коэффициент корреляции 0,165*), образованности (коэффициент корреляции 0,184*), материального благосостояния (коэффициент корреляции 0,216**), стремлением иметь разностороннее культурное развитие и кругозор (коэффициент корреляции 0,166*). Полученные данные можно трактовать как формирование в семье такой среды, которая усиливает и проявляет взаимосвязи представлений респондентов о нормах и ценностях жизни с решениями о переезде и смене города проживания.

Работа. Вопросы работы в решениях о переезде в рамках экономической логики поднимаются довольно часто. Утверждается, что недовольство работой, зарплатой [12; 28] или карьерными возможностями [8] является значимым мотивом для смены места жительства.

Проводя сравнение тех, кто хотел бы уехать, с теми, кто желает остаться, значимыми оказались только вопросы удовлетворенности содержанием работы и (для не имеющих опыта смены места жительства) отношений с руководителем и коллегами (в табл. 2 дана лишь часть характеристик работы, показавших значимость). Ни удовлетворенность размером заработка, ни стабильность не обнаружили

каких-то особенностей в указанных группах. На наш взгляд, это говорит о том, что есть определенная переоцененность удовлетворенности работой и заработком в вопросах переезда, поскольку содержание работы и отношения на работе скорее относятся к качеству профессиональной жизни, а не к материальной стороне трудовой деятельности. По крайней мере фокусирование на экономических причинах мобильности, когда уровень заработных плат рассматривается как «выталкивающий» фактор [28], не в полной мере находит свое подтверждение при рассмотрении намерений работающих молодых людей переехать.

Таблица 2. Коэффициенты корреляций желания уехать и удовлетворенностью характеристиками работы

Насколько Вы удовлетворены следующими характеристиками своей нынешней работы? (1 — полностью не удовлетворен, 3 — полностью удовлетворен)	Хотели бы Вы переехать? (1 — не хочу, 4 — да, в течение года)		
	вся выборка	нет опыта переезда (N = 198)	есть опыт переезда (N = 159)
Содержание работы	-0,108*	ns	-0,174*
Отношения с коллегами и руководителем	ns	-0,151*	ns

Здесь также стоит обратить внимание на усиление связи между удовлетворенностью содержанием работы с желанием переехать при наличии опыта переезда. Сопоставляемые с этим результаты были получены в качественном исследовании: материальные условия отходили на второй план, если затрагивались темы соответствия работы жизненным планам [8]. При этом материальный уровень переехавших действительно оказывается выше по сравнению с теми, кто не имел фактов перемещений, но трактуется это скорее как следствие, а не как причины этих перемещений.

Мнение окружения о месте жительства. Формирование желания переехать, как показало исследование, происходит во многом под влиянием общения с референтными группами, на основе мнений значимых Других. В исследовании использовался вопрос о том, какие оценки респондент наблюдал у своего окружения по отношению к городу.

Анализируя выявленные тенденции, можно сказать, что наличие негативных оценок города сильно повышает желание уехать (табл. 3). На основании суммирования данных о негативных оценках города проживания, услышанных респондентом от родителей, друзей, знакомых, был составлен «Индекс негативного мнения значимых Других о городе» (рассчитанный индекс конструировался с использованием шкалы сумматорного типа — чем выше значение индекса, тем большее наличие негативных оценок указал респондент). Дисперсионный анализ, где зависимой переменной выступает желание переехать в ближайший год-три, выявил очень сильную связь желания уехать с негативными суждениями значимых Других ($\eta^2 = -0,10$)³.

³ Здесь и ниже приводится коэффициент η^2 . Подробно об этом корреляционном отношении см.: [29, разд. 13]. Интерпретация уровней эффекта в однофакторном дисперсионном анализе может варьироваться в контексте разных исследований. Значения по модулю интерпретируются: $\eta^2 > 0,01$ — низкий эффект, $\eta^2 > 0,06$ — средний эффект, $\eta^2 > 0,1$ — выраженный эффект.

Надо отметить, что мнение ближайшего окружения составляет самостоятельный фактор, отличный от реальных условий среды проживания. Это культурно обусловленное представление о том, насколько город соответствует ожиданиям и предлагает условия для желаемого образа жизни.

Таблица 3. Средние оценки намерений уехать в зависимости от того, были ли негативные оценки города проживания со стороны родителей, друзей и знакомых

Как к городу своего проживания относится(-лось) Ваше окружение?		Хотели бы Вы переехать? (1 — не хочу, 4 — да, в течение года)
Родители: Часто говорили о недостатках города, в котором я живу(-л)***	Нет, не говорили	1,6
	Да, говорили	2,04
Друзья: Часто говорили о недостатках города, в котором я живу(-л)**	Нет, не говорили	1,6
	Да, говорили	1,9
Друзья: Считают(-ли), что совершили ошибку, оставшись в этом городе***	Нет, не говорили	1,6
	Да, говорили	2,25
Знакомые: Считают(-ли), что совершили ошибку, оставшись в этом городе***	Нет, не говорили	1,6
	Да, говорили	2,15

Локальная мезосреда

Город. Городская среда для молодого человека — это главная арена его жизнедеятельности, реализации амбиций и стремлений, определяющая условия его образа жизни [8]. Критический анализ этой среды, выявление удовлетворяющих его условий самореализации или, наоборот, затрудняющих ее, может являться своеобразным спусковым крючком формирования у молодого человека желания сменить место жительства или остаться [25].

Итак, определим, по каким критериям молодые люди оценивают современную городскую среду в аспекте желания переехать. Дисперсионный анализ дает однозначный ответ: желание переехать сильно связано с интегральной оценкой того, в какой степени устраивает респондента нынешний город ($\eta^2 = -0,13$ для вопроса «Оцените, в какой степени Вас устраивает Ваш нынешний город»). При этом детальный дисперсионный анализ взаимосвязи общей удовлетворенности нынешним городом с конкретными параметрами среды проживания позволяет выделить различные группы характеристик городской среды.

Одну группу составили параметры, по которым выявлены коэффициенты η^2 от 0,2 и выше: «Это современный город, чувствуешь себя идущим в ногу со временем» ($\eta^2 = 0,25$), «Жить в этом городе безопасно, спокойно» ($\eta^2 = 0,21$), «Уровень благоустройства» ($\eta^2 = 0,21$), «Возможности для культурного развития» ($\eta^2 = 0,20$). Наличие самых сильных корреляций желания переехать с показателями удовлетворенности этими характеристиками также указывает, что городская среда значима (коэффициенты корреляции желания переехать и удовлетворенности от $-0,211^*$ до $-0,169^*$). Эта группа характеристик города отражает возможности для повышения качества жизни, восприятие городской среды как соответствующей определенным стандартам.

Интересно посмотреть на параметры материального состояния: «Уровень заработной платы в городе по Вашей специальности» ($\eta^2 = 0,19$), «Возможность решить жилищную проблемы» ($\eta^2 = 0,18$), «Интересная работа» ($\eta^2 = 0,13$), «Возможность создать свое дело» ($\eta^2 = 0,15$) и т. д. Что касается удовлетворенности образовательными и медицинскими, а также торговыми услугами, то они набирают от 0,13 до 0,16 соответственно; а 0,12 — транспортная доступность. Замыкают этот рейтинг параметры «Живет много друзей» ($\eta^2 = 0,07$) и «Живет много родственников» ($\eta^2 = 0,06$). Приведенные данные позволяют выявить иерархию параметров, которые важны для респондентов в оценке общей удовлетворенности нынешним местом жительства.

Выявленные тенденции нашли подтверждение в ходе корреляционного анализа. Для анализа значимости различных характеристик города проживания на основе средних оценок разработаны три категории индекса (чем выше индекс, тем более удовлетворен респондент включенными характеристиками города): условия для высокого качества жизни (безопасность, инфраструктура), условия (возможности) для профессиональной деятельности, наличие социальных связей (родственников, друзей) (табл. 4).

Таблица 4. Коэффициенты корреляции намерений переехать и средних оценок условий города

Индексы на основе средних оценок характеристик города по категориям	Хотели бы Вы переехать? (1 — не хочу, 4 — да, в течение года)
Условия для качества жизни	-0,227**
Условия для профессиональной деятельности	-0,173**
Имеющиеся социальные связи	-0,179**

Надо отметить, что, если учитывать профессионально-должностной статус родителей, наблюдается усиление связей между оценкой городской среды и желанием переехать. Так, в частности, если среди родителей есть квалифицированные специалисты, то растет величина связей с наличием в городе возможности получить интересную работу и проживанием родственников в городе. А если хотя бы один из родителей относится к рядовым сотрудникам, вырастает роль таких характеристик города, как уровень благоустройства, наличие знакомых, современный и безопасный город с возможностями культурного развития.

Итак, проведенный анализ дает основание для некоторых выводов о значимости различных сторон устройства городской жизни для возникновения желания сменить или сохранить свое место жительства. Обращает на себя внимание доминирование социально-культурных качеств городской среды и в первую очередь параметров, формирующих осознание себя как живущего в современном городе, имеющем возможности для культурного развития и обеспечивающем безопасность. При этом профессионально-экономические параметры (заработная плата, карьера, интересная работа, жилье) устойчиво не проявляют свою первоочередную значимость для формирования мотивов уехать или остаться в данном городе — по силе связей они существенно уступают оценкам, относящимся к качеству жизни и соответствию ожидаемому образу жизни.

Модель желания переехать в другой город

Описывая проблему исследования внутренней добровольной миграции российской работающей молодежи, мы изучили социальные факторы мобильности, в том числе их одновременное действие. Подводя итоги, можно представить факторы как имеющие свою внутреннюю структуру и иерархию влияния.

Для оценки совокупного влияния выявленных факторов мы осуществили поиск моделей множественной линейной регрессии, где зависимой переменной выступает желание сменить место проживания, а предикторами — социальные характеристики, моральные ориентации, факторы микро- и мезосреды⁴. Итоговая модель линейной регрессии обладает достаточным коэффициентом детерминации и прогностической силой (табл. 5).

Безусловное лидерство в этой модели принадлежит фактору «Удовлетворенность качеством городской среды». Положительное значение этого фактора в значимо большей степени, чем другие, влияет на формирование готовности к переезду.

Таблица 5. Модель множественной регрессии желания переехать

Предикторы	Стандартизованные β -коэффициенты
Профессионально-должностной статус отца: руководитель	0,121*
Профессионально-должностной статус отца: рядовой работник	0,144*
Профессионально-должностной статус матери: рядовой работник	-0,209**
Профессионально-должностной статус матери: квалифицированный специалист	-0,182**
Индекс негативных оценок города со стороны окружения (родителей, друзей, знакомых)	0,177**
Оценка условий города для качества жизни	-0,229***
Стремление иметь высокий уровень материального благосостояния	0,138**
Удовлетворенность уровнем зарплаты	0,150**
Стандартизованный R^2	0,182***

Приведенная модель множественной линейной регрессии не только фокусирует наше внимание на многоаспектности формирования готовности к мобильности, но и позволяет осмыслить синхронизацию различных условий, обстоятельств, обуславливающих желание молодого работника сменить место жительства. На фоне желания быть материально обеспеченным социальное происхождение задает мнение значимых Других о данном городе, с которым тесно связан ведущий фактор — личная оценка респондентом качества жизни в данной городской среде.

⁴ Регрессионный анализ проводился пошагово, в изначальный набор переменных были включены переменные личностного профиля (пол, возраст, материальное положение, наличие семьи и детей, ценностно-нормативный профиль), индексы положительных и отрицательных оценок города со стороны окружения, оценки удовлетворенности текущей работой, оценки городской среды. Категориальные переменные были перекодированы в дихотомические. Проверялись модели путем исключения незначимых параметров.

Заключение

Подводя итоги проведенного анализа, мы можем утверждать, что действие факторов следует не только описывать с учетом оценки их самостоятельного и линейного влияния, но также необходимо рассматривать их совместную роль, когда важным оказывается сочетание условий. Так, было ясно показано, что такие условия, как опыт переезда и профессионально-должностной статус родителей, являются во многом предпосылками действия других факторов в формировании желания переехать: ценностно-нормативных убеждений, удовлетворенности работой и городской средой. В определенном смысле мы можем говорить о системе условий, которая включает не только материально обусловленные обстоятельства, но и общественные, стратификационные и, не в последнюю очередь, коммуникационные факторы, описывающие среду. Разворачивая вопрос о том, что необходимо, чтобы работающая молодежь стремилась остаться в городе, нужно помимо материального благосостояния создавать условия и среду, которую будут считать подходящей для образа жизни и сам молодой человек, и его окружение. Положительный баланс привлекательности города для работающей молодежи достигается лишь при актуализации всего набора факторов, включая и формирование позитивного имиджа, а также при любви к месту проживания.

Отдельно стоит обратить внимание на ограничение исследования, связанное с тем фактом, что его проведение совпало с началом специальной военной операции, что могло, безусловно, сместить результаты. В частности, общая неопределенность послужила для многих причиной роста тревожности, сужения горизонта планирования. Однако, учитывая, что предметом опроса являлись внутренние перемещения, а не внешние, достаточно сложно сказать, в чем именно эти искажения могут состоять.

Литература

1. Лисицын П. П., Степанов А. М. Новые законы миграции Э. Равенштайна // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 15–26.
2. Lee E. S. A Theory of migration // *Demography*. 1966. Vol. 3, no. 1. P. 47–57.
3. Лисицын П. П., Степанов А. М., Орлова Н. А. Выполненные и невыполненные обещания Эверетта Ли: к критике миграционных теорий // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 41–51.
4. De Haas H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework // *Comparative Migration Studies*. 2021. Vol. 9, no. 1. P. 1–35.
5. Cirillo M., Cattaneo A., Miller M., Sadiddin A. Establishing the link between internal and international migration: evidence from Sub-Saharan Africa // *World Development*. 2022. Vol. 157. P. 105943.
6. Bernard A., Perales F. Linking internal and international migration in 13 European countries: complementarity or substitution? // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2022. Vol. 48, no. 3. P. 655–675.
7. Finney N., Marshall A. Is migration in later life good for wellbeing? A longitudinal study of ageing and selectivity of internal migration // *Area*. 2018. Vol. 50, no. 4. P. 492–500.
8. Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Межрегиональная миграция молодежи в России и выстраивание жизненных стратегий // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. Т. 52, № 4. С. 162–180.
9. Нуриева Л. М., Киселев С. Г. Анализ трудоустройства выпускников омских вузов с позиций гравитационной модели миграции // *Alma Mater*. 2022. № 2. С. 63–68.
10. Ильин В. И. Поколенческая ситуация: уехать или остаться? (на материалах биографического исследования в северной глубинке) // *Мир России*. 2022. Т. 31, № 4. С. 6–32.
11. Логинова Л. В., Щепланова В. В. Миграция населения в приграничном регионе: состояние и тенденции (на примере Саратовской области) // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 52–64.

12. *Иванова Е. И.* Миграционные намерения современных поколений россиян: новая волна миграции // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3. С. 106–118.
13. *Бюраева Ю. Г.* Молодежная миграция в Республике Бурятия: направленность потоков и причины // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 52–62.
14. *Гильтман М. А., Обухович Н. В., Ларионова Н. И.* Влияние заработной платы в европейской части России на миграцию в районах Крайнего Севера // Мир России. 2020. Т. 29, № 3. С. 28–50.
15. *Мкртчян Н. В.* Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225–242.
16. *Флоринская Ю. Ф.* Трудовая миграция из малых российских городов как способ выживания // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 79–87.
17. *Bolotova A., Karaseva A., Vasilyeva V.* Mobility and sense of place among youth in the Russian Arctic // *Sibirica*. 2017. Vol. 16, no. 3. P. 77–123.
18. *Омельченко Д. А., Омельченко Е. Л.* В поисках дома. Региональная идентичность молодых калининградцев: жизненные стратегии и миграционные намерения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 309–332.
19. *Schewel K., Fransen S.* Who prefers to stay? Voluntary immobility among youth in Ethiopia, India, and Vietnam // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2022. Vol. 48, no. 19. P. 4457–4484.
20. *Чернышёва Н. С., Чжан Ю.* Молодежная миграция в России: обзор дискуссий // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 135–143.
21. *Debray A., Ruysen I., Schewel K.* The aspiration to stay: a global analysis // *International Migration Review*. 2023. Vol. 30, no. 3. P. 748–770.
22. *Рыбаковский Л. Л., Маевский Д. П., Кожевникова Н. И.* Миграционная подвижность населения и ее измерение // *Народонаселение*. 2019. Т. 22, № 2. С. 4–14.
23. *Farrugia D.* The mobility imperative for rural youth: The structural, symbolic and non-representational dimensions rural youth mobilities // *Journal of Youth Studies*. 2016. Vol. 19, no. 6. P. 836–851.
24. *Maleku A., España M., Jarrott S., Karandikar S., Parekh R.* We are aging too! Exploring the social impact of late-life migration among older immigrants in the United States // *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. 2022. Vol. 20, no. 3. P. 365–382.
25. *Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф.* Почему люди уезжают из одних регионов и приезжают в другие: мотивы межрегиональной миграции в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 130–153.
26. *Клячко Т., Семионова Е.* Трудовая миграция: взгляд молодежи // *Экономическое развитие России*. 2018. Т. 25, № 12. С. 53–62.
27. *Vidal S., Lutz K.* Internal migration over young adult life courses: Continuities and changes across cohorts in West Germany // *Advances in Life Course Research*. 2018. Vol. 36. P. 45–56.
28. *Антосик Л. В., Ивашина Н. В.* Факторы и направления межрегиональной миграции выпускников вузов в России // *Вопросы образования*. 2021. № 2. С. 107–125.
29. *Толстова Ю. Н.* Математико-статистические модели в социологии (математическая статистика для социологов). М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2008.

Статья поступила в редакцию 18 октября 2023 г.;
рекомендована к печати 21 марта 2024 г.

Контактная информация:

Эфендиев Азер Гамид оглы — д-р филос. наук, проф.; efendiev@hse.ru
Гоголева Анна Сергеевна — канд. социол. наук, доц.; agogoleva@hse.ru

Internal migration of working youth: Determinants of readiness to move to another region

A. G. Efendiev, A. S. Gogoleva

HSE University,
20, ul. Myasnitckaya, Moscow, 101000, Russian Federation

For citation: Efendiev A. G., Gogoleva A. S. Internal migration of working youth: Determinants of readiness to move to another region. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 1, pp. 47–64. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.104> (In Russian)

The number of regions in Russia experiencing a significant outflow of population is growing so the issue of internal migration is still on the agenda. A review of empirical studies of internal migration in Russia has shown that most of the studies devoted to the causes and consequences of migration are bounded to the economic aspect ignoring the complexity of this social phenomenon. In this paper, readiness for voluntary internal migration is considered as a phenomenon that embodies individual subjective activity of a person, when a young person purposefully chooses not only a place of permanent residence, but also an appropriate life-style. The aim of the study is to determine what social factors contribute to intend to move to another city for residence. The set of social determinants that were tested consists of personal moral attitudes, close social ties, satisfaction with different aspects of work, shared opinion about current city from significant others, satisfaction with the city environment. These factors affect at different levels and are considered as significant elements of a system with its internal logic and hierarchy. The data of online panel survey of 357 working young people from different regions shows that social factors (opinions of significant others about the city of residence, perception of the city as a place for comfortable life, social status of parents) are significant predictors of intention to move. Common and universal attitude to “be financially free and independent” and social origin activate the opinion of significant others about the city, which is highly connected with the leading determinant: personal evaluation of the quality of life in current urban environment.

Keywords: working youth, migration intentions, internal migration, migration determinants, agency.

References

1. Lisitsyn P. P., Stepanov A. M. New laws of migration by E. Ravenstein. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2022, no. 8, pp. 15–26. (In Russian)
2. Lee E. S. A theory of migration. *Demography*, 1966, vol. 3, no. 1, pp. 47–57.
3. Lisitsyn P. P., Stepanov A. M., Orlova N. A. Fulfilled and unfulfilled promises of Everett Lee: Toward a critique of migration theories. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2023, no. 10, pp. 41–51. (In Russian)
4. De Haas H. A theory of migration: The aspirations-capabilities framework. *Comparative Migration Studies*, 2021, vol. 9, no. 1, pp. 1–35.
5. Cirillo M., Cattaneo A., Miller M., Sadiddin A. Establishing the link between internal and international migration: evidence from Sub-Saharan Africa. *World Development*, 2022, vol. 157, p. 105943.
6. Bernard A., Perales F. Linking internal and international migration in 13 European countries: complementarity or substitution? *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2022, vol. 48, no. 3, pp. 655–675.
7. Finney N., Marshall A. Is migration in later life good for wellbeing? A longitudinal study of ageing and selectivity of internal migration. *Area*, 2018, vol. 50, no. 4, pp. 492–500.
8. Kartseva M. A., Mkrtchan N. V., Florinskaya Yu. F. Interregional migration and life strategies of the Russian youth. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*, 2021, vol. 52, no. 4, pp. 162–180. (In Russian)
9. Nurieva L. M., Kiselev S. G. Analysis of employment of graduates of Omsk universities from the standpoint of the gravity model of migration. *Alma Mater*, 2022, no. 2, pp. 63–68. (In Russian)
10. Ilyin V. I. Individual generational situation: A biographical study of the Northern Hinterland. *Mir Rossii*, 2022, vol. 31, no. 4, pp. 6–32. (In Russian)

11. Loginova L. V., Shcheblanova V. V. Migration of the population in the border region: Status and trends (the case of the Saratov Region). *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2023, no. 10, pp. 52–64. (In Russian)
12. Ivanova E. I. Migration intentions of contemporary generations in Russia: A new wave. *Problemy prognozirovaniia*, 2017, no. 3, pp. 106–118. (In Russian)
13. Byuraeva Yu. G. Youth migration in the Republic of Buryatia: Trends and causes. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2020, no. 10, pp. 52–62. (In Russian)
14. Giltman M., Obukhovich N., Larionova N. The impact of wages in the European part of Russia on migration in the Far North. *Mir Rossii*, 2020, vol. 29, no. 3, pp. 28–50. (In Russian)
15. Mkrtchan N. V. The youth migration from small towns in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye proiavleniia*, 2017, no. 1, pp. 225–242. (In Russian)
16. Florinskaya Yu. F. Labor migration from small Russian cities as a way of survival. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2006, no. 6, pp. 79–87. (In Russian)
17. Bolotova A., Karaseva A., Vasilyeva V. Mobility and sense of place among youth in the Russian Arctic. *Sibirica*, 2017, vol. 16, no. 3, pp. 77–123.
18. Omelchenko D. A., Omelchenko E. L. In search of home. The regional identity of young Kalinin-graders: Life strategies and migration intentions. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye proiavleniia*, 2022, no. 6, pp. 309–332. (In Russian)
19. Schewel K., Fransen S. Who prefers to stay? Voluntary immobility among youth in Ethiopia, India, and Vietnam. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2022, vol. 48, no. 19, pp. 4457–4484.
20. Chernysheva N. S., Zhang Yu. Approaches to the studying youth migration in Russia: reviewing discussions. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2022, no. 11, pp. 135–143. (In Russian)
21. Debray A., Ruyssen I., Schewel K. The aspiration to stay: A global analysis. *International Migration Review*, 2023, vol. 30, no. 3, pp. 748–770.
22. Rybakovsky L. L., Mayevsky D. P., Kozhevnikova N. I. Migration mobility of population and its measurement. *Narodonaselenie*, 2019, no. 2, pp. 4–14. (In Russian)
23. Farrugia D. The mobility imperative for rural youth: The structural, symbolic and non-representational dimensions rural youth mobilities. *Journal of Youth Studies*, 2016, vol. 19, no. 6, pp. 836–851.
24. Maleku A., España M., Jarrott S., Karandikar S., Parekh R. We are aging too! Exploring the social impact of late-life migration among older immigrants in the United States. *Journal of Immigrant & Refugee Studies*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 365–382.
25. Mkrtchan N. V., Florinskaya Yu. F. Why some people leave certain regions in favor of others: Motives behind interregional migration in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye proiavleniia*, 2020, no. 5, pp. 130–153. (In Russian)
26. Klyachko T., Semionova E. Labor migration: The view of youth. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, 2018, vol. 25, no. 12, pp. 53–62. (In Russian)
27. Vidal S., Lutz K. Internal migration over young adult life courses: Continuities and changes across cohorts in West Germany. *Advances in Life Course Research*, 2018, vol. 36, pp. 45–56.
28. Antosik L. V., Ivashina N. V. Factors and routes of interregional migration of university graduates in Russia. *Voprosy obrazovaniia*, 2021, no. 2, pp. 107–125. (In Russian)
29. Tolstova Yu. N. *Mathematical and Statistical Models in Sociology (Mathematical Statistics for Sociologists)*. Moscow, HSE Publishing House, 2008. (In Russian)

Received: October 18, 2023

Accepted: March 21, 2024

Authors' information:

Azer G. Efendiev — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; efendiev@hse.ru

Anna S. Gogoleva — PhD in Sociology, Associate Professor; agogoleva@hse.ru

ОБЩЕСТВО И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.334.3

Социально-политическое участие с использованием цифровых сервисов: пустой ритуал или подлинное участие?*

Е. А. Карагулян, М. В. Батырева

Тюменский государственный университет,
Российская Федерация, 625003, Тюмень, ул. Володарского, 6

Для цитирования: *Карагулян Е. А., Батырева М. В.* Социально-политическое участие с использованием цифровых сервисов: пустой ритуал или подлинное участие? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 1. С. 65–83.
<https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.105>

В статье рассмотрена роль современных цифровых сервисов в вовлечении граждан в социально-политические процессы. На основе опроса жителей Тюменской области дана оценка участия граждан в социально-политических процессах, востребованности населением цифровых сервисов для проявления социально-политической активности, а также возможности этих сервисов обеспечить гражданам подлинное политическое участие. Исследование показало, что для проявления своей социально-политической активности современные сервисы и технологии используют лишь 40 % респондентов. В подавляющем большинстве случаев использование цифровых сервисов или платформ носит неполитический характер (решение собственных жизненных проблем, получение информации, информирование властей). Потребности граждан, связанные с участием в социально-политических процессах посредством электронных сервисов, удовлетворены полностью, но подлинное участие, возможность влиять на происходящие социально-политические процессы эти сервисы гражданам не обеспечивают. Лишь отдельные сервисы сегодня позволяют достичь гражданам высокого уровня социально-политического участия. Большинство цифровых сервисов обеспечивает только символическое политическое участие, но их наличие улучшает систему государственного управления и взаимодействия властей и населения. Мы склонны видеть

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) в рамках научного проекта № 21-011-31407 «“Умные” технологии как средство вовлечения граждан в социально-политические процессы: ожидания и реальность».

даже в неполитическом характере использования цифровых сервисов латентное политическое участие, которое может перерасти в реальное. Использование цифровых сервисов для общества важно, так как они существенно расширяют и аудиторию, и репертуар участия граждан в социально-политических процессах; несут в себе обучающий эффект; способствуют повышению открытости и подотчетности властей перед гражданами. При должном изучении слабых сторон цифровых сервисов и требований граждан по их совершенствованию можно значительно повысить их качество.

Ключевые слова: социально-политическое участие, цифровые сервисы, уровень социально-политического участия, вовлеченность граждан в политические процессы.

Введение

В последние десятилетия под действием научно-технического прогресса происходит расширение и изменение форм участия населения в социально-политических процессах. Это порождает научные дискуссии о том, что именно из перечня форм взаимодействия граждан и властей, опосредованных технологиями, можно считать проявлением политического участия, а также о том, дают ли современные информационно-коммуникационные технологии возможность населению действительно влиять на проводимую властями политику или использование цифровых сервисов для социально-политического участия становится для граждан ритуалом — стереотипизированным способом взаимодействия с властями для получения услуг или информации?

Сама по себе концепция политического участия не является новой. Одной из основополагающих работ в этой области принято считать исследование С. Верба (S. Verba) и Н. Ная (N. Nie), в котором представлен узкий взгляд на политическое участие граждан — авторы понимают под ним «добровольную деятельность отдельных граждан, которая напрямую направлена и влияет на выбор правительственного персонала и/или действия, которые они предпринимают» [1]. К политическому участию отнесены голосование, общение с представителями властей, работа в выборных кампаниях, но не отнесены протестная деятельность, членство в созданных правительством молодежных политических организациях, пассивные и скрытые формы участия, а также гражданское неповиновение и насилие.

Этот подход был подвергнут критике: по мнению П. Норрис (P. Norris), в постиндустриальных обществах граждане все больше отдаляются от традиционных способов участия [2], при этом репертуар политического участия, в том числе из-за активного внедрения современных информационных технологий, увеличивается [3; 4].

В исследовании Я. Ван Дета (Ja. Van Deth) представлена широкая трактовка политического участия, согласно которой оно «включает в себя любую деятельность граждан, влияющую на политику, проистекающую из индивидуальных мотивов и предполагающую выражение собственных политических взглядов» [4, р. 351, 353]. То есть политическое участие состоит как из традиционных форм (голосование на выборах, предвыборная агитация, членство в партии), так и из нетрадиционных, направленных на оказание влияния на политических субъектов (протесты и политический активизм, в том числе в сети Интернет), на решение конкретных проблем сообщества (гражданская активность и волонтерство).

В своем исследовании Я. Ван Дет и соавторы четко определяют основные характеристики политического участия, позволяющие классифицировать современные онлайн-формы проявления социально-политической активности как его составляющие. В исследовании 2018 г. Я. Теохариса (Ya. Theocharis) и Я. Ван Дета (van Deth) и в статье 2021 г. Я. Теохариса (Ya. Theocharis), Дж. Де Мура (J. De Moor) и Я. Ван Дета (van Deth) подчеркивается, что современные цифровые формы участия «систематически интегрированы в многомерную таксономию политического участия» [3; 5].

Учитывая разнообразие современных форм политического участия, большой интерес представляет работа Дж. Экмана (J. Ekman) и Е. Амны (E. Amnå), которые, исследуя политическую вовлеченность населения, выделяют в ней как явные (манифестные), так и латентные, а также индивидуальные и коллективные формы [6]. Авторы отмечают, что явное политическое участие включает в себя все формальные виды его проявления (членство в партиях, участие в выборах), «контактное» участие (направление обращений к властям с целью повлиять на их решения), политический активизм (внепарламентские формы участия), который может расцениваться как законная (подписание или сбор петиций, раздача политических листовок или бойкот, политический консьюмеризм) или незаконная деятельность граждан (участие в незаконных демонстрациях, насильственных протестах, граничащих с беспорядками, порчей имущества, в некоторых случаях действия эко-активистов и прочих групп), связанная с проявлением своих политических взглядов [7].

По мнению этих же авторов, латентные формы чаще всего остаются вне поля зрения исследователей, хотя их изучение имеет большое значение для понимания новых форм политического участия, возникающих в том числе благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий. Дж. Экман и Э. Амна отмечают, что в отдельных случаях может иметь место активная или пассивная форма неучастия граждан [7]. Ссылаясь на работы М. Шадсона (M. Schudson) [8; 9], они упоминают «наблюдательных граждан», которые занимают преднамеренную предупреждающую позицию (заинтересованы в политике, но намеренно избегают традиционных каналов участия, включаясь только тогда, когда почувствуют, что их участие действительно необходимо). К пассивной форме неучастия Дж. Экман и Э. Амна относят аполитичных граждан, не интересующихся политикой и испытывающих отвращение к политическим вопросам, в некоторых случаях настолько сильное, что в отдельный момент оно может перейти в активные действия (например, погромы). При этом авторы задают вопрос, могут ли в какой-то момент латентные или «резервные формы дополитического участия» перерасти в явные. Анализируя практику онлайн-форм политического участия, мы видим, что роль цифровых технологий в переходе граждан от латентных форм к явным действиям велика и призывы к действию в Сети зачастую позволяют мобилизовать граждан на те или иные реальные действия.

Р. Гибсон (R. Gibson) и М. Кантийох (M. Cantijoch) [10] утверждают, что произошло стирание между некоторыми онлайн- и офлайн-формами участия, а их сочетание позволяет повысить политическую активность граждан. Внедряемые в большинстве стран цифровые сервисы и платформы социально-политического участия позволяют развивать как латентные, так и манифестные его формы.

Исследованию специфики общественной активности россиян в онлайн- и офлайн-средах посвящена работа Р.В. Пармы [11], который рассматривает как активные, так и пассивные формы участия, доказывает корреляционную связь между онлайн- и офлайн-формами гражданского участия в социальных и политических процессах. Автор утверждает, что цифровые сервисы для социально-политического участия более интенсивно используют граждане, чаще участвующие в данных вопросах офлайн.

Большинство исследователей, говоря о цифровых формах социально-политического участия, используют устоявшийся термин «электронное участие», или e-participation. Считается, что электронное участие стало развиваться одновременно с внедрением электронного правительства и было нацелено на восстановление доверия граждан к правительственным учреждениям и вовлечение граждан в демократические процессы [12].

Под электронным участием понимается «процесс вовлечения граждан с помощью информационно-коммуникационных технологий в разработку политики и предоставляемых услуг, принятие решений, с тем чтобы сделать их совместными, инклюзивными и совещательными» [12]. Изначально определение электронного участия ООН не охватывало гражданские инициативы или политические дискуссии, которые проходят без правительства в качестве инициатора, модератора или получателя. Однако расширение форм социально-политического участия граждан и взаимодействия властей с ними вынудило учитывать подобного рода инициативы при разработке новых цифровых платформ взаимодействия или совершенствовании существующих.

Несмотря на активное развитие и преимущества цифровых платформ и онлайн-сервисов для взаимодействия граждан и правительства, вопрос об уровне вовлеченности в политическую жизнь и влиянии граждан на происходящие социально-политические процессы остается открытым. Часть исследователей отмечают, что внедрение интернет-технологий в политические процессы и управление существенно расширило формы взаимодействия населения и властей. Другие же исследования доказывают, что большинство электронных форм взаимодействия властей и граждан обеспечивают лишь символическое участие. Среди основных проблем, существенно снижающих эффективность электронного участия граждан, отмечают низкий уровень цифровой компетентности граждан и цифровизации городов/сел [13], невысокое качество предоставляемой гражданам властями информации, отсутствие репрезентативности участников или политической поддержки, неспособность повлиять на процессы принятия решений, нормативные ограничения использования электронных средств для политической пропаганды [14]. Кроме того, органы государственной власти часто не имеют четкого представления о цели и последствиях внедряемых инициатив, что в итоге может порождать разного рода напряженность и конфликты, разочарование и нежелание граждан участвовать в подобных практиках в будущем [15]. Упоминается и о том, что на эффективность цифровых технологий для социально-политического участия влияет уровень индивидуальной мотивации гражданина [16], а также эмоциональная компонента [17].

По мнению С.В. Володенкова и С.Н. Федорченко, потенциал электронного участия остается ограниченным и «определяется функционалом и алгоритмической моделью цифровых платформ», а «ключевым фактором, определяющим

ограничения цифрового гражданско-политического активизма, в настоящее время является фактор интерфейсизации — регламентации и стандартизации действий индивидов со стороны IT-компаний и политических режимов», который лишь создает у граждан ощущение свободы и власти [18, с. 107].

Теоретической базой для оценки степени вовлеченности граждан в социально-политические процессы и влияния на них в рамках настоящего исследования стали работы Ш. Арнстайн (Sh. Arnstein) и Э. Тамбуриса (E. Tambouris), а также методика оценки электронного участия граждан ООН [12; 19–21]. На рис. 1 представлены ступени участия граждан в рамках рассмотренных теорий, описаны уровни социально-политического участия и выделены соответствующие этим уровням цифровые сервисы.

По сути, модель лестницы власти позволяет более тонко отразить всю специфику и разницу степени влияния граждан на социально-политические процессы, прежде всего на уровне муниципалитетов. Теория Ш. Арнстайн по праву стала базовой моделью для оценки участия общественности в различных социальных и политических процессах, в том числе электронного участия граждан [12]. Упрощенным вариантом «Лестницы Арнстайн» можно считать шкалу «Международной ассоциации по участию общественности» (IAP2 Spectrum of Public Participation), шкалу Э. Тамбуриса, а также шкалу, используемую для расчета «Индекса развития электронного правительства» ООН.

В частности, в работе Э. Тамбуриса с соавторами [21] представлена пяти-балльная шкала участия, которая включает в себя те же уровни, что и модель IAP2, но только с прилагательным «электронное» [21]. В рамках исследования «Индекс развития электронного правительства» ООН выделяет три ступени участия: информирование; консультирование; принятие решений. Д. ле Блан и Н. Сеттекаси выделяют четыре ступени электронного участия граждан, также представленные на рис. 1 [12, с. 5].

Обобщая работы Ш. Арнстайн и Э. Тамбуриса и соавторов, Д. Ле Блана (D. Le Blanc) и Н. Сеттекаси (N. Settecasì) [12; 19; 21], можно сделать вывод, что подлинное политическое участие граждан формируется только на высших ступенях, когда граждане получают полную управленческую власть, возможность контроля при формировании и принятии политической повестки и решений.

Существующие на сегодня формы цифрового участия в социально-политических процессах существенно расширяют репертуар участия граждан, позволяют им выбрать с учетом жизненных приоритетов и целей участия наиболее подходящие формы взаимодействия с властями. Это в целом позволяет заключить, что именно модель Ш. Арнстайн является наиболее подходящей, поскольку позволяет более полно и тонко оценить степень вовлеченности граждан в различные социально-политические процессы.

Сама Ш. Арнстайн отмечала, что в реальности можно выделить до 150 различных форм-ступеней социально-политического участия граждан. Ее теория нашла применение в различных сферах, том числе в теории политического маркетинга. Вместе с тем в теории электронного участия граждан ее несколько упрощают, объединяя ступени «неучастия» и «символического участия», предполагая, что цифровые сервисы как минимум обеспечивают «символическое участие граждан». В целом исследование Ш. Арнстайн позволяет классифицировать большинство представленных

	Лестница участия Ш. Аристейн	Лестница участия Э. Тамбуриса и др.	Уровни электронного участия Д. Де Блана и др.	Примеры сервисов
<p>ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ (подлинное участие) Граждане получают всю полноту власти. Граждане могут вести переговоры и находить компромиссы с властями</p>	<p>8. ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ — граждане получают право разработки и общественного контроля реализуемых программ и проводимой властями политики</p> <p>7. ДЕЛЕГИРОВАНИЕ ВЛАСТИ — граждане получают основные правомочия в реализации отдельных планов и программ, право контролировать данные программы. Власть имеющие вынуждены торговаться с гражданами, а не просто диктовать политику</p> <p>6. ПАРТНЕРСТВО — граждане получают право вести переговоры, власть перераспределена между гражданами и властями. Партнерство развивается в тех сферах, где граждане имеют возможность финансово контролировать власть, местных активистов</p>	<p>4. Электронное расширение прав и возможностей</p> <p>3. Электронное сотрудничество</p>	<p>4. Расширение прав и возможностей</p> <p>3. Сотрудничество</p>	<p>Сервисы электронного голосования на выборах, сервисы для общественного контроля и мониторинга, экспертизы законопроектов, сервисы партисипаторного бюджетирования. Сайты для подачи и поддержки петиций</p>
<p>СИМВОЛИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ У граждан возникает ощущение важности их мнения, реального участия. У граждан нет возможности проверить, как выполняются заявленные обязательства, политика</p>	<p>5. УМИРОВОЕНИЕ — предполагает двусторонний канал связи, граждане получают советательный голос, но последнее решение остается за властями</p> <p>4. КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ — предполагает двусторонний канал взаимодействия между гражданами и властями, однако мнение граждан не всегда учитывается при принятии решения</p> <p>3. ИНФОРМИРОВАНИЕ — предполагает односторонний характер взаимодействия</p>	<p>3. Электронное волеизъявление</p> <p>2. Электронное консультирование</p> <p>1. Электронное информирование</p>	<p>Сервисы для обсуждения общественных проблем и голосования жителей по вопросам благоустройства, в том числе с возможностью выдвижения собственных инициатив, обсуждения в рамках Федерального портала проектов нормативных правовых актов</p> <p>Сервисы для опроса мнения граждан, анкетирования</p>	<p>Сервисы для обсуждения общественных проблем и голосования жителей по вопросам благоустройства, в том числе с возможностью выдвижения собственных инициатив, обсуждения в рамках Федерального портала проектов нормативных правовых актов</p> <p>Сервисы для опроса мнения граждан, анкетирования</p> <p>Сайты и сервисы, предполагающие односторонний канал информации со стороны властей (сервисы для подачи жалоб, обращений, информирования властей о проблемах)</p>
<p>НЕУЧАСТИЕ Иллюзорная форма участия</p>	<p>2. ТЕРАПИЯ — предполагает формирование общественного мнения, внимание граждан переводится на менее важные проблемы посредством психологического воздействия</p> <p>1. МАНИПУЛЯЦИЯ — иллюзорная форма участия, при которой граждане приглашают в общественные коллегии с просветительской целью</p>	<p>Ступени участия</p>	<p>Новостные сайты и сервисы, слабо организованные социальные сети — чаты жителей</p>	<p>Новостные сайты и сервисы, слабо организованные социальные сети — чаты жителей</p>

Рис. 1. Ступени социально-политического участия в различных концепциях

цифровых сервисов для социально-политического участия граждан, оценить их потенциал с точки зрения реальной возможности влиять на действия властей.

Цель нашего исследования — определить, являются ли современные информационно-коммуникационные технологии средством для проявления социально-политической активности населением Тюменской области, а также дают ли они возможность подлинного политического участия, влияния на происходящие в обществе политические процессы.

Новизна данного исследования состоит прежде всего в ответе на вопросы:

- позволяют ли современные цифровые технологии проявлять социально-политическую активность и достигать подлинного участия в принятии решений на различных уровнях власти жителями сел и городов Тюменской области?
- существует ли разница в характере и целях использования современных цифровых технологий между жителями сел и городов Тюменской области?

Первая гипотеза нашего исследования состоит в том, что большинство имеющих цифровых сервисов не позволяет достичь подлинного участия граждан, но дает возможность взаимодействовать с властями на уровне информирования или консультирования.

Вторая гипотеза состоит в том, что востребованность электронных сервисов жителями отдаленных от областного центра районов, сел и деревень, для которых могут быть затруднительны личные обращения к властям, должна быть несколько выше, чем для городского населения.

Данное исследование проводилось в рамках гранта РФФИ № 21-011-31407, предполагающего исследование эффективности использования современных технологий в целях вовлечения граждан в социально-политические процессы на местном уровне. Следует отметить, что Тюменская область как субъект РФ в последние годы демонстрирует успехи в цифровизации различных отраслей экономики и социальной сферы. В многочисленных рейтингах по оценке уровня цифровизации регион находится на достаточно высоких позициях. В частности, наряду с Москвой, Сахалинской, Орловской, Ленинградской областями и Республикой Крым Тюменская область входит в число регионов-лидеров в рейтинге цифровизации государственных органов¹. В рейтинге качества предоставляемых государственных услуг регион находится на 12-й позиции. В рейтинге регионов по работе в интернете, созданном АНО «Диалог», нацеленном на оценку эффективности обратной связи с жителями городов, Тюменская область занимает третье место, что в целом свидетельствует о высоком уровне цифровизации региона и системы работы с населением. По данным рейтинга уровня цифровой зрелости регионов РФ Минцифры за 2021 г., Тюменская область, как и большинство других регионов страны, имеет средний уровень цифровой зрелости. В исследовании Ю. А. Кабанова, Г. О. Панфилова и А. В. Чугунова, посвященном оценке уровня электронного участия регионов России, Тюменская область также находится в группе регионов со средним уровнем развития электронного участия граждан [22]. Такой разброс позиций в различных рейтингах по оценке уровня цифровизации регионов и эффективности созданных сервисов свидетельствует о существовании слабых

¹ См.: Пресс-релиз Минэкономразвития России // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rossii_podgotovlen_reyting_data_zrelosti_gosorganov.html (дата обращения: 21.12.2022).

мест в реализуемой политике цифровизации, а также в политике трансформации регионального участия жителей Тюменской области. В настоящее время наметилась тенденция к централизации внедряемых в регионах сервисов и платформ для социально-политического участия, но региональные власти продолжают сохранять и развивать существующие уникальные электронные ресурсы, которые могут повысить эффективность функционирования существующей системы электронного участия граждан на региональном и местном уровнях. Имеющиеся в Тюменской области платформы и сервисы, а также инициативы граждан делают ее опыт интересным для других субъектов страны.

Методология исследования

Представленная в исследованиях методология классификации и идентификации цифровых форм социально-политического взаимодействия позволила нам отобрать цифровые сервисы, платформы и технологии, которые имеют возможность использовать жители Тюменской области для проявления своей социально-политической активности.

Базой для данного исследования стал социологический опрос жителей Тюменской области относительно использования, восприятия, удовлетворенности цифровыми сервисами для проявления социально-политической активности граждан (июнь — август 2021 г.; $N = 1200$). Выборка квотная, репрезентирует население юга области по полу, возрасту и месту жительства (г. Тюмень, другое городское поселение, сельский муниципальный район). Для расчета квот использовались данные Федеральной службы государственной статистики на 01.01.2020².

Опрос проводился в онлайн-формате с использованием цифрового сервиса SurveyMonkey. Рекрутинг респондентов осуществлялся на платформах социальных медиа, старшие категории респондентов добирались в ходе уличных опросов. Размещение ссылки на анкету в сообществах всех муниципальных образований Тюменской области позволило обеспечить наличие в выборочной совокупности респондентов из всех городов, городских округов и муниципальных районов.

На первом этапе исследования на основе сопоставления теории и практики были классифицированы формы социально-политического взаимодействия граждан и власти, предполагающие использование цифровых технологий. Далее были отобраны доступные для жителей Тюменской области сервисы и платформы. Они были включены в анкету. В перечень предлагаемых для оценки сервисов попали наиболее популярные платформы и сервисы социально-политического участия, большинство из которых созданы властями (портал «Госуслуги», сайты госорганов, блоги, страницы в социальных сетях представителей властей, партий, сервисы для подачи петиций в том числе и сервисы, связанные с партисипаторным бюджетированием), а также странички местных сообществ в социальных сетях, используемые для обсуждения различного рода проблем и вопросов, голосования. Далее была дана оценка функциональному назначению данных сервисов, проведено ранжирование данных сервисов в соответствии с «Лестницей участия» и возможностью влияния на политику.

² База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения: 21.12.2022).

На втором этапе была определена доля граждан, использующих современные цифровые технологии для проявления социально-политической активности. Для определения степени вовлеченности и участия граждан в социально-политических процессах была определена доля граждан, являющихся активными членами партий и общественных организаций.

На третьем этапе дана оценка характера, мотивов и целей использования современных сервисов в разрезе пола, возраста, места проживания.

На четвертом этапе на основе методологии Ш. Арнстайн была оценена степень вовлечения граждан в социально-политические процессы, выяснено, позволяют ли современные технологии расширить права и возможности граждан, ощутить подлинное участие в социально-политических процессах (на примере населения Тюменской области).

Результаты исследования

В ходе исследования было выявлено, что 40 % опрошенных жителей Тюменской области используют для проявления своей социально-политической активности электронные сервисы, тогда как 21 % предпочитает традиционные формы участия (личный прием, непосредственную встречу с властями), а еще 38 % заявляют о том, что ничем не пользуются. Кроме того, было определено, что всего 13 % респондентов являются членами партий, из которых 5 % активно участвуют в деятельности партий, а еще 8 % состоят в партиях, но не принимают активного участия в их работе. 14 % респондентов заявили о том, что состоят в общественных организациях, из них 7 % являются их активными членами, а еще 7 % остаются пассивными.

Таблица 1. Средние оценки респондентами востребованности цифровых сервисов³, баллы

Сервисы	Тюмень	Другие города	Село	В среднем по выборке
Портал «Госуслуги» для подачи жалоб, заявлений, предложений	4,21	4,18	4,11	4,18
Сайты, порталы органов государственной власти / Сайт Президента РФ	3,35	3,24	3,20	3,29
Официальные сайты муниципальных образований	3,52	3,39	3,21	3,41
Блоги представителей власти	2,71	2,79	2,68	2,71
Сайт Общественной палаты	2,81	3,02	2,83	2,75
Официальные странички органов власти в соцсетях	2,78	2,93	2,81	2,81
Местные сообщества в социальных сетях	3,24	3,24	3,22	3,23
Страницы партий, депутатов, общественных деятелей в соцсетях	2,63	2,84	2,66	2,68
Сайты для подачи петиций change.org / Российская общественная инициатива	3,20	3,16	2,98	3,13
Мобильные приложения для подачи обращений граждан («Я решаю» / «Активный гражданин» / «Тюмень — мой город» и др.)	3,11	3,00	3,02	3,07

³ Формулировка вопроса: «Оцените востребованность перечисленных в таблице сервисов/технологий для вовлечения граждан в социально-политические процессы по пятибалльной шкале, где 1 — абсолютно бесполезный сервис, не востребован населением, 5 — очень полезный и востребованный сервис (отметьте один ответ в каждой строке таблицы)». Вопрос был позиционирован как обязательный.

Доля партийных граждан среди респондентов в Тюмени ниже средней по выборке и составляет 11 % (в малых городах — 15 %, в селах — 17 %). Различий в ответах на этот вопрос респондентов разного пола выявить не удалось, тогда как в разрезе возрастных групп они прослеживаются. В частности, наибольшая доля участников партий и общественных организаций приходится на возрастную группу 45–59 лет (партийными являются 17 % респондентов; членами общественных организаций — 16 %), а наименьшая — на молодежь — 18–29 лет (членами партий являются 2 %; членами общественных организаций — 12 %). В целом полученные данные показывают, что участие в политических процессах остается малопопулярным занятием для молодежи, несмотря на ее большую активность в сети и более высокий уровень цифровой компетентности, а также предпочтения цифровых форм участия традиционным. Политика более интересна людям среднего возраста.

Самым востребованным сервисом является портал «Госуслуги» — средняя оценка его востребованности выше 4 баллов во всех группах респондентов (табл. 1).

Средние оценки востребованности (3–4 балла) получили официальные сайты муниципальных образований, органов государственной власти, местные сообщества в социальных сетях, сайты для подачи петиций и мобильные приложения для подачи обращений граждан (сервисы расставлены в порядке убывания средних оценок их востребованности).

До начала исследования предполагалось, что востребованность электронных сервисов жителями отдаленных от областного центра районов, для которых затруднительны могут быть личные обращения к властям, должна быть несколько выше, чем для городского населения. Однако эта гипотеза не подтвердилась. Напротив, оказалось, что по большинству сервисов оценки востребованности у жителей городов выше, чем у жителей села, а самые высокие они у жителей областного центра. Данный факт мы связываем с более высоким уровнем цифровой компетентности горожан, позволяющим им более активно осваивать и использовать все эти сервисы.

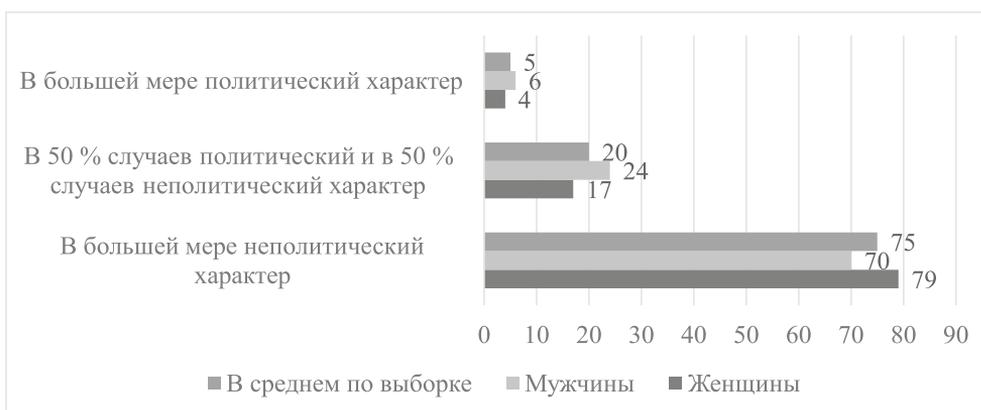

Рис. 2. Характер использования электронных сервисов⁴, %

⁴ Формулировка вопроса: «Мое использование сервисов носит...», доли посчитаны от числа ответивших на вопрос.

В целом большинство респондентов (75 %) указало на то, что использование ими цифровых сервисов имеет в большей степени неполитический характер (рис. 2). Но при этом доля политически активных мужчин в общей численности респондентов чуть выше доли политически активных женщин.

В целом для россиянок характерна более низкая политическая активность, чем в развитых странах ЕС, а также в странах СНГ. Низкая вовлеченность женщин в социально-политические процессы может объясняться недостаточной правовой базой, слабой политической активностью самих россиянок, неразвитостью институтов гражданского общества, низким уровнем развития демократии, традициями, патриархальными стереотипами и т. д. [23]. По данным исследования, проведенного Transparency International Russia⁵, в целом политическая активность россиянок находится на крайне низком уровне, в рейтинге гендерного равенства в политической сфере Россия занимает 122-е место из 152⁶.

Реальная численность женщин в политике крайне мала. Статистика свидетельствует о том, что в России в выборах женщины участвуют чаще, но реже побеждают. Из 26 % участвующих в выборах женщин побеждает всего 2 % из выдвинутых кандидатов. Доля женщин в парламенте Тюменской области составляет всего 10,4 %⁷.

Исследование показало, что чаще всего жители используют цифровые сервисы и платформы для получения социальных государственных услуг и информации о происходящем в городе/селе, информирования властей о происходящем в городе/селе, из желания улучшить жизнь жителей моего города/села, для подачи обращений/петиций в государственные структуры из-за нарушений или ущемлений их прав (табл. 2).

В целом, придерживаясь порядка «Лестницы участия», можно заключить, что в большинстве случаев использование цифровых технологий не позволяет достичь наивысших уровней политического участия, а лишь позволяет говорить об электронном взаимодействии граждан и власти, когда они остаются на уровне информирования или консультирования. Лишь в отношении небольшой доли случаев можно говорить об электронном расширении прав и возможностей граждан. Большинство опрошенных (65 %) обращается к цифровым сервисам для получения различных государственных услуг, сопоставимая доля респондентов (62 %) обращается к этим сервисам для информирования властей или получения информации от них. Около трети респондентов поддерживают чужие или создают собственные гражданские инициативы, и лишь каждый десятый реально участвует в формировании или корректировке политики на местном уровне.

Отдельного внимания заслуживает вопрос влияния пандемии COVID-19 на интенсивность использования цифровых сервисов для электронного участия граждан. В период пандемии правительство стремилось к расширению цифровых сервисов для граждан, к информационной открытости, предполагающей «не просто

⁵ С апреля 2015 по 29 сентября 2023 г. организация находилась в реестре некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента Минюста РФ. Генпрокуратурой РФ признана нежелательной организацией.

⁶ Непредставительная власть // Трансперенси интернешнл — Россия. URL: <https://transparency.org.ru/special/womenassembly/> (дата обращения: 01.12.2022).

⁷ Непредставительная власть.

представление своей деятельности широкому кругу общественности, но и готовность с этой общественностью входить в контакт», для повышения качества принимаемых решений, достижения баланса интересов и контроля [24].

Таблица 2. Цели использования респондентами цифровых сервисов⁸, %

Варианты	Возраст респондентов				Всего
	18–29 лет	30–44 года	45–59 лет	60 и более лет	
Получение социальных государственных услуг (записаться на прием, записать детей в школу, получить путевку и т. п.)	62	69	63	62	65
Получение информации о происходящем в городе/селе	45	41	47	41	43
Информирование властей о происходящем в городе/селе из желания улучшить жизнь жителей моего города/села	15	22	23	15	19
Подача обращений/петиций в различные государственные структуры из-за нарушений или ущемлений моих прав	18	18	17	16	17
Поддержка чужих гражданских инициатив	20	10	13	7	12
Участие в формировании и корректировке проводимой властями политики на местном уровне	8	12	8	5	9
Решение проблем, связанных с предпринимательской деятельностью	9	9	6	4	7

В период введения жестких противоэпидемиологических ограничений граждане были вынуждены активно использовать весь спектр цифровых сервисов, в том числе и для социально-политической активности. Количество пользователей портала «Госуслуги» в 2020 г. увеличилось на 24 млн человек и составило более 126 млн человек. Средняя ежедневная аудитория пользователей портала составила более 4 млн человек, что на 1,5 млн больше, чем в 2019 г.⁹

В ходе опроса респондентов было установлено, что многие жители Тюменской области (62 % опрошенных) в период пандемии стали чаще использовать электронные сервисы для взаимодействия с властями, в том числе 26 % стали это делать намного чаще, а еще 38 % — немного чаще. Довольно значимой осталась и доля людей, у которых активность в использовании цифровых сервисов не изменилась в период пандемии (38 %). Сопоставление ответов на этот вопрос с ответами на вопрос о способах выражения своей гражданской позиции, показывает, что активность, по сути, не изменилась у респондентов, которые и до пандемии никак свою гражданскую позицию не выражали.

Отдельные респонденты при опросе указывали, что при введении жестких ограничений, не имея возможности работать, посылали обращения во все

⁸ Формулировка вопроса: «Для чего Вы чаще всего используете вышеперечисленные сервисы? (отметьте не более трех вариантов)».

⁹ По данным портала Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/40942/> (дата обращения: 01.12.2021).

инстанции для получения финансовой поддержки или консультации. В период пандемии гражданами было оформлено более 19 млн заявлений на социальные выплаты, пособия и льготы¹⁰. Кроме того, за 2020 г. существенно расширился и сам перечень государственных услуг, информационных сайтов о эпидемиологической ситуации. В части регионов появилась и возможность онлайн-голосования на выборах или же, как в Тюменской области, выбора участка для голосования. В целом длительные периоды локдауна вынудили граждан использовать весь перечень доступных цифровых сервисов как для получения государственных услуг, так и для проявления своей социальной и политической активности.

В большинстве своем опрошенные (82 %) указывают, что их потребности, связанные с участием в социально-политических процессах посредством электронных сервисов, в настоящее время удовлетворены полностью. Но 2 % респондентов отмечают, что им не хватает обратной связи от органов государственной власти.

Для определения уровня вовлеченности в социально-политические процессы респондентам был задан вопрос: «Дают ли вышеперечисленные сервисы Вам возможность быть услышанными властями, ощущаете ли подлинное участие в процессах управления регионом/городом/селом?» Анализ ответов показал, что подлинное участие в процессах управления ощущают лишь 5 % респондентов, каждый пятый уверен в том, что его мнение важно для властей и обращения будут рассмотрены (этот вариант выбрали 21 % опрошенных). Большинство же (44 %) указало на то, что их мнение либо маловажно, либо они являются лишь источником информации для сбора данных и мониторинга текущей ситуации властями (считают, что их обращения будут рассмотрены формально, без реального решения проблем). Еще 30 % респондентов указали на то, что их обращения являются источником информации для властей, на основе которой последние принимают решения.

Интересно, что 20 % опрошенных имеют в своей практике опыт влияния на принятие решений в управлении селом, городом, областью, страной (табл. 3).

Таблица 3. Наличие у респондентов опыта влияния на принятие решений в управлении селом, городом, областью, страной¹¹, %

Варианты	Пол		Возраст				В среднем по выборке
	мужчины	женщины	18–29 лет	30–44 года	45–59 лет	60 и более лет	
Да	23	18	15	21	19	24	20
Нет	76	82	85	79	81	76	80

Табл. 3 показывает, что доля «повлиявших на принятие решений в управлении селом, городом, областью, страной» выше среди мужчин (23 % против 18 % у женщин). Данный факт в очередной раз демонстрирует, что вовлеченность женщин

¹⁰ Количество граждан, которые воспользовались сервисами единого портала Госуслуг в 2020 г., составило 56 млн человек // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/40942/> (дата обращения: 01.12.2021).

¹¹ Формулировка вопроса: «Был ли в Вашей практике случай, когда Ваши действия повлияли на принятие решений в управлении селом, городом, областью, страной?», доли посчитаны от числа ответивших на вопрос.

в социально-политические процессы ниже. В разрезе возрастных групп доля «повлиявших на принятие решений в управлении селом, городом, областью, страной» оказалась наибольшей среди лиц старше 60 лет, очевидно, имеющих больше свободного времени, чем работающее население, для проявления своей гражданской позиции, и большой жизненный опыт.

Основные выводы

Подводя итог, подчеркнем, что цифровые формы социально-политического участия существенно расширяют возможности граждан, однако однозначно утверждать, что большинство из них дает гражданам реальную вовлеченность и власть, нельзя.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что цифровые сервисы стали достаточно популярными, 40 % опрошенных жителей Тюменской области их используют. Тем не менее 75 % респондентов указали на то, что использование ими цифровых сервисов имеет в большей степени неполитический характер (то есть становится скорее ритуалом, стандартизированным образцом взаимодействия с властями для получения информации или услуг), и лишь 25 % отмечают, что используют сервисы для проявления социально-политической активности.

Проанализировав большинство используемых жителями Тюменской области сервисов и применяя к анализу методику «Лестница участия», можно отметить, что часть цифровых сервисов лишь создает видимость политического участия. К ступеням «Манипулирование» и «Психотерапия» отчасти можно отнести участие граждан в различных группах в социальных сетях (чаще всего они слабо организованы и используются в большей степени для обмена мнениями и информацией), а также чаты жильцов, группы собственников в социальных сетях (не дают участникам никакой власти, а создают иллюзию участия граждан и позволяют манипулировать их сознанием).

К уровням «Информирования» и «Консультирования» можно отнести электронные опросы общественного мнения, анкетирования, направленные на сбор властями информации, которая может быть использована для оправдания принятых управленческих решений, в том числе и для манипуляции общественным сознанием. Как отмечает Ш. Арнстайн, правильно составленные опросы позволяют получить властям «нужные» ответы для принятия запланированных решений. «Информирование» в большинстве случаев носит односторонний характер взаимодействия граждан и власти, не предполагает обратной связи, в связи с этим ряд ученых считает, что информирование вообще не может считаться формой политического участия, но включается в него, поскольку без информирования граждан в принципе невозможна демократия.

В случае с «Консультированием» граждане участвуют и получают обратную связь, их мнение выслушивают, но не всегда учитывают при принятии решений. Следует отметить, что большинство респондентов (82 %) считает свои потребности, связанные с участием в социально-политических процессах посредством электронных сервисов, полностью удовлетворенными. Но вместе с тем 44 % респондентов указывают на то, что их мнение маловажно для властей и их обращения рассматриваются формально, без реального решения проблем. Еще 30 %

респондентов указали, что их мнение является источником информации для властей, но они не участвуют в принятии решений и управлении на местном уровне, а лишь информируют власти о происходящем. Только 5 % респондентов считают, что их мнение важно для властей и что они участвуют в процессах управления на муниципальном или региональном уровне.

При использовании цифровых сервисов респондентам не хватает обратной связи, они не видят в них способа «реально влиять на политическую ситуацию». Часть респондентов весьма скептически высказались относительно использования цифровых сервисов для проявления социально-политической активности, а также самой возможности открыто высказывать свое мнение или политические взгляды в сетях. В частности, в ответах респондентов встречались высказывания типа «Сервисы работают, а ситуация не меняется», «Нет возможности выражать свое мнение без риска блокировки (как например, на страницах исполнительных органов власти)», «Нет возможности воплощать реальные предложения по улучшению ситуации».

Часть цифровых сервисов позволяет гражданам достичь уровня «Умиротворения», когда они могут влиять на процессы принятия решений. На данной ступени гражданам предоставляется совещательный голос, но окончательное решение принимается исключительно властями. Это все сервисы, предполагающие участие в процессах принятия решений посредством голосований на платформах относительно каких-либо проектов, а также те сервисы, где граждане могут выдвигать инициативы по реализации каких-либо идей. На сегодня на уровне муниципалитетов в Тюменской области проводятся конкурсы по разработке проектов благоустройства территорий, продвигаемые через сервисы «Я решаю», «Твоя Тюмень».

К более высоким уровням участия — «Партнерство» и «Делегирование полномочий» — можно отнести такие сервисы, как «Тюмень — наш город», где граждане могут отправить жалобу властям. Опыт показывает, что этот сервис позволяет достаточно быстро и эффективно решить большинство проблем, но, к сожалению, только в сфере городского хозяйства. Скорость реагирования властей при обращении граждан через него достаточно высока, проблемы решаются быстро. Сюда же можно отнести сервис «Твой бюджет», где граждане участвуют в инициативном бюджетировании, но он имеет более высокую эффективность в сочетании с традиционными формами взаимодействия властей и граждан посредством проведения общественных слушаний и обсуждений проектов. Кроме того, система инициативного бюджетирования предполагает также и контроль со стороны населения. К высоким уровням участия, несомненно, отнесем сервисы «Российская общественная инициатива» и change.org, посредством которых граждане могут выдвигать политические инициативы и привлекать внимание к общественно-политическим проблемам. В Тюменской области у граждан пока отсутствует возможность онлайн-участия в выборах, о чем высказала сожаление часть респондентов.

В заключение отметим, что большинство цифровых сервисов относятся к символическим формам участия, но их наличие имеет ряд позитивных сторон, улучшающих систему государственного управления и взаимодействия властей и населения. Несмотря на то что большинство респондентов указали на неполитический характер использования данных сервисов, мы склонны видеть в нем латентное политическое участие, которое может перерасти в реальное. Следует отметить и ряд позитивных

моментов в использовании цифровых сервисов для общества. Во-первых, цифровые сервисы строятся на принципах партисипаторной демократии, когда власть стремится привлечь общественность к решению важнейших социальных, экономических и политических проблем, то есть они существенно расширяют и аудиторию, и репертуар участия граждан в социально-политических процессах. Во-вторых, эти сервисы создают обучающий эффект: граждане получают опыт общения с властями, а в дальнейшем, при желании и проявлении настойчивости, они могут влиять на процессы принятия решений на разных уровнях власти. В-третьих, цифровые сервисы способствуют повышению открытости и подотчетности властей гражданам. В-четвертых, при должном изучении слабых сторон цифровых сервисов и требований граждан по их совершенствованию можно значительно повысить их качество.

Литература

1. *Verba S., Nie N.* Participation in America: Political Democracy and Social Equality. New York: Harper & Row, 1972.
2. *Norris P.* Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511610073>
3. *Theocharis Ya., Van Deth J.W.* The continuous expansion of citizen participation: A new taxonomy // *European Political Science Review*. 2018. Vol. 10, no. 1. P. 139–163. <https://doi.org/10.1017/S1755773916000230>
4. *Van Deth Ja. W.* A conceptual map of political participation // *Acta Politica*. 2014. Vol. 49, no. 3. P. 349–367. <http://dx.doi.org/10.1057/ap.2014.6>
5. *Theocharis Ya., De Moor J., Van Deth J. W.* Digitally networked participation and lifestyle politics as new modes of political participation // *Policy & Internet*. 2021. Vol. 13, no. 1. P. 30–53. <https://doi.org/10.1002/POI3.231>
6. *Amnå E., Ekman J.* Standby citizens: Understanding non-participation in contemporary democracies // Barrett M., Zani B. (eds). *Political and Civic Engagement: Multidisciplinary perspectives*. London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2015. P. 96–108.
7. *Ekman J., Amnå E.* Political participation and civic engagement: Towards a new typology // *Human Affairs*. 2012. Vol. 22. P. 283–300. <https://doi.org/10.2478/s13374-012-0024-1>
8. *Schudson M.* What if civic life didn't die? // *American Prospect*. 1996. Vol. 25. P. 17–20.
9. *Schudson M.* Good citizens and bad history: Today's political ideals in historical perspective // *The Communication Review*. 2000. Vol. 4, no. 1. P. 1–19. <https://doi.org/10.1080/10714420009359458>
10. *Gibson R., Cantijoch M.* Conceptualizing and measuring participation in the age of the Internet: Is online political engagement really different to offline? // *The Journal of Politics*. 2015. Vol. 75, no. 3. P. 701–716. <https://doi.org/10.1017/S0022381613000431>
11. *Парма Р.В.* Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 6. С. 145–170. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042>
12. *Le Blanc D., Settecasì N.* E-Participation: A quick overview of recent qualitative trends // *United Nations. Department of Economic and Social Affairs*. URL: https://www.un.org/esa/desa/papers/2020/wp163_2020.pdf (дата обращения: 01.12.2021).
13. *Смирнов А.В.* Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 1. С. 129–153. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790>
14. *Panopoulou E., Tambouris E., Tarabanis K.* Success factors in designing eParticipation initiatives // *Information and Organization*. 2014. Vol. 24, no. 4. P. 195–213. <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2014.08.001>
15. *Royo S., Pina V., Garcia-Rayado J.* Decide Madrid: A critical analysis of an award-winning e-Participation initiative // *Sustainability*. 2020. Vol. 12, no. 4. P. 1674. <https://doi.org/10.3390/su12041674>
16. *Morozov E.* *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. New York: Public Affairs, 2012.
17. *George J.J., Leidner D.E.* From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism // *Information and Organization*. 2019. Vol. 29, no. 3. P. 100249. <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>

18. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 97–118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2014>

19. Arnstein Sh. R. A ladder of citizen participation // Journal of the American Institute of Planners. 1969. Vol. 35, no. 4. P. 216–224. <https://doi.org/10.1080/01944366908977225>

20. Gaber J. Building “A Ladder of Citizen Participation”: Sherry Arnstein, citizen participation, and model cities // Journal of the American Planning Association. 2019. Vol. 85, no. 3. P. 188–201. <https://doi.org/10.1080/01944363.2019.1612267>

21. Tambouris E., Liotas N., Tarabanis K. A framework for assessing E-participation projects and tools // 40th Annual Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS’07). Waikoloa, 2007. P. 90. <https://doi.org/10.1109/HICSS.2007.13>

22. Кабанов Ю. А., Панфилов Г. О., Чугунов А. В. Мониторинг электронного участия в регионах России: результаты исследований 2020–2021 гг. // Государство и граждане в электронной среде. Вып. 5: труды XXIV Междунар. объедин. науч. конф. «Интернет и современное общество», IMS-2021. Санкт-Петербург, 24–26 июня 2021 г.: сб. науч. ст. СПб.: Университет ИТМО, 2021. С. 65–75. <http://dx.doi.org/10.17586/2541-979X-2020-4-61-72>

23. Беляева Г. Ф. Политическая активность женщин в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 1. С. 143–164.

24. Открытость в условиях пандемии COVID-19: дайджест Департамента международного и регионального сотрудничества СП РФ. М.: Счетная палата РФ, 2020. URL: <https://Covid-19-openness.pdf> (дата обращения: 01.12.2021).

Статья поступила в редакцию 3 апреля 2023 г.;
рекомендована к печати 21 марта 2024 г.

Контактная информация:

Карагулян Егине Араратовна — доц.; e.a.karagulyan@utmn.ru

Батырева Мария Владимировна — доц.; m.v.batyreva@utmn.ru

Social and political participation using digital services: An empty ritual or a genuine participation?*

E. A. Karagulyan, M. V. Batyreva

Tyumen State University,
6, ul. Volodarskogo, Tyumen, 625003, Russian Federation

For citation: Karagulyan E. A., Batyreva M. V. Social and political participation using digital services: An empty ritual or a genuine participation? *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 1, pp. 65–83. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.105> (In Russian)

This article focuses on how modern digital services can involve citizens in socio-political processes. Based on a survey of residents of the Tyumen region, an assessment was made of the participation of citizens in socio-political processes, the demand for digital services by the population for the manifestation of socio-political activity, as well as the ability of these services to provide citizens with genuine political participation. The study found that only 40 % of respondents use modern services and technologies to display their socio-political activity. In the great majority of cases, the use of digital services or platforms is apolitical (solving one’s own life problems, getting information, informing the authorities). The needs

* The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute for Social Research (EISR) according to the research project no. 21-011-31407 “‘Smart’ technologies as a means of involving in social and political processes: expectations and reality”.

of citizens related to participation in social and political processes through digital services are fully satisfied, but these services do not provide citizens with genuine participation and don't give the opportunity to influence ongoing social and political processes. Only a few services today enable citizens to reach a high level of sociopolitical participation. Most digital services provide only symbolic political participation, but their presence improves the system of public administration and interaction between the authorities and the population. We tend to see, even in the non-political nature of digital service usage, latent political participation that can become real. The use of digital services is important for society, as they significantly expand both the audience and the repertoire of citizens' participation in socio-political processes; have a learning effect; contribute to increasing the openness and accountability of authorities to citizens. By properly analyzing the weaknesses of digital services and the demands of citizens for their improvement, one can make significant improvements.

Keywords: social and political participation, digital services, level of social and political participation, engagement of citizens in political processes.

References

1. Verba S., Nie N. *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. New York, Harper & Row, 1972.
2. Norris P. *Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511610073>
3. Theocharis Ya., Van Deth J.W. The continuous expansion of citizen participation: A new taxonomy. *European Political Science Review*, 2016, vol. 10, no. 1, pp. 139–163. <https://doi.org/10.1017/S1755773916000230>
4. Van Deth J.W. A conceptual map of political participation. *Acta Politica*, 2014, vol. 49, no. 3, pp. 349–367. <http://dx.doi.org/10.1057/ap.2014.6>
5. Theocharis Ya., De Moor J., Van Deth J.W. Digitally networked participation and lifestyle politics as new modes of political participation. *Policy & Internet*, 2021, vol. 13, no. 1, pp. 30–53. <https://doi.org/10.1002/POI3.231>
6. Amnå E., Ekman J. Standby Citizens: Understanding Non-Participation in Contemporary Democracies. In: Barrett M., Zani B. (eds). *Political and Civic Engagement: Multidisciplinary perspectives* (pp. 96–108). London, Routledge, Taylor & Francis Group, 2015.
7. Ekman J., Amnå E. Political participation and civic engagement: Towards a new typology. *Human Affairs*, 2012, vol. 22, pp. 283–300. <https://doi.org/10.2478/s13374-012-0024-1>
8. Schudson M. What if civic life didn't die? *American Prospect*, 1996, vol. 25, pp. 17–20.
9. Schudson M. Good citizens and bad history: Today's political ideals in historical perspective. *The Communication Review*, 2000, vol. 4, no. 1, pp. 1–19. <https://doi.org/10.1080/10714420009359458>
10. Gibson R., Cantijoch M. Conceptualizing and measuring participation in the age of the Internet: Is online political engagement really different to offline? *The Journal of Politics*, 2015, vol. 75, no. 3, pp. 701–716. <https://doi.org/10.1017/S0022381613000431>
11. Parma R.V. Public activism of Russian citizens in offline and online spaces. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2021, no. 6, pp. 145–170. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042> (In Russian)
12. Le Blanc D., Settecasì N. E-Participation: A quick overview of recent qualitative trends. *United Nations. Department of Economic and Social Affairs*. Available at: https://www.un.org/esa/desa/papers/2020/wp163_2020.pdf (accessed: 01.12.2021).
13. Smirnov A. V. Digital society: Theoretical model and Russian reality. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2021, no. 1, pp. 129–153. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790> (In Russian)
14. Panopoulou E., Tambouris E., Tarabanis K. Success factors in designing eParticipation initiatives. *Information and Organization*, 2014, vol. 24, no. 4, pp. 195–213. <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2014.08.001>
15. Royo S., Pina V., Garcia-Rayado J. Decide Madrid: A critical analysis of an award-winning e-participation initiative. *Sustainability*, 2020, vol. 12, no. 4, p. 1674. <https://doi.org/10.3390/su12041674>
16. Morozov E. *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. New York, Public Affairs, 2012.

17. George J.J., Leidner D.E. From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism. *Information and Organization*, 2019, vol. 29, no. 3, p. 100249. <https://doi:10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>
18. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Digital infrastructures of civic and political activism: Current challenges, risks and constraints. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2021, no. 6, pp. 97–118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2014> (In Russian)
19. Arnstein S.R. A ladder of citizen participation. *Journal of the American Institute of Planners*, 1969, vol. 35, no. 4, pp. 216–224. <https://doi.org/10.1080/01944366908977225>
20. Gaber J. Building “A Ladder of Citizen Participation”: Sherry Arnstein, citizen participation, and model cities. *Journal of the American Planning Association*, 2019, vol. 85, no. 3, pp. 188–201. <https://doi.org/10.1080/01944363.2019.1612267>
21. Tambouris E., Liotas N., Tarabanis K. A framework for assessing E-participation projects and tools. *40th Annual Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS'07)* (p. 90). Waikoloa, 2007. <https://doi.org/10.1109/HICSS.2007.13>
22. Kabanov Yu., Panfilov G.O., Chugunov A.V. Monitoring e-participation in Russian regions: Research results 2020–2021. In: *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoi srede. Vyp. 5: trudy XXIV Mezhdunarodnoi ob'edinennoi nauchnoi konferentsii “Internet i sovremennoe obshchestvo”, IMS-2021. Sankt-Peterburg, 24–26 iyunia 2021 g.: sbornik nauchnykh statei* (pp. 65–75). St. Petersburg, Universitet ITMO Publ., 2021. <http://dx.doi.org/10.17586/2541-979X-2020-4-61-72> (In Russian)
23. Belyaeva G.F. Political activity of women in Russia. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia*, 2008, no. 1, pp. 143–164. (In Russian)
24. *Openness during the COVID-19 pandemic*: digest of the Department of International and Regional Cooperation of the SP RF. Moscow, Schetnaia palata RF Publ., 2020. Available at: <https://Covid-19-openness.pdf> (accessed: 01.12.2021). (In Russian)

Received: April 3, 2023
Accepted: March 21, 2024

Authors' information:

Egine A. Karagulyan — Associate Professor; e.a.karagulyan@utmn.ru
Maria V. Batyreva — Associate Professor; m.v.batyreva@utmn.ru

Использование цифровых государственных сервисов как фактор социального самочувствия населения*

Л. А. Видясова

Университет ИТМО,

Российская Федерация, 197101, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., 49

Для цитирования: Видясова Л. А. Использование цифровых государственных сервисов как фактор социального самочувствия населения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 1. С. 84–99. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.106>

В последние годы тренд цифровизации общества наводит исследователей на мысли о возможной взаимосвязи факторов, связывающих распространение информационных технологий с такими социальными аспектами, как качество жизни населения, удовлетворенность жителей городской средой и социальное самочувствие. В статье приводятся результаты репрезентативного социологического исследования потребностей в цифровых сервисах среди жителей Петербурга, а также взаимосвязи удовлетворенности от использования сервисов и уровня социального самочувствия. В Санкт-Петербурге реализуется приоритетный проект «Экосистема городских сервисов “Цифровой Петербург”», представляющий собой модель предоставления цифровых услуг с помощью расположения городских сервисов в одном месте. Конечной целью реализации проекта является удовлетворенность жизнью горожан, и данная категория тесно связана с субъективными суждениями жителей, которые соприкасаются с повседневными практиками через эмоциональный фон. Исследование было проведено методом онлайн-опроса 500 жителей города, выборка репрезентативная по полу и возрасту респондентов. По результатам исследования была выявлена взаимосвязь между использованием цифровых сервисов и показателями социального самочувствия населения. Среди жителей города большую удовлетворенность жизнью демонстрируют те, кто высоко оценивает удобство цифровых сервисов. По данным опроса, на социальное самочувствие горожан оказывают влияние уверенность в собственных ИТ-навыках, высокая оценка удобства цифровых сервисов, доверие взаимодействию с органами власти в онлайн-формате, оценка эффективности работы сервисов. В качестве задач на перспективу исследования автор видит разработку методики многофакторной оценки социального самочувствия, включающей использование данных из социальных медиа и других открытых источников.

Ключевые слова: цифровые сервисы, государственные электронные сервисы, социальное самочувствие, опрос, ИТ-навыки, экосистема городских сервисов.

Введение

Тенденция цифровизации различных сфер жизни [1] уже не первый год наводит исследователей на мысли о поиске факторов, связывающих проникновение информационных технологий и таких социальных аспектов, как качество жизни

*Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ) и Санкт-Петербургского научного фонда, грант № 23-28-10069 «Прогнозирование социального самочувствия с целью оптимизации функционирования экосистемы городских цифровых сервисов Санкт-Петербурга», <https://rscf.ru/project/23-28-10069/>.

населения, удовлетворенность жизнью, социальное самочувствие. В современном обществе взаимодействие индивидов протекает как в офлайн-, так и в онлайн-среде. Вместе с тем погружение в цифровой мир приводит не только к позитивным изменениям в жизни людей, но также к цифровому неравенству, вынужденной изоляции, вариациям технофобий и т. д. В этой связи возникает предположение о существовании взаимосвязи между параметрами включенности в цифровые процессы и вектором социального самочувствия в конкретном обществе.

В качестве одной из сфер цифрового взаимодействия можно рассматривать среду городских цифровых сервисов, направленных на удовлетворение различных потребностей населения в сфере взаимодействия с органами власти. В Санкт-Петербурге реализуется приоритетный проект «Экосистема городских сервисов “Цифровой Петербург”». Экосистема городских сервисов (ЭГС) представляет собой модель предоставления цифровых услуг с помощью расположения городских сервисов в одном месте. В рамках ЭГС создана ролевая модель, позволяющая понятным способом структурировать сервисы по потребностям, а также упростить пользователю поиск нужного сервиса [2]. Созданная ролевая модель предполагает разделение пользователей по категориям с привязкой к реальным социальным ситуациям, которая позволяет адресно доставлять информацию о городе и цифровых услугах потребителям. Удовлетворенность жизнью (как конечная цель реализации концепции «Умный город») — категория, тесно связанная с субъективными суждениями, которые соприкасаются с повседневными практиками человека через эмоциональный фон, а в результате создают контекст, на фоне которого складывается социальное самочувствие как реакция общества на окружающую действительность. Таким образом, возникает предположение о взаимосвязи использования цифровых сервисов для удовлетворения потребностей горожан с их общим социальным самочувствием.

В статье приводятся результаты репрезентативного социологического исследования потребностей в цифровых сервисах среди жителей Петербурга, а также взаимосвязи между использованием онлайн-форм взаимодействия и уровнем социального самочувствия. Представленные материалы и выводы представляют практическую ценность для разработчиков новых сервисов, стремящихся учитывать комплекс ценностей, потребностей, эмоциональное и психологическое состояние их пользователей.

Обзор литературы

Анализ научной литературы позволяет понять, что социальное самочувствие является достаточно часто размытой, не вполне конкретной категорией, позволяющей судить о некотором уровне удовлетворения социально-экономических и других потребностей в обществе. При более детальном рассмотрении данного концепта можно выделить такие его элементы, как эмоциональные реакции субъектов на воздействие социальной среды и условий, субъективные ощущения от условий своей жизнедеятельности, физиологическая и психологическая комфортность, оценочные суждения о происходящем в социуме и т. д. В отечественных научных исследованиях присутствуют определенные наработки в области категоризации социального самочувствия и его сфер. Например, предлагаются категории

социального самочувствия, связанные с работой [3]: карьера, мобилизация, стабильность, негативные ожидания.

В России оценкой социального самочувствия занимаются такие исследовательские организации, как Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонд развития гражданского общества, фонд «Общественное мнение» (ФОМ) и др. Исследования представлены как в формате мониторингов, так и в разовых оценках, связанных с какими-либо событиями. ВЦИОМ проводит мониторинговое исследование социального самочувствия населения России с 2005 г. [4]. С 2017 г. Центр ежемесячно составляет индексы общественных настроений и положения дел в стране на основе таких показателей, как удовлетворенность жизнью, социальный оптимизм, материальное положение, экономическое положение страны, политическая обстановка и общий вектор развития страны.

Зарубежные исследователи в определении явления социального самочувствия опираются на компоненты личного счастья, а также благополучия повседневности и быта. Э. Кэмпбелл (A. Campbell) [5] выделяет следующие компоненты, ранжированные в порядке убывания их значимости: экономическая стабильность; хорошие отношения в семье; сильный и жизнестойкий характер; верные друзья; внешне привлекательная окружающая среда. Ф. Андриус (F. Andrews) и коллеги предложили учитывать в оценках такие параметры, как дом, работа, семья, свободное время и государство [6].

Говоря о социальном самочувствии, зарубежные исследователи связывают его с понятиями социальных связей, субъективного благополучия, а также перспективы будущего у пенсионеров. Авторы пишут о позитивном влиянии большого количества социальных связей на субъективное благополучие у пенсионеров, а также о взаимосвязи субъективного благополучия и образа прошлого, настоящего и будущего у лиц старшего возраста [7]. Такой подход расширяет представление о методах оценки социального самочувствия и также о самом явлении.

Исследователи [8] отмечают, что для оптимального применения (в управленческом смысле) результатов анализа социального самочувствия имеет смысл под ним понимать интегральную характеристику реализации жизненной стратегии и отношения к окружающей действительности.

Еще один близкий по значению к социальному самочувствию термин — социальное настроение. В своей работе «Социальное настроение как индикатор восприятия населением социальной действительности» Е. В. Тихонова пишет о социальном настроении как о целостной форме восприятия людьми их жизни на общественном и личностном уровнях, включающей рациональный и эмоциональный компоненты отношения к социальной действительности [9]. Также автор пишет об использовании индексов измерения социального оптимизма/пессимизма в исследованиях долгосрочного воздействия социального настроения. Говоря о соотношении понятий социального самочувствия и социального настроения, Ж. Т. Тощенко и С. Харченко рассматривают социальное самочувствие как базовый элемент социального настроения [10]. В ряде исследований отмечается, что уровень доверия населения к местной власти также выступает индикатором социального самочувствия конкретного региона [11].

Сфера цифрового управления и предоставления государственных услуг в электронной форме связана со сменой парадигмы, при которой актуализируется весь

спектр демократических и институциональных ценностей. Для их реализации государственные органы сотрудничают с гражданами и активно вовлекают их в процессы принятия решений посредством использования цифровых сервисов [12]. М. Мур (M. Moore) рассуждает об общественных ценностях как о коллективных ожиданиях граждан в отношении правительства и общественных услуг, которые так или иначе оказывают влияние на самоощущение граждан [13].

Важной категорией, рассматриваемой исследователями в связи с изменением поведения пользователей электронных услуг, является доверие. Большой вклад в исследование проблемы генерализованного доверия в контексте модернизации и демократического развития внесли Р. Инглхарт (R. Inglehart), К. Вельцель (K. Welzel) и основанный ими проект World Values Survey [14]. Их анализ основан на предположении о модернизации общества от материалистических ценностей выживания к постматериалистическим ценностям самовыражения. Этот ценностный сдвиг сопряжен в том числе и с ростом генерализованного доверия, а доверие, в свою очередь, благоприятно сказывается на росте демократических ценностей, развитии гражданского общества и социального капитала. Формирование доверительного отношения к цифровым ресурсам и сервисам позволяет говорить о поддержке хорошего эмоционального фона при взаимодействии жителей и власти.

На данный момент социальное самочувствие оценивается преимущественно через традиционные подходы, которые, как правило, дают своего рода моментальный снимок предпочтений индивидов, которые формируются прямым триггером и, соответственно, зависят от контекста проводимого исследования, что приводит к естественному шуму на пути к пониманию и анализу данных с точки зрения социального контекста. С увеличением цифрового присутствия взаимодействие индивидов становится наиболее чувствительным ко времени (так как реакция на событие происходит мгновенно и расплывается по всей социальной группе, к которой индивид имеет отношение), это приводит массу в быстрое и естественное движение; иными словами, индивидуальные мнения и настроения объединяются в вектор единого мнения социальной группы за рекордно короткий временной отрезок [15].

В последние годы в фокус рассмотрения попадает категория оценки социального самочувствия как реакции пользователей на процессы в интернет-пространстве [16]. В исследовательской практике можно обнаружить отдельные работы, затрагивающие оценку влияния интернета на уровень социального благополучия [17], а также использования социальных медиа на социальное самочувствие [18] с фокусом преимущественно на вопросах социальной инклюзии [19].

Анализ научной литературы позволяет понять, что социальное самочувствие является часто размытой, не вполне конкретной категорией, позволяющей судить о некотором уровне удовлетворения социально-экономических и других потребностей в обществе. При более детальном рассмотрении данного концепта можно выделить такие его элементы, как эмоциональные реакции субъектов на воздействие социальной среды и условий, субъективные ощущения от условий своей жизнедеятельности, физиологический и психологический комфорт, оценочные суждения о происходящем в социуме и т. д.

Вместе с тем современные реалии неизменно наводят на мысли о необходимости расширения границ рассмотрения социального самочувствия и относящихся

к нему параметров. В данной статье делается предположение о наличии взаимосвязи между использованием онлайн-взаимодействия горожан и властей и уровнем социального самочувствия. В авторском исследовании была предпринята попытка поиска этих связей с фокусом на определенной группе цифровых электронных сервисов, созданных органами власти в Петербурге. Полученные результаты позволяют сделать выводы о включении использования цифровых сервисов в перечень факторов, влияющих на социальное самочувствие населения.

Методология исследования

В качестве базового подхода в исследовании были использованы интегративный подход (Э. Гидденс (A. Giddens)) и теория структуралистского конструктивизма (П. Бурдьё (P. Bourdieu)). В рамках выбранного подхода социальное самочувствие рассматривается как с позиции объективных условий (городское устройство, распределение общественных благ, социально-экономические показатели и т. д.), так и со стороны субъективно конструируемых категорий (самооценка, устремления, мотивы, реакции и т. д.).

Анализ социального самочувствия производился с помощью рассмотрения с применением структуралистского конструкционизма социальных практик, проявляющихся в контексте использования цифровых сервисов в повседневной реальности горожан.

В исследовании ИТ-навыки пользователей оценивались по уровню их самооценки использования компьютера и интернета, а также способностей осваивать новые программы и приложения.

Исследование было проведено методом онлайн-опроса среди жителей Петербурга от 18 лет и старше в апреле 2022 г. Анкета опроса опиралась на разработанную ранее методику оценки использования цифровых сервисов и измерения доверия к ним [20]. В ней оценивались такие параметры, как:

- актуальность и востребованность сервисов по категориям;
- частота использования электронных каналов и сервисов для взаимодействия с органами власти и организациями;
- степень и опыт использования цифровых каналов для различных задач;
- оценка взаимодействия граждан и представителей власти в онлайн-режиме.

Для оценки социального самочувствия в исследовании была использована методология регулярного мониторинга социального самочувствия населения ВЦИОМ [4], включающая следующие вопросы:

- как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?
- в какой мере Вас устраивает жизнь, которую Вы сейчас ведете?
- есть разные точки зрения по поводу экономического кризиса в нашей стране. Как Вы думаете, мы переживаем сейчас самые тяжелые времена, или они позади, или еще впереди?
- как Вы считаете, через год Вы (Ваша семья) будете (будет) жить хуже или лучше, чем сейчас?

В исследовании была предложена гипотеза о взаимосвязи использования цифровых сервисов и уровня социального самочувствия населения.

Для расчета выборочной совокупности были использованы данные Петростата о численности населения. Население г. Санкт-Петербурга было разделено на пять возрастных групп: 18–30 лет, 31–40 лет, 41–50 лет, 51–64 года, 65 лет и старше. Процентное распределение по возрасту рассчитано для каждой половозрастной группы. В табл. 1 представлено распределение выборки опроса.

Таблица 1. Выборочная совокупность г. Санкт-Петербурга по полу и возрасту

Возраст, лет	Пол			
	мужской		женский	
	%	количество человек	%	количество человек
18–25	50,80	39	49,20	38
26–35	49,70	47	50,30	49
36–45	48,30	39	51,70	42
46–55	43,60	40	56,40	51
56–65	39,30	30	60,70	45
Старше 65	30,00	24	70,00	56
Всего	–	219	–	281

Для проведения опроса был использован онлайн-сервис «Анкетолог» (<https://anketolog.ru/>), включающий базу респондентов, размещенную на сервисе. Для регистрации в базе каждый пользователь проходит обязательную авторизацию и проверку паспортных данных. В базе находится более 14 тыс. зарегистрированных пользователей из Санкт-Петербурга. Выборка исследования составила 500 человек (доверительная вероятность 95 %). Респондентам, удовлетворяющим квотам выборки, рассылались приглашения принять участие в опросе.

Принимая во внимание смещение выборки ввиду специфики проведения онлайн-опроса, автор хотел бы подчеркнуть, что Санкт-Петербург является достаточно развитым городом в аспекте распространения интернета и цифровых технологий. В частности, по данным последнего статистического выпуска НИУ ВШЭ [1], 87 % домохозяйств в городе имеют подключение к интернету, а среди пользователей мобильного интернета уровень проникновения достигает 141 %. Кроме того, более половины жителей владеют цифровыми навыками на базовом или высоком уровне [1]. Эти данные позволяют говорить о превалировании среди населения категории пользователей интернета.

В среднем заполнение онлайн-анкеты заняло 11 минут у каждого респондента, а процент отклика на анкету составил 85 %. Среди опрошенных 72 % — люди с высшим образованием, 21 % — со средним специальным и 7 % — с неполным средним либо средним общим.

Распределение опрошенных по сферам занятости выглядит следующим образом:

- служащие/специалисты — 41 %;
- неработающие пенсионеры — 22 %;
- рабочие/охранники/водители — 10 %;
- руководители высшего/среднего звена — 8 %.

- бизнесмены, предприниматели — 4 %;
- учащиеся, студенты — 4 %;
- домохозяйки — 4 %;
- временно не работающие — 4 %;
- другие сферы — 2 %.

Результаты

По данным опроса, 43 % респондентов практически постоянно находятся онлайн, 55 % используют интернет ежедневно и 1 % — несколько раз в неделю. Достаточно интенсивное использование интернета респондентами является одним из факторов оценки актуальности различных цифровых сервисов. В частности, все анализируемые направления развития сервисов более половины опрошенных считают актуальными и полезными (табл. 2). Небольшое исключение составили сервисы для бизнеса, однако это обусловлено низким процентом представленности предпринимателей в общей выборке.

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «В какой степени появление следующих электронных сервисов было бы актуально и полезно лично для Вас?»

Тип сервисов	Неактуально	Где-то посередине	Актуально
Сервисы здравоохранения и медицины	7,2	11,2	81,6
Электронные сервисы для пассажиров общественного транспорта	8,4	17,6	74
Электронные сервисы для поддержки автомобилистов	17,2	18,4	64,4
Сервисы для школьников и их родителей	20,4	15,6	64
Сервисы для владельцев домашних животных	21,4	23,6	55
Электронные сервисы в сфере туризма и культуры	10,8	21,6	67,6
Гражданские инициативы	19,6	32	48,4
Электронные сервисы для дополнительного образования и повышения квалификации	17,2	24,8	58
Электронные сервисы для бизнеса	26,6	20	53,4
Безопасный город	5,8	14,6	79,6

В исследовании изучалось, какими порталами для взаимодействия с органами власти пользуются жители. Самым популярным, в соответствии с полученными результатами, является портал «Госуслуги», в меньшей степени жители города пользуются различными площадками для размещения инициатив/петиций и голосования по ним (табл. 3).

Вместе с тем горожане также достаточно активно используют офлайновые каналы и механизмы (личный прием, посещение многофункциональных центров). В исследовании оценивались ситуации и поводы, по которым жители города взаимодействуют с органами власти онлайн. По результатам опроса, 42 % отправляют запросы на информацию от органов власти, 74 % обращаются за получением государственных услуг в электронной форме, 49 % обращаются онлайн для решения городских проблем, 39 % оставляют жалобы на действия властей или

уполномоченных организаций, 42 % участвуют в голосованиях по проектам и инициативам. Стоит отметить, что при проведении корреляционного анализа не было обнаружено никаких значимых взаимосвязей между гендерными и возрастными переменными в этой связи. Возраст оказался значимым фактором только при распределении частоты обращений в органы власти путем личного приема.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы используете следующие порталы для взаимодействия с органами власти?»

Порталы	Никогда	Редко, иногда	Часто
Наш Петербург	66,8	26,4	6,8
Красивый Петербург	67,2	25,8	7
Единый портал обращений граждан Санкт-Петербурга	67	25,2	7,8
Твой бюджет	74,2	20,2	5,6
Российская общественная инициатива	57,8	35,4	6,8
Портал петиций Change.org	49,2	41,8	9
Платформа обратной связи (ПОС) (Госуслуги): сервисы «Решаем вместе», «Общественное голосование»	27,4	43,8	28,8
Портал государственных услуг (Госуслуги)	6	27,2	66,8

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы используете следующие каналы взаимодействия с органами власти?»

Каналы взаимодействия	Никогда	Редко, иногда	Часто
Личный прием	42,6	49,2	8,2
Многофункциональные центры	7,4	64,6	28
Электронная почта	8	36,6	55,4
Формы обратной связи и интернет-приемные на сайтах органов власти	2,4	53,4	22,6
Специализированные онлайн-порталы решения городских проблем	32,4	52,2	15,4
Порталы подачи онлайн-петиций	41,2	48,4	10,4
Порталы инициативного бюджетирования	63,8	31,6	46,8
Аккаунты органов власти в социальных сетях для публикации обращений, заявлений и получения ответов на них	39,8	48,2	1,2
Официальные сайты органов власти	34,8	52,8	1,2

В исследовании изучались взаимосвязи между показателями использования сервисов и оценками самочувствия горожан (табл. 5). Было выявлено, что показатели социального самочувствия имеют связь с оценками удобства использования городских цифровых сервисов. В частности, чем выше респонденты оценивают удобство электронных услуг, тем выше материальное положение их семей и оценка общей удовлетворенности жизнью. Помимо этого, среди жителей, позитивно оценивающих удобство интернет-сервисов, выше уровень оптимизма относительно будущего своей семьи.

Таблица 5. Корреляционные связи между параметрами социального самочувствия респондентов и использованием цифровых сервисов (коэффициент Спирмена)

Вопросы и утверждения	В какой мере Вас устраивает жизнь, которую Вы сейчас ведете? Вы сейчас ведете?	Я считаю себя опытным пользователем интернета и ИКТ	Я считаю, что большинство государственных интернет-сервисов лично для меня являются полезными	Я считаю, что электронные сервисы становятся удобнее и полезнее со временем	Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?	Как Вы считаете, через год Вы (Ваша семья) будете жить хуже или лучше, чем сейчас?
В какой мере Вас устраивает жизнь, которую Вы сейчас ведете?	Коэффициент корреляции	-0,171*	-0,140*	-0,143*	0,444*	0,279*
	Значение (двухсторонняя)	0,000	0,002	0,001	0,000	0,000
Я считаю себя опытным пользователем интернета и ИКТ	Коэффициент корреляции	1,000	0,289*	0,293*	-0,166*	-0,163*
	Значение (двухсторонняя)	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Я считаю, что большинство государственных интернет-сервисов лично для меня являются полезными	Коэффициент корреляции	-0,140*	1,000	0,508*	-0,136*	-0,155*
	Значение (двухсторонняя)	0,002	0,000	0,000	0,002	0,001
Я считаю, что электронные сервисы становятся удобнее и полезнее со временем	Коэффициент корреляции	-0,143*	0,293*	1,000	-0,156*	-0,135*
	Значение (двухсторонняя)	0,001	0,000	0,000	0,000	0,003
Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?	Коэффициент корреляции	0,444*	-0,136*	-0,156*	1,000	0,275*
	Значение (двухсторонняя)	0,000	0,002	0,000	0,000	0,000
Как Вы считаете, через год Вы (Ваша семья) будете жить хуже или лучше, чем сейчас?	Коэффициент корреляции	0,279*	-0,155*	-0,135*	0,275*	1,000
	Значение (двухсторонняя)	0,000	0,001	0,003	0,000	0,000

Примечание: *Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

В исследовании было выявлено, что по мере роста уверенности в своих ИТ-навыках жители Петербурга выше оценивают материальное положение своей семьи (двухсторонняя корреляция Спирмена).

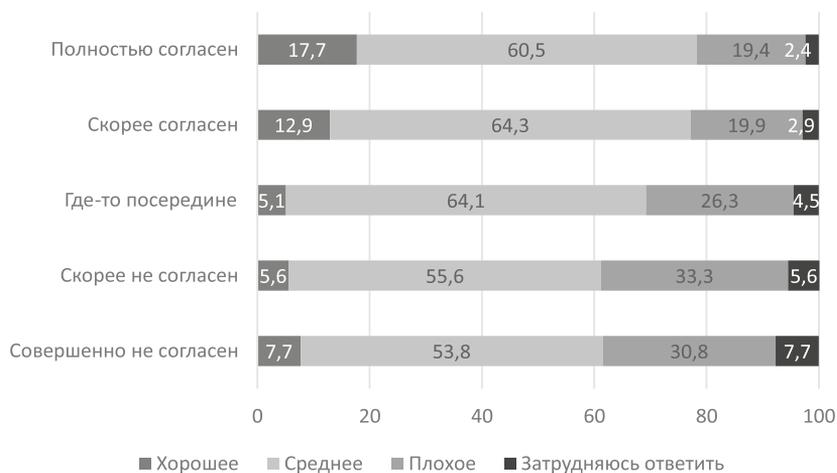

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос о согласии респондентов с утверждением «Я считаю себя опытным пользователем интернета и ИКТ» и ответов на вопрос «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?», %

Кроме того, обнаружена корреляция между уровнем использования интернета и ИКТ и удовлетворенностью от жизни респондентов: доля частично или полностью удовлетворенных своей жизнью выше у более уверенных интернет-пользователей.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос о согласии респондентов с утверждением «Я считаю себя опытным пользователем интернета и ИКТ» и ответов на вопрос «В какой мере Вас устраивает жизнь, которую Вы сейчас ведете?», %

Таблица 6. Корреляционные связи между параметрами пола, возраста респондентов, их социального самочувствия и уровня навыков использования интернета (коэффициент Спирмена)

Пол	Возраст	В какой мере Вас устраивает жизнь, которую Вы сейчас ведете?	Я считаю себя опытным пользователем интернета и ИКТ	Я считаю, что электронные сервисы становятся удобнее и полезнее со временем
Пол	Корреляция	0,201**	-0,055	-0,032
	Значение (двухсторонняя)	0,000	0,221	0,482
Возраст	Корреляция	0,201**	0,054	-0,018
	Значение (двухсторонняя)	0,000	0,229	0,693
В какой мере Вас устраивает жизнь, которую Вы сейчас ведете?	Корреляция	-0,055	1,000	-0,143**
	Значение (двухсторонняя)	0,221		0,001
Я считаю себя опытным пользователем интернета и ИКТ	Корреляция	-0,097*	-0,171**	0,293**
	Значение (двухсторонняя)	0,030	0,000	0,000
Я считаю, что электронные сервисы становятся удобнее и полезнее со временем	Корреляция	-0,032	-0,143**	1,000
	Значение (двухсторонняя)	0,482	0,001	0,000

Примечания: * Корреляция значима на уровне: 0,05 (двухсторонняя); ** 0,01 (двухсторонняя).

Еще одним выявленным в исследовании значимым фактором является доверие взаимодействию с органами власти посредством интернет-технологий. Было обнаружено, что у жителей города с более высоким материальным положением выше уровень доверия к такому взаимодействию. Люди, в большей степени доверяющие онлайн-взаимодействию с органами власти, также больше удовлетворены своей жизнью и считают, что их жизнь улучшится в ближайший год (рис. 3).

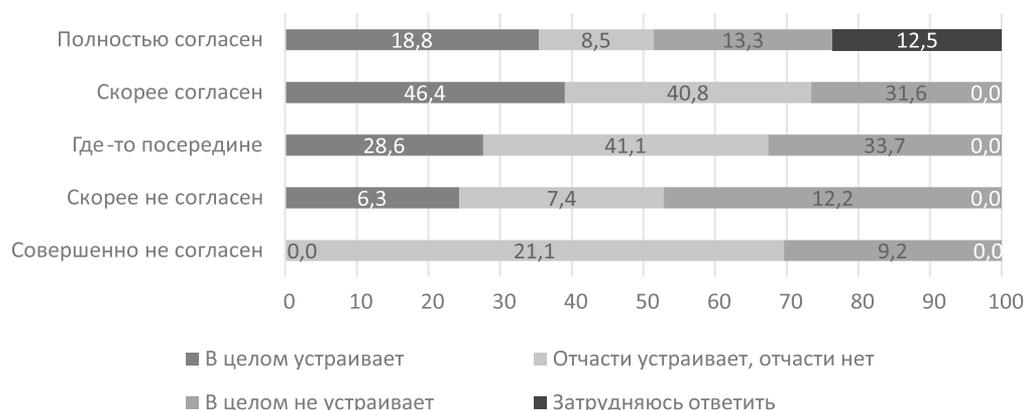

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос о согласии респондентов с утверждением «В целом я доверяю взаимодействию с органами власти посредством интернет-технологий» и ответов на вопрос «В какой мере Вас устраивает жизнь, которую Вы сейчас ведете?», %

Кроме того, по результатам исследования гендерные и возрастные различия не коррелируют с параметрами социального самочувствия и оценками удобства цифровых сервисов. Корреляция была обнаружена в части оценивания себя опытными пользователями интернета и ИКТ: при увеличении возраста респондентов уверенность в своих интернет-навыках снижается (табл. 6).

Выводы и дискуссия

По результатам исследования гипотеза о наличии связи между использованием цифровых сервисов и показателями социального самочувствия населения подтвердилась, однако были выявлены определенные параметры социального самочувствия и отношения к цифровым сервисам, которые оказались значимыми. Согласно данным опроса, к таким факторам следует отнести:

- уверенность в собственных интернет-навыках;
- высокая оценка удобства цифровых сервисов;
- доверие взаимодействию с органами власти в онлайн-формате;
- оценка эффективности работы сервисов.

Исследование показало взаимосвязь между параметрами социального самочувствия и отношением горожан к цифровым сервисам. Среди респондентов, которые считают, что электронные сервисы позволяют им эффективнее решать свои проблемы, больше удовлетворенных своей жизнью. Также те жители

Санкт-Петербурга, кто считает, что интернет-сервисы повышают удовлетворенность граждан от принимаемых политических решений, в большей степени удовлетворены своей жизнью.

Авторы понимают определенные ограничения исследования, связанные с проведением опроса онлайн, что способствует сдвигу выборки в сторону более активных интернет-пользователей. Однако фокус внимания именно на пользователях современных технологий позволил получить значимые данные о связи между использованием цифровых сервисов и платформ и показателями социального самочувствия. Дополнение исследование офлайн-опросом позволит собрать данные о различии между группами более и менее активных пользователей цифровых сервисов.

Также важный аспект развития исследовательского направления связан с разработкой и операционализацией понятия «социальное самочувствие». В современной практике начинают появляться исследования, где для оценки социального самочувствия были применены современные автоматизированные методы. Так, например, Д. Фантаццини, М. В. Шаклеина и Н. А. Юрас в своей статье [21] делают попытку предсказания динамики российских индексов социального самочувствия ВЦИОМ при помощи Google Trends. С помощью факторного анализа в исследовании авторы строят индексы поисковых запросов на основе набора данных Google Trends Data, содержащего в себе результаты 512 поисковых запросов, касающихся жилищных условий, дохода, образования и др. В результате такого подхода наблюдалась сильная корреляция между наблюдаемыми и прогнозными значениями индексов ВЦИОМ, а значит, построенные на основе данных поисковых запросов индексы субъективного благосостояния Google статистически надежны.

В числе задач на перспективу исследования автор видит разработку методики многофакторной оценки социального самочувствия, включающей использование данных из социальных медиа и других открытых источников и позволяющей протестировать широкий спектр гипотез.

Литература

1. Абдрахманова Г. И., Васильковский С. А., Вишневский К. О., Гохберг Л. М., Демидкина О. В., Демьянова А. В., Зинина Т. С., Зорина О. А., Ковалева Г. Г., Коцемир М. Н., Кузина Л. С., Кузнецова И. А., Лола И. С., Мартынов Д. М., Нечаева Е. Г., Озерова О. К., Остапкович Г. В., Покровский С. И., Попов Е. В., Ратай Т. В., Репина А. А., Рудник П. Б., Рыжикова З. А., Стрельцова Е. А., Уяткина К. Е., Фридлянова С. Ю., Фролов М. С., Шкалева Е. В., Шугаль Н. Б. Индикаторы цифровой экономики: 2022: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 332 с.
2. Равчик М. И. Экосистема городских сервисов: исследование приоритетных потребностей в электронных услугах старшего поколения // Успехи геронтологии. 2022. Т. 35, № 4. С. 627.
3. Суняйкина О. Н. Понятие «социальное самочувствие» в социологии // Вестник Мордовского университета. 2011. № 3. С. 98–101.
4. Социальное самочувствие россиян: мониторинг // ВЦИОМ. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring> (дата обращения: 08.04.2024).
5. Campbell A. The sense of well-being in America: Recent patterns and trends. New York: McGraw-Hill, 1981.
6. Andrews F. M., Abbey A., Halman L. J. Stress from infertility, marriage factors, and subjective well-being of wives and husbands // Journal of Health and Social Behavior. 1991. Vol. 32, no. 3. P. 238–253.
7. Zhang Z., Zhang J., Zhao N., Yang Ya. Social network size and subjective well-being: The mediating role of future time perspective among community-dwelling retirees // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10, P. 2590. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02590>

8. Бочканова Е. Н. Социальное самочувствие горожан — ориентир муниципальной социальной политики // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. 2007. № 5. С. 29–37.
9. Тихонова Е. В. Социальное настроение как индикатор восприятия населением социальной действительности // Материалы Афанасьевских чтений. 2016. Т. 16, № 3. С. 12–16.
10. Тощенко Ж. Т. Социальное настроение — феномен современной социологической теории и практики // Социс. 1998. № 1. С. 21–35.
11. Зерчанинова Т. Е., Самков К. Н., Тургель И. Д. Социальная эффективность деятельности местной администрации: опыт социологического исследования моногородов. Екатеринбург: Урал. акад. госслужбы, 2010.
12. Bannister F., Connolly R. ICT, public values and transformative government: A framework and programme for research // Government Information Quarterly. 2014. Vol. 31. P. 119–128.
13. Moore M. H. Creating Public Value: Strategic management in government. Cambridge: Harvard University Press, 1995.
14. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
15. Cinelli M., Morales G. D. F., Galeazzi A., Quattrociocchi W., Starnini M. The echo chamber effect on social media // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2021. Vol. 118, no. 9. P. e2023301118. <https://doi.org/10.1073/pnas.2023301118>
16. Андреевкова А. В. Цифровизация социальных контактов среди студенческой молодежи в России во время пандемии коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 403–426. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1749>
17. Schemer C., Masur P. K., Geiß S., Müller P., Schäfer S. The impact of Internet and social media use on well-being: A longitudinal analysis of adolescents across nine years // Journal of Computer-Mediated Communication. 2021. Vol. 26, no. 1. P. 1–21. <https://doi.org/10.1093/jcmc/zmaa014>
18. Kearns A., Whitley E. Associations of internet access with social integration, wellbeing and physical activity among adults in deprived communities: Evidence from a household survey // BMC Public Health. 2019. Vol. 19. P. 860. <https://doi.org/10.1186/s12889-019-7199-x>
19. Wu B., Liu T., Tian B. How does social media use impact subjective well-being? Examining the suppressing role of Internet addiction // Frontiers in Psychology. Sec.: Positive Psychology. 2023. Vol. 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1108692>
20. Vidasov E., Vidasova L., Tensina I. Institutional factors for building trust in information technology: Case-study of Saint Petersburg // Communications in Computer and Information Science. 2022. Vol. 1503. P. 152–162.
21. Фантацини Д., Шаклеина М. В., Юрас И. А. Big Data в определении социального самочувствия населения России // Прикладная эконометрика. 2018. Т. 50, № 2. С. 43–66.

Статья поступила в редакцию 1 августа 2023 г.;
рекомендована к печати 21 марта 2024 г.

Контактная информация:

Видясова Людмила Александровна — канд. социол. наук; bershadskaya.lyudmila@gmail.com

The use of digital public services as a factor of social well-being*

L. A. Vidasova

ITMO University,
49, Kronverksky pr., St. Petersburg, 197101, Russian Federation

For citation: Vidasova L. A. The use of digital public services as a factor of social well-being. *Vestnik*

* This research is supported by the Russian Science Foundation (RSF) and the St. Petersburg Scientific Foundation, grant no. 23-28-10069 “Forecasting social well-being in order to optimize the functioning of the urban digital services ecosystem in St. Petersburg”, <https://rscf.ru/project/23-28-10069/>.

In recent years, the trend of digitalization of society has led researchers to think about the possible relationship of factors connecting the penetration of information technologies and such social aspects as the quality of life of the population, residents' satisfaction with the urban environment, and social well-being. The article presents the results of a representative sociological study of the needs for digital services among residents of St. Petersburg, as well as the relationship between satisfaction from using services and the level of social well-being. In St. Petersburg, the priority project “Ecosystem of City Services ‘Digital Petersburg’” is being implemented, which is a model for providing digital services by locating city services in one place. Satisfaction with the lives of citizens is the ultimate goal of the project, and this category is closely related to the subjective judgments of residents who come into contact with everyday practices through an emotional background. The study was conducted using an online survey of 500 city residents, a sample representative of the gender and age of respondents. According to the results of the study, a relationship was identified between the use of digital services and indicators of the social well-being of the population. Among city residents, those who highly value the convenience of digital services demonstrate greater life satisfaction. According to the survey, the social well-being of citizens is influenced by confidence in their own IT skills, a high assessment of the convenience of digital services, trust in interaction with authorities online, and an assessment of the effectiveness of services. The author sees the development of a methodology for multifactorial assessment of social well-being, including the use of data from social media and other open sources, as future research tasks.

Keywords: digital services, public electronic services, social well-being, survey, IT skills, urban services ecosystem.

References

1. Abdrakhmanova G. I., Vasilkovsky S. A., Vishnevsky K. O., Gokhberg L. M., Demidkina O. V., Demyanova A. V., Zinina T. S., Zorina O. A., Kovaleva G. O. G., Kotsemir M. N., Kuzina L. S., Kuznetsova I. A., Lola I. S., Martynov D. M., Nechaeva E. G., Ozerova O. K., Ostapkovich G. V. ., Pokrovsky S. I., Popov E. V., Ratay T. V., Repina A. A., Rudnik P. B., Ryzhikova Z. A., Streltsova E. A., Utyatina K. E., Fridlyanova S. Yu., Frolov M. S., Shkaleva E. V., Shugal N. B. *Indicators of the Digital Economy: 2022: statistical digest*. Moscow, HSE Publishing House, 2023. 332 c. (In Russian)
2. Ravchik M. I. Ecosystem of urban services: A study of priority needs for electronic services of the older generation. *Uspekhi gerontologii*, 2022, vol. 35, no. 4, p. 627. (In Russian)
3. Sunyakina O. N. The concept of “social well-being” in sociology. *Vestnik Mordovskogo universiteta*, 2011, no. 3, pp. 98–101. (In Russian)
4. Social well-being of Russians: monitoring. *VTsIOM*, 2023. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring>. (In Russian)
5. Campbell A. *The Sense of Well-Being in America: Recent patterns and trends*. New York, McGraw-Hill, 1981.
6. Andrews F. M., Abbey A., Halman L. J. Stress from infertility, marriage factors, and subjective well-being of wives and husbands. *Journal of Health and Social Behavior*, 1991, vol. 32, no. 3, p. 238–253.
7. Zhang Z., Zhang J., Zhao N., Yang Ya. Social network size and subjective well-being: The mediating role of future time perspective among community-dwelling retirees. *Frontiers in Psychology*, 2019, vol. 10, p. 2590. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02590>
8. Bochkanova E. N. Social well-being of townspeople — a reference point for municipal social policy. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*, 2007, no. 5, pp. 29–37. (In Russian)
9. Tikhonova E. V. Social mood as an indicator of the population's perception of social reality. *Materialy Afanas'evskikh chtenii*, 2016, vol. 16, no. 3, pp. 12–16. (In Russian)
10. Toshchenko Zh. T. Social mood — a phenomenon of modern sociological theory and practice. *Sotsis*, 1998, no. 1, pp. 21–35. (In Russian)

11. Zerchaninova T.E., Samkov K.N., Turgel I.D. *Social efficiency of local administration: experience of sociological research of single-industry towns*. Yekaterinburg, Ural'skaia akademiia gosudarstvennoi skyzhby Publ., 2010. (In Russian)
12. Bannister F., Connolly R. ICT, public values and transformative government: a framework and programme for research. *Government Information Quarterly*, 2014, vol. 31, pp. 119–128.
13. Moore M.H. *Creating public value: Strategic management in government*. Cambridge, Harvard University Press, 1995.
14. Inglehart R., Welzel K. *Modernization, cultural change and democracy: The sequence of human development*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011. (In Russian)
15. Cinelli M., Morales G. D. F., Galeazzi A., Quattrociocchi W., Starnini M. The echo chamber effect on social media. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2021, vol. 118, no. 9, p. e2023301118. <https://doi.org/10.1073/pnas.2023301118>
16. Andreenkova A.V. Digitalization of social contacts among university students in Russia during COVID-19. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2020, no. 6, pp. 403–426. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1749> (In Russian)
17. Schemer C., Masur P.K., Geiß S., Müller P., Schäfer S. The impact of Internet and social media use on well-being: A longitudinal analysis of adolescents across nine years. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2021, vol. 26, no. 1, pp. 1–21. <https://doi.org/10.1093/jcmc/zmaa014>
18. Kearns A., Whitley E. Associations of Internet access with social integration, wellbeing and physical activity among adults in deprived communities: evidence from a household survey. *BMC Public Health*, 2019, vol. 19, p. 860. <https://doi.org/10.1186/s12889-019-7199-x>
19. Wu B., Liu T., Tian B. How does social media use impact subjective well-being? Examining the suppressing role of Internet addiction. *Frontiers in Psychology. Sec.: Positive Psychology*, 2023, vol. 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1108692>
20. Vidiasov E., Vidiasova L., Tensina I. Institutional factors for building trust in information technology: Case-study of Saint Petersburg. *Communications in Computer and Information Science*, 2022, vol. 1503, pp. 152–162.
21. Fantazzini D., Shakleina M.V., Yuras I.A. Big Data in determining the social well-being of the population of Russia. *Prikladnaia ekonometrika*, 2018, vol. 50, no. 2, pp. 43–66. (In Russian)

Received: August 1, 2023
 Accepted: March 21, 2024

Author's information:

Lyudmila A. Vidiasova — PhD in Sociology; bershadskaya.lyudmila@gmail.com

СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЙ, НАУКИ И ИННОВАЦИЙ

УДК 316.4

Трансформация роли библиотек в условиях открытой науки*

Р.Д. Карих

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Для цитирования: *Карих Р.Д.* Трансформация роли библиотек в условиях открытой науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 1. С. 100–115. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.107>

Библиотеки являются лидирующим актором, развивающим дискуссию об открытой науке в российском научном поле в конкурентной борьбе с издателями, репозиториями и научными институтами. Понимание роли библиотек в условиях открытой науки позволит определить контуры возможной реализации концепции открытой науки в России. На основе анализа круга релевантных источников автор на базе реконструкции представлений библиотек описывает трансформацию их роли в условиях открытой науки. Для достижения поставленной цели в статье выполняется ряд задач, среди которых: выявление контекста формирования представлений о роли библиотек, выявление предпосылок для изменения роли библиотек, выявление старой и новой роли библиотек в условиях открытой науки, выявление барьеров для реализации новой роли библиотек в условиях открытой науки. Отмечается, что интерес к открытой науке со стороны российских библиотек возникает в соответствии с мировыми трендами. Открытая наука для библиотек представлена в российском научном поле как вызов, обусловленный усложняющейся научной средой. Подобные вызовы стимулируют библиотеки переопределить свое место в информационной экосистеме будущего, и открытая наука является ключевым аспектом, на основе которого библиотеки выстраивают свое стратегическое развитие. Активная роль библиотек в развитии открытой науки обусловлена синергетическими факторами. Однако автор отмечает и наблюдающийся вынужденный характер участия библиотек в развитии открытой науки. Автор приходит к выводу, что лидерство библиотек в дискуссии в отношении открытой науки в российском научном поле не просто обусловлено конкуренцией за владение ресурсом, но имеет экзистенциальный характер на фоне рисков вытеснения библиотек из процесса научной коммуникации.

Ключевые слова: открытая наука, библиотеки, трансформация, роль, обзор литературы, идентичность, актор, научное поле, научная коммуникация, социология науки.

* Исследование выполнено в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

Открытая наука как концепция демонстрирует рост популярности и с каждым годом получает все более значительную политическую поддержку в Европе. Последней крупной политической инициативой стал проект Рекомендаций по открытой науке государствам — членам ООН, подготовленный Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в 2021 г. В данном проекте были изложены общепринятое определение, общие ценности, принципы и нормы открытой науки в международном контексте, а также комплекс мер, способствующих справедливому и равноправному внедрению методов открытой науки для всех на индивидуальном, институциональном, национальном, региональном и международном уровнях [1, с. 7]. В рекомендациях ЮНЕСКО открытая наука определяется как «рамочная концепция, которая объединяет различные движения и формы деятельности, направленные на то, чтобы сделать научные знания на различных языках открытыми, общедоступными и пригодными для всеобщего многократного использования, расширить научное сотрудничество и обмен информацией на благо науки и общества и открыть процессы создания, оценки и распространения научных знаний для социальных субъектов, не входящих в традиционное научное сообщество» [1, с. 8]. Ключевыми принципами данной концепции стали открытые научные знания, открытая научная инфраструктура, открытая научная коммуникация, открытое участие социальных субъектов и открытый диалог с другими системами знаний.

Если в Европе концепция открытой науки смогла получить политическую поддержку на межгосударственном уровне, то в России развитие открытой науки происходит менее интенсивно. На данный момент мы констатируем отсутствие признаков устойчивой институционализации открытой науки на государственном уровне в России. Однако, несмотря на слабое развитие концепции в политическом поле, открытая наука активно проблематизируется и концептуализируется в российской научной среде [2, с. 176].

Именно в научном поле идет основная дискуссия об открытой науке в России. В рамках дискуссии, участие в которой поддерживается ключевыми акторами научного поля (библиотеками, издателями, репозиториями, институтами), исследователи формируют консенсус в виде положительного отношения к концепции [2, с. 188]. Активная позиция со стороны ключевых акторов проявляется в количестве статей, формировании заданий на исследования по заданной тематике, а также в использовании собственных площадок для продвижения концепции [2, с. 187]. Такая активность обусловлена повышенной заинтересованностью в участии в открытой науке на фоне наличия у ключевых акторов собственных информационных систем федерального уровня и значения [3, с. 11].

Таким образом, в российском научном поле разворачивается конкуренция за открытую науку как ресурс между библиотеками, издателями, репозиториями и научными институтами. Библиотеки на данный момент являются лидирующим по количеству публикаций среди всех перечисленных акторов, развивающим дискуссию об открытой науке [2, с. 184]. Данная статья является продолжением изучения дискуссии об открытой науке — понимание роли библиотек в открытой науке позволит определить контуры возможной реализации концепции в России. Важно понимать, почему российские библиотеки стремятся занять наиболее авторитетную позицию в отношении открытой науки. Что это — классическая борьба за ресурсы и влияние или игра на выживание?

Материалы и методы исследования

Цель статьи состоит в том, чтобы на основе реконструкции представлений библиотек описать трансформацию их роли в условиях открытой науки. Для достижения данной цели предполагается выполнение ряда задач, среди которых:

- выявление контекста формирования представлений о роли библиотек;
- предпосылок для изменения роли библиотек;
- старой и новой роли библиотек в условиях открытой науки;
- барьеров для реализации новой роли библиотек в условиях открытой науки.

В соответствии с поставленными задачами настоящая статья представляет собой аналитический обзор литературы. Данный метод исследования представляется обоснованным в рамках продолжения изучения дискуссии об открытой науке. В качестве информационной базы исследования была использована подборка статей на тему библиотек в условиях открытой науки из общего массива, собранного с помощью Национальной библиографической базы данных научного цитирования (РИНЦ). Общий массив статей был сформирован 20 февраля 2022 г. Формирование массива происходило с помощью расширенного поиска по ключевым словам. Поискový запрос включал в себя точное совпадение фраз «открытая наука» или «Open Science» с учетом морфологии в названии публикации, аннотации и ключевых словах. В итоговый общий массив были включены только научные статьи из рецензируемых журналов, в него не вошли книги, материалы конференций, информационные сообщения, обзоры мероприятий и т. д. Полученный общий массив из 136 статей был дополнительно отфильтрован: были исключены статьи не на русском языке, а также статьи с упоминанием открытой науки без прямого отношения к концепции (например, ООО «НПК Открытая наука») и второстепенного содержания (например, статьи технического характера или с упоминанием открытой науки в качестве второстепенного контекста). В итоговый общий массив вошло 97 публикаций. На основе данного массива были выбраны и проанализированы релевантные статьи с описанием роли библиотек в условиях открытой науки (13 % от итогового массива). Статьи отбирались на основании наличия в заголовке словоформ ключевого слова «библиотека», а также на базе аффилиаций авторов — Государственной публичной научно-технической библиотеки России (ГПНТБ России) и ГПНТБ СО РАН как лидирующими акторами со стороны библиотек [2, с. 184]. Процесс анализа представлял собой кодирование и выделение тем в данных.

В данной статье речь пойдет преимущественно о научных библиотеках в силу наибольшего влияния открытой науки на их деятельность. Однако мы не ограничиваемся одним типом библиотек, аналогично тому, как не придерживаются таких рамок авторы большинства обозреваемых статей.

В нашей статье библиотеку можно рассмотреть в рамках теории научной коммуникации как значимую часть системы. Так, П. Хиллз (P. Hills) [4] рассматривает научную коммуникацию как целостную и сложную модель взаимодействия шести элементов, которые перечислены в литературном обзоре Д. Инь (D. Ying) [5, с. 4]:

- ученый как центральная точка модели, который является производителем и потребителем научной информации;
- научные общества, обеспечивающие структуру для объединения ученых и эффективного распространения информации;

- издатель как агент распространения научной информации;
- продукт как результат коммуникации, имеющий различные формы, например статьи или монографии;
- библиотечный работник как посредник между ученым и информацией;
- влияние новых коммуникационных технологий.

Включение интернета в коммуникационный процесс оказывает влияние на каждого участника коммуникационной цепи через распространение новых коммуникационных связей, что усложняет технологию обмена информацией, а в отношении библиотек в некоторых случаях вообще выводит их из научно-коммуникационной цепи [6, с. 16–17]. Открытая наука в данном случае выступает новой коммуникационной технологией, оказывая схожее комплексное влияние на коммуникационный процесс.

Контекст формирования представлений о роли библиотек

В российском научном поле представления о роли библиотек в условиях открытой науки формируются во многом на базе изучения зарубежного опыта в виде контент-анализа статей, докладов, публикаций и мониторинга сайтов, а также переводов зарубежных исследований. При этом теоретические наработки западных ученых в научных трудах российских исследователей подкрепляются конкретными примерами из деятельности ведущих российских библиотек, например ГПНТБ. Это демонстрирует высокий уровень соответствия развития российских библиотек мировым трендам.

Вопросы открытого доступа широко обсуждаются в мировом библиотечном сообществе — в период с 2012 по 2021 г. количество публикаций, отраженных в базе данных Scopus, увеличилось почти втрое [7, с. 14]. В российском научном поле библиотеки также принимают активное участие в обсуждении открытой науки, и даже являются лидерами в развитии данной тематики. Так, ГПНТБ России является главным актором, развивающим дискуссию об открытой науке — в учрежденном ею журнале «Научные и технические библиотеки» опубликовано наибольшее число статей на тему открытой науки, в том числе благодаря стимулам со стороны учредителя в виде государственных заданий [2, с. 184].

Предпосылки для изменения роли библиотек

Для библиотек как акторов российского научного поля открытая наука представлена в нем в качестве одного из вызовов, обусловленных изменяющейся научной средой.

Исследователи отмечают, что «традиционной ролью библиотеки была роль хранилища данных, информации и знания, а также наставника по оказанию помощи ученым в получении к ним доступа» [8, с. 163], однако для выполнения указанных функций в цифровом веке необходимо выстраивание новых процессов и получение новых навыков.

Действительно, технологический прогресс изменил процессы поиска, обработки, хранения и распространения информации, а также сформировал новые модели научной информационной культуры и поведения [9, с. 135]. Открытый доступ в данном случае является одной из активно развивающихся моделей информационного

обеспечения науки и оказывает существенное влияние на современную информационную среду и научную коммуникацию [9, с. 136].

Отмечается, что библиотеки с появлением интернета утратили монополию на доступ к информации [10, с. 35] и теперь в этой технологической гонке «вынуждены соперничать с более привычными и простыми информационными источниками» [11, с. 115]. Однако на данный момент они очевидно находятся в догоняющей позиции, как минимум потому, что пользователь в первую очередь обращается за информацией к поисковику, а не к библиотекам¹.

Таким образом, библиотеки стоят перед различными вызовами внешней среды, такими как интенсивное развитие технологий и, как следствие, развитие открытого доступа и количества данных в нем, а также изменение пользовательских предпочтений и информационных потребностей [12, с. 323].

Масштаб современных вызовов внешней среды позволяет исследователям говорить о кризисе в библиотечной сфере. По мнению А. Гуськова и соавторов, до начала 1990-х гг. библиотеки по праву считались уникальными точками доступа к актуальному научному знанию, а сейчас «переживают острый кризис, ищут свое место в радикально изменившемся ландшафте научных коммуникаций» [10, с. 35].

Несмотря на технологическое отставание, пандемия позволила библиотекам занять более активную роль по отношению к науке в целом и открытой науке в частности. Так, в период пандемии Ассоциация научных библиотек (США) — Association of Research Libraries — присоединяется к призыву главных научных советников правительств 12 стран, включая США и Канаду, обращенному к издателям, — открыть доступ к публикациям и данным по COVID-19 [13, с. 28].

В Европе LIBER (Ligue des Bibliothèques Européennes de Recherche) — Ассоциация европейских научных библиотек — призвала Европейскую комиссию, правительства стран — членов ЕС, издателей и авторов срочно помочь библиотекам, университетам и другим образовательным учреждениям, с тем чтобы они могли обеспечить ученым, преподавателям и студентам доступ к книгам, архивам и учебным материалам [14, с. 18].

Со своей стороны авторы и издатели ослабили ограничения на пользование собственными материалами с точки зрения авторского права. Например, в Австралии ассоциации авторов и издателей временно освободили библиотеки от необходимости получения разрешений, связанных с авторским правом, для записи или трансляции в интернете чтения детских книг [14, с. 18].

В России также была принята Декларация об объединении усилий научного сообщества в борьбе с COVID-19², которую подписали многие библиотеки, издательства, университеты. Декларация напрямую основывается на принципах открытой науки, ее целью является обеспечение открытого доступа к научной информации и противодействие распространению недостоверных сведений и непроверенных данных, связанных с новой коронавирусной инфекцией [7, с. 13].

Заметим, что катастрофы и катаклизмы — это явления, которые библиотечное сообщество переживало на протяжении всей человеческой истории. Для преодоления

¹ В отчете OCLC 2010 г. указывалось, что поисковым системам интернета отдали предпочтение 84 % американцев, а библиотечным сайтам — 0 %.

² Декларация об объединении усилий научного сообщества в борьбе с COVID-19 // COVID-19.рф. URL: <https://covid19.neicon.ru/> (дата обращения: 25.05.2022).

данных трудностей научные библиотеки совместно создают тысячи институциональных репозиториях и репозиториях по дисциплинам, работают над обеспечением принципов научной целостности и открытого доступа [13, с. 28]. Таким образом, пандемия, как и следовало ожидать, позволила библиотекам занять более активную позицию в отношении открытой науки и ускорить внедрение ее принципов.

Новая роль библиотек в условиях открытой науки

Вызовы внешней среды стимулируют библиотеки определить или переопределить свое место в информационной экосистеме будущего и найти для себя новые роли в ответ на усложняющуюся научную среду и растущую конкуренцию в информационной среде.

Ученые утверждают, что переживаемый библиотечной отраслью в последние два десятилетия кризис заставляет по-новому посмотреть на функции библиотек [10, с. 36]. Если классические функции библиотек представляли собой сбор материалов, обеспечение их доступности, персональную помощь ученым, а также помощь в публикации и поддержке исследований [15, с. 130], то новые «научные и университетские библиотеки стремятся занять более активную позицию в процессах обеспечения, сопровождения и информационной поддержки научного исследования» [9, с. 139], тем самым увеличивая собственную интеграцию в академическую среду. По мнению ученых, расширение библиотечных услуг является реакцией на растущую конкуренцию в информационной среде [16, с. 15].

Несмотря на то что в российском научном поле отсутствует единое определение или описание научной библиотеки XXI в. [12, с. 326], в целом формируется определенный консенсус в отношении того, что путь развития библиотек предполагает встраивание в исследовательский процесс. Подобное развитие может быть реализовано в двух общих направлениях. Первый путь называют внутренней библиотекой, он состоит в том, что библиотеки «все больше поддерживают создание, курирование и открытость результатов организации» [16, с. 16]. Второй путь можно назвать «облегченный массив», где библиотеки не выстраивают информационное пространство самостоятельно, а облегчают доступ к комбинации локальных, внешних и совместных услуг, доступных в сети и сконцентрированных вокруг потребностей пользователей [16, с. 16–17]. Иными словами, «библиотеки должны «поместить» мировое научное знание на кончики пальцев исследователя» [10, с. 39].

Таким образом, библиотеки претерпевают двойной переход — из физического в цифровое пространство и из локального в глобальное, развиваясь из стабильной библиотечной системы в динамичные взаимосвязи, устанавливаемые различными системами в определенной среде [16, с. 17].

Смещение концентрации внимания с пользователя, стремящегося участвовать в жизни библиотеки, на библиотеку, участвующую в жизни пользователя, вводит библиотеки в жизненный цикл научного исследования и заставляет сделать этот цикл открытым процессом, в котором библиотеки принимают непосредственное участие [16, с. 17].

Ученые отмечают, что уже сегодня на библиотеку возлагаются расширенные функции на всех этапах реализации исследовательского процесса, начиная с первичного интереса к решению научной проблемы, продолжая этапом планирования

и выполнения исследования и заканчивая этапом опубликования его результатов и их оценкой в широком смысле этого слова [12, с. 325].

Открытая наука является ключевым аспектом, на основе которого библиотеки формируют образ будущего и пытаются определить свое место в нем. Так, стратегический документ LIBER подразумевает, что «открытый доступ будет доминирующей формой издательства; научные данные станут доступными для поиска, открытыми, взаимозаменяемыми и легкими в применении, цифровые навыки будут поддерживать более открытый и прозрачный жизненный цикл научного исследования; научные инфраструктуры окажутся адаптируемыми и объединенными с различными областями научного знания; будущее наследие культуры станет формироваться на основе цифровой информации сегодняшнего дня» [16, с. 18].

В ответ на это одна из основных стратегий развития заключается в том, что библиотеки должны стать инновационными платформами научной коммуникации. Новая роль накладывает на библиотеки, чтобы они оставались релевантными, дополнительные функции и обязанности в виде необходимости развития новой (открытой) культуры исследований [16, с. 17]. Более того, в условиях нарастающей конкуренции библиотеки вынуждены «поступать мудро», объединяясь с компаниями, создающими новые научные ресурсы. Сотрудничество с целью улучшения способа предоставления доступа к информационным ресурсам — это одна из характеристик, которые библиотеки обязаны демонстрировать в условиях открытой науки [16, с. 21].

Одна из возможных новых функций библиотек в условиях ключевой роли открытой науки в развитии инновационной библиотечной модели может состоять в том, чтобы взять на себя ответственность за открытый доступ. Как отмечает К. Линч (C. Lynch), «существует огромная проблема с публичными материалами или материалами открытого доступа в сети: каждый полагается на них, но никто не хочет взять на себя ответственность за их курирование и хранение» [17, р. 128].

Участие библиотек в открытой науке может выражаться также в активной работе по управлению открытыми данными, где «библиотеки находятся в хорошем положении, чтобы взять на себя такую ответственность и стать компетентными в сфере работы с открытыми научными данными» [9, с. 139]. Такая возможность со стороны библиотек обусловлена различными уже наработанными компетенциями: библиотекари владеют информацией о хранилищах данных, шаблонах лицензий на данные, могут рекомендовать методы и инструменты их обработки, предлагать стратегии выбора формата данных, информировать о протоколах защиты данных и отвечать на другие вопросы по управлению данными [12, с. 329]. В дополнение к этому библиотекари могут осуществлять информационное сопровождение по ресурсам открытого доступа и помогать пользователям ориентироваться в открытом научном контенте [7, с. 15].

Заметим, что в российском научном поле нет однозначной позиции в отношении того, является ли переход к открытости со стороны библиотек свободным или вынужденным, инициативным или осуществляемым под внешним давлением. Одни исследователи утверждают, что библиотеки сами стремятся занять более активную позицию, другие говорят о том, что библиотеки «подвержены критике со стороны некоторых заинтересованных лиц в отношении сложности производства и распространения науки в современных условиях» [16, с. 15] и им следует быть более инициативными в поддержке открытости.

При этом на данный момент библиотеки уже играют «значительную роль в реализации принципов открытого доступа» [9, с. 136]. Очевидно, что одной из основных функций библиотек с самого начала было облегчать доступ к знаниям. Таким образом, библиотеки не только идеологически поддерживают принципы свободного доступа к знаниям, но и финансово выигрывают от новых моделей распространения знаний в условиях, когда библиотечные бюджеты уже не справляются с оплатой журналов по классической подписочной модели распространения знаний, цены на которые активно растут. Этот факт крайне важен, поскольку ограниченность библиотечного бюджета стимулирует отказ от подписки при росте ее стоимости, при этом высокий процент материалов в открытом доступе является дополнительным аргументом в пользу подобных изменений [18, с. 242–243]. В итоге библиотеки с помощью открытого доступа обретают больше ресурсов для борьбы с издателями журналов. Аналитики газеты *The Wall Street Journal* (обзор 2014 г. «Good Bye, Berlin»), которых цитирует А. Земсков, идут в своих выводах дальше и считают, что открытый доступ не нанес ущерба крупным издательствам, поскольку он нужен всем и библиотечарям в том числе — для решения проблем журнального кризиса [19, с. 66].

Исследователи отмечают, что научные и университетские библиотеки уже накопили богатый опыт в области открытой науки, который выражается в создании и сопровождении институциональных репозиториев, электронных архивов, электронных библиотек и других электронных ресурсов открытого доступа [9, с. 137]. Так, например, одной из задач ГПНТБ является создание Единого открытого архива информации (ЕОАИ) ГПНТБ России, который объединит все электронные полнотекстовые ресурсы, формируемые или собираемые библиотекой на правовой основе с целью расширения пользовательского сервиса и создания базы для научных исследований и обеспечения научно-образовательной деятельности. Создание такого архива позиционируется как главный ответ ГПНТБ России на современные вызовы цифровизации [20, с. 47].

Более того, работники библиотек участвуют в факультативных инициативах, связанных с открытой наукой:

- издание и поддержка журналов открытого доступа;
- информирование пользователей об открытой науке;
- обучение навыкам использования открытого доступа;
- организация специальных мероприятий, связанных с открытой наукой [9, с. 137].

Библиотечари также создают сервисы по управлению данными исследований, участвуют в региональных, национальных и международных инициативах по открытой науке в виде расширения доступа к научным коллекциям, реализации форм поддержки открытых данных, программного обеспечения с открытым исходным кодом, открытых образовательных ресурсов и открытых знаний [12, с. 329]. Можно утверждать, что библиотеки не только используют ресурсы открытого доступа, но и создают их [21, с. 42].

Таким образом, распространение открытой науки не только позволяет библиотекам взять на себя новые функции, но и изменить существующие. Как замечает Н. Редькина, «растущее количество ресурсов открытого доступа, инициатив и проектов по открытой науке способствует существенному изменению методов работы библиотек, созданию электронных ресурсов с учетом публикаций и данных открытого доступа, предоставлению рекомендаций по доступу к информации и данным, управлению бюджетами подписок и формированию обновленной отчетности об использовании

ресурсов, развитию сервисов для поддержки всего жизненного цикла исследования, предметно-ориентированному обучению ученых и специалистов» [7, с. 16].

В общем и целом наблюдается положительная динамика во взаимопроникновении библиотек и открытой науки — ученые отмечают, что «за прошедшие годы отношения между открытой наукой и научными библиотеками значительно укрепились» [7, с. 15].

Укрепление связей между библиотеками и открытой наукой проявляется не только на практике, но и в публичном пространстве. Действительно, библиотеки в российском научном поле представлены в качестве занимающих активную политическую позицию по отношению к открытой науке. Так, в «Заявлении об открытом доступе к научной литературе и исследовательской документации» (2003 г.) выражается поддержка открытого доступа от имени свыше 1700 библиотечных ассоциаций, учреждений и частных лиц из разных стран мира, представляющих различные типы библиотек [9, с. 136].

Поддержка открытой науки со стороны библиотек в политическом ключе также проявляется и в России. Так, в 2012 г. на конференции «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса: Крым-2012» участниками была принята Крымская декларация открытого доступа, которая призывает библиотеки к популяризации принципов открытого доступа среди пользователей, инициирует создание и развитие институциональных и тематических репозиториях для обеспечения сохранности научных публикаций [9, с. 137].

Стоит отметить, что не только библиотекам необходима открытая наука, но и открытой науке необходимы библиотеки. Библиотечный фонд, по сути, является ключевым аспектом, на котором фокусируются актуальные предложения относительно открытости науки. Действительно, как отмечает Ж. Ревес, цитируя М. Борхес: «Вопрос относительно библиотечных фондов важен, поскольку связан с усилиями так называемого “архива науки”, определяемого как «массив публикаций, который служит многолетним свидетельством подтверждения интеллектуального приоритета научного открытия. Он создает формальные каналы коммуникации науки и должен быть доступным и, следовательно, сохраняемым» [16, с. 16]. Не только научные, но и вузовские библиотеки могли бы стать драйвером открытой науки. По мнению С. Ипполитова, «введение в открытый научный оборот большого пласта учебно-методической и научной литературы, хранящейся в вузовских библиотеках, позволило бы не только дать новый импульс отечественному образованию, но и существенно сократить расходы на ежегодную разработку и обновление многочисленных методических “кейсов” и “модулей”, необходимых каждому вузу для прохождения аккредитации» [22, с. 190].

Ученые называют научные библиотеки «узловыми компонентами в развитии инфраструктуры открытого доступа и управления данными исследований» [12, с. 326] — в этом заключается дополнительная критическая роль библиотек в отношении открытой науки, их необходимость для концепции.

Таким образом, открытая наука становится приоритетным направлением деятельности для библиотек, она ложится в основу их стратегического развития. Сегодня открытая наука уже меняет библиотечные практики, а в будущем на ее основе библиотеки смогут взять на себя новые функции и определить свою новую роль в информационной экосистеме будущего.

Проблемы новой роли библиотек

Переход библиотек к новой роли на основе развития открытой науки отмечен существованием различных существующих и потенциальных барьеров.

Так, развитие новых библиотечных функций невозможно в отсутствие необходимых ресурсов и компетенций. Действительно, новые библиотечные роли диктуют потребность в новых специалистах: библиотекарь данных, библиотекарь по управлению научными данными, архивариус/специалист по цифровым данным и др. [9, с. 139]. В отношении компетенций ученые отмечают, что часть их в научных библиотеках уже приобретена (например, библиотечное дело и наукометрия), некоторые находятся в процессе освоения и переосмысления (научные коммуникации, открытая наука), а наиболее перспективные (большие данные и искусственный интеллект) имеют слишком высокий порог вхождения [10, с. 43]. При этом отсутствие абсолютно новых для большинства библиотечных специалистов компетенций является одним из решающих препятствий на пути к трансформации академических библиотек [10, с. 36]. Заметим, что российская образовательная система уже отвечает на новые вызовы. Так, в 2016 г. в Казанском государственном институте культуры (КазГИК) был разработан учебный план подготовки и объявлен набор абитуриентов на направление «Библиотечно-информационная деятельность» (профиль «Управление научными данными и знаниями в электронной среде», квалификация «магистр») [9, с. 139]. Современные профили программ обучения в КазГИК, например «Информационные технологии в управлении библиотечно-информационной деятельностью»³, включают в свой учебный план такие дисциплины, как:

- «Информационные технологии в науке и образовании»;
- «Технология управления знаниями»;
- «Информационное обеспечение профессиональных коммуникаций»;
- «Мировые информационные ресурсы»;
- «Цифровые технологии в библиотечно-информационной деятельности».

С точки зрения ресурсов дополнительной трудностью в новых условиях для библиотек является недофинансированность. Сегодня многолетнее хроническое недофинансирование библиотек не позволяет им обеспечить высокое качество оказания услуг, которого ожидает российское общество [10, с. 36]. Из-за недофинансирования в научных библиотеках в основном присутствует то, что не требует больших капиталовложений, — собственные фонды, генерируемые БД, а также доступ к ресурсам научных издательств, предоставляемый по программам национальной и централизованной подписки [10, с. 43].

Определенным барьером для развития открытой науки со стороны библиотек может стать наличие локального понимания открытого доступа в библиотечной среде, которое «представляется в форме библиотечного обслуживания, предоставляющего читателю возможность самостоятельного поиска и выбора документов в библиотечном фонде» [9, с. 136]. Иными словами, библиотекам как трансформирующимся агентам научного поля в условиях открытой науки необходимо не только

³ Казанский государственный институт культуры. Учебные дисциплины направления 51.04.06 «Библиотечно-информационная деятельность», профиль «Информационные технологии в управлении библиотечно-информационной деятельностью». URL: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1h3fOE9h1VY2HQSLJHlfUSrkDsMvFk36/edit#gid=570125781> (дата обращения: 19.03.2023).

действовать, но и мыслить в новых условиях. Наблюдаемые тенденции говорят о том, что новое мышление не должно стать критической проблемой: «Для информационных специалистов становится все яснее, что необходимо выйти из зоны комфорта так называемого традиционного взгляда, обращенного вовнутрь» [16, с. 22].

Несмотря на то что в целом «научные и университетские библиотеки предоставляли виртуальное обслуживание с самого начала появления интернета» [13, с. 29], в отношении адаптированности к новым условиям и скорости перестроения действий и мышления негосударственные цифровые проекты в российском научном поле представлены в более выгодном свете в сравнении с государственными. Государственные библиотечные проекты, такие как РГБ, в электронном виде представляя собой каталог реальной библиотеки, образовавшийся в результате переноса традиционной библиотеки в информационное пространство [23, с. 34]. В соответствии с этим электронная государственная библиотека наследует барьеры традиционного формата: закрытый доступ к определенным документам можно преодолеть только посещением физической библиотеки для проведения различных манипуляций вроде регистрации и оплаты. Более того, накладываются дополнительные ограничения в виде невозможности копирования и распространения информации, урезанных возможностей по количеству или времени прочтений и т. д. [23, с. 34]. В случае же негосударственных цифровых библиотечных проектов, таких как «КиберЛенинка», доступны все процедуры копирования, неограниченного чтения и распространения, что делает их более популярными и актуальными в современном обществе [23, с. 35].

Технологический вызов открытого доступа заключается не только в необходимости освоения библиотеками новой технологии, но одновременно и в вынужденной конкуренции с ней. Как отмечает Ж. Ревес, ссылаясь на исследование С. Харрис: «...открытый доступ, кажется, снижает важность библиотек в развитии фондов организаций...» [16, с. 19]. Более того, библиотека в принципе вытесняется из процесса научной коммуникации, поскольку «издателям выгоднее напрямую доставлять цифровой контент исследователям, в свою очередь также заинтересованным в максимально коротком и быстром пути до научных текстов» [10, с. 37]. С другой стороны, конкуренция с новой технологией может закончиться победой в смысле ее освоения и подчинения библиотекам благодаря релевантным навыкам библиотекарей, которые «остаются весомыми в управлении хранилищами, структурами метаданных, позволяя вести поиск информации в открытом доступе и поддерживать механизмы сохранения ресурсов» [16, с. 19]. Действительно, несмотря на широкое распространение ресурсов открытого доступа, библиотеки остаются востребованными в связи с тем, что большая часть содержимого в открытом доступе недоступна через метапоисковые движки [12, с. 330].

Отдельным барьером может выступать непризнание новой роли библиотек со стороны их партнеров в сфере открытой науки. Если библиотеки стремятся расширить свою деятельность даже в соответствии со стратегическими планами организаций, к которым они принадлежат, то это не исключает возможности конфликта. Исследователи утверждают, что в целом организации не признают библиотеки как своих партнеров в современных нестандартных ролях, таких как внутренняя библиотека или облегченный массив [16, с. 21]. Однако по мере развития приоритетов академических учреждений роль научных библиотек меняется — они

становятся ключевыми партнерами в долгосрочном будущем открытой науки, поскольку имеют представление о том, чего хотят их учредители [7, с. 15]. Так или иначе, выстраивание конструктивного диалога между библиотекой и учредителем является важнейшим условием успешного принятия новой роли: будучи социальным институтом, библиотека крайне зависима от своего ведомства [10, с. 44].

Наконец, главной проблемой для библиотек будущего с новыми ролями и расширенными функциями может стать проблема идентичности. Ученые отмечают, что сегодня цифровые технологии стирают четкие функциональные роли участников индустрии знаний так, что практически каждый участник может играть одновременно роль автора, издателя, продавца, потребителя и хранителя знаний [21, с. 47]. В данных условиях священный статус библиотеки как ключевого элемента науки, ее «статус надежного, а зачастую главного источника материалов для науки» [14, с. 23] будет растворен между всеми участниками научного поля, выполняющими схожие функции, например новыми открытыми научными платформами, академическими социальными сетями, продвинутыми репозиториями и пр. Такой риск эрозии идентичности библиотек ученые признают большой проблемой [16, с. 21].

Однако проблема возможной потери идентичности в условиях новой роли библиотек не кажется глобальной в сравнении с проблемой снижения актуальности библиотек в целом при сохранении status quo, где библиотеки не вступают в конфликт с открытой наукой и вытесняются из процесса научной коммуникации. Как отмечает Д. Николас (D. Nicholas): «Картина выглядит даже более тревожной для библиотек, поскольку их университетские службы, кажется, потеряли всякую значимость. Многие молодые ученые годами не заходят в библиотеку своей организации и считают ее в основном местом для работы выпускников. С появлением издательских платформ Google совершенствует свои системы обнаружения. Ситуация становится еще хуже, так как хранилища в организациях также не пользуются успехом» [24, р. 8]. Для нивелирования рисков потери идентичности библиотекам необходима ясная стратегия развития. Ученые отмечают, что в условиях современной информационной экосистемы, связанной с идеями открытой науки, у библиотек есть все шансы быть востребованными пользователями, если выбрать четкую стратегию [7, с. 15].

Заключение

Цель статьи состояла в том, чтобы на основе реконструкции представлений библиотек описать трансформацию их роли в условиях открытой науки. Данная статья выступила продолжением изучения дискуссии об открытой науке и позволила приблизиться к пониманию процессов трансформации библиотек в России в условиях открытой науки.

Можно утверждать, что интерес библиотек к открытой науке является не уникальным российским явлением, но представляет собой мировой тренд. Российские библиотеки подтверждают высокий уровень соответствия своего развития мировым трендам приведением конкретных примеров из своей деятельности при использовании теоретических наработок западных ученых.

Научная среда усложняется под влиянием технологического развития, и открытая наука как следствие данных процессов представлена в российском научном поле как настоящий вызов для библиотек.

Вызовы внешней среды стимулируют библиотеки определить или переопределить свое место в информационной экосистеме будущего и найти для себя новые роли. Стратегическое развитие библиотек строится на основе открытой науки как ключевого аспекта будущей научной среды и предполагает встраивание библиотек в исследовательский процесс.

Исследователи уже отмечают значимую роль библиотек в реализации открытой науки: они создают и сопровождают электронные ресурсы открытого доступа, информируют пользователей об открытой науке, обучают навыкам использования открытого доступа, организуют специальные мероприятия, связанные с открытой наукой, участвуют в различных инициативах по открытой науке.

Несмотря на наблюдаемую положительную динамику во взаимопроникновении библиотек и открытой науки, она может быть усилена дополнительными инициативами. Так, библиотеки могут взять на себя обязанность развития новой (открытой) культуры исследований, расширить свои функции до инновационных платформ научной коммуникации, сотрудничать с компаниями, создающими новые научные ресурсы, для улучшения способа предоставления доступа, взять ответственность за открытый доступ в целом, участвовать в активной работе по управлению открытыми данными и многое другое. Таким образом, развитие библиотек на основе открытой науки позволяет им взять на себя новые функции, а также изменяет их текущие практики.

Активная роль библиотек в развитии открытой науки обусловлена синергетическими факторами: библиотеки не только идеологически поддерживают принципы свободного доступа к знаниям, но и финансово выигрывают от новых моделей распространения знаний.

Однако можно заметить и вынужденный характер участия библиотек в развитии открытой науки. Во-первых, исследователи отмечают критику в сторону библиотек в отношении сложности производства и распространения науки в современных условиях и принуждение к поддержке открытости. Во-вторых, технология открытого доступа вытесняет библиотеку из процесса научной коммуникации, что формирует конкурирующие отношения между ними, и стимулирует библиотеки к освоению и подчинению новой технологии.

Таким образом, лидерство библиотек в дискуссии в отношении открытой науки в российском научном поле обусловлено больше чем просто политической борьбой за владение ресурсом. Потеря контроля над открытой наукой рискует закончиться снижением актуальности библиотек в целом, поскольку идентичность библиотек и их священный статус ключевого элемента науки окажутся под давлением на фоне развития других участников научного поля, выполняющих схожие функции.

Литература

1. ЮНЕСКО. Проект рекомендации по открытой науке // UNESCO — Цифровая библиотека. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000378841_rus (дата обращения: 10.03.2022).
2. Карих Р.Д. Анализ дискуссии на тему открытой науки в российском научном поле // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14, № 2. С. 173–193.
3. Антопольский А. Б. Будущее научных коммуникаций и научной информации // Информация и инновации. 2019. Т. 14, № 1. С. 7–17.
4. Hills P. The scholarly communication process // Annual Review of Information Science and Technology. 1983. No. 18. P. 99–125.

5. *Ying D.* Scholarly communication and bibliometrics: I. Scholarly communication model Literature Review. 2002. URL: https://yingding.ischool.utexas.edu/Publication/Review_1_FID.pdf (дата обращения: 25.10.2023).
6. *Лаврик О. Л.* Академическая библиотека в современной информационной среде. Новосибирск: Гос. публ. науч.-техн. биб-ка СО РАН, 2003.
7. *Редькина Н. С.* Библиотека в условиях информационной экосистемы открытой науки // Научно-техническая информация. Сер. 1: Организация и методика информационной работы. 2021. № 10. С. 9–18.
8. The Royal Society Science Policy Centre Report // Science as An Open Enterprise. London: Royal Society, 2012.
9. *Галыевцева М. С.* Научные библиотеки в условиях открытого доступа // Ученые записки Института социальных и гуманитарных знаний. 2016. Т. 14, № 1. С. 134–140.
10. *Гуськов А. Е., Косяков Д. В., Макеева О. В.* Матрица задач, ресурсов и компетенций для научных библиотек // Библиосфера. 2019. № 3. С. 35–46.
11. *Зайцева Е. М.* Организация тематического поиска в системе открытого архива // Научные и технические библиотеки. 2020. № 10. С. 105–118.
12. *Редькина Н. С.* Стратегии научных библиотек: новые и перспективные направления поддержки исследований // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 44. С. 323–335.
13. *Волкова К. Ю., Шрайберг Я. Л.* Анализ тенденций развития современной библиотечно-информационной инфраструктуры в условиях продолжающейся пандемии (Обзор материалов зарубежных профессиональных изданий). Ч. 1 // Научные и технические библиотеки. 2020. № 10. С. 15–36.
14. *Волкова К. Ю., Шрайберг Я. Л.* Анализ тенденций развития современной библиотечно-информационной инфраструктуры в условиях продолжающейся пандемии (Обзор материалов зарубежных профессиональных изданий). Ч. 2 // Научные и технические библиотеки. 2020. № 11. С. 15–32.
15. *Wilson L. R.* The service of libraries in promoting scholarship and research // The Library Quarterly: Information, Community, Policy. 1933. No. 3. P. 127–145.
16. *Ревес Ж.* Новый взгляд на науку: обзор меняющихся ролей научных библиотек // Международный форум по информации. 2018. Т. 43, № 2. С. 15–24.
17. *Lynch C.* Updating the agenda for academic libraries and scholarly communications // College & Research Libraries. 2017. No. 78. P. 126–130.
18. *Пивовар Х., Прим Д., Ларивьер В., Алперин Х. П., Маттиас Л., Норландер Б., Фарли Э., Вест Дж., Хауштайн С.* Открытый доступ сегодня: широкомасштабный анализ распространенности и влияния статей открытого доступа // Наука и научная информация. 2019. Т. 2, № 4. С. 228–247.
19. *Земсков А. И.* Пути научно-технических библиотек к открытому доступу (ИАГУЛ-2018) // Научные и технические библиотеки. 2019. № 1. С. 63–79.
20. *Шрайберг Я. Л., Гончаров М. В., Колосов К. А.* О разработке концепции Открытого архива информации ГПНТБ России // Научные и технические библиотеки. 2020. № 12. С. 45–58.
21. *Шрайберг Я. Л.* Цифровизация, пандемия, экология языка, рынок информационных и образовательных услуг и библиотеки: курс на выживание и устойчивое развитие. Ежегодный доклад Шестого международного профессионального форума «Крым-2021» // Научные и технические библиотеки. 2021. № 9. С. 13–72.
22. *Ипполитов С. С.* Российские научные журналы в пространстве защиты авторских прав, бизнес-интересов и редакционной этики // Новый исторический вестник. 2021. Т. 70, № 4. С. 175–194.
23. *Тронин В. Г., Карсукова Д. В.* Эффективность модели открытого доступа к публикациям на примере сравнения научных электронных библиотек РГБ и «КиберЛенинка» // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2018. Т. 81, № 1. С. 32–38.
24. *Nicholas D.* Publish or perish thwarts young researchers' urge to innovate // Research Europe. 2016. No. 440. P. 7–8.

Статья поступила в редакцию 29 июля 2023 г.;
рекомендована к печати 21 марта 2024 г.

Контактная информация:

Карих Роман Дмитриевич — аспирант; rkarikh@hse.ru

Transformation of the role of libraries in the Open Science*

R. D. Karikh

HSE University,
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation

For citation: Karikh R. D. Transformation of the role of libraries in the Open Science. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 1, pp. 100–115.
<https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.107> (In Russian)

Libraries are a leading actor developing the discussion about Open Science in the Russian scientific field in the competition between them, publishers, repositories and scientific institutes. Understanding the vision of the role of libraries in Open Science will help determine the contours of the possible implementation of the concept in Russia. Based on an analysis of the range of relevant sources, the author describes the transformation of the role of libraries in the conditions of Open Science based on the reconstruction of their ideas. To achieve this goal, the article performs a number of tasks, including: identifying the context for the formation of ideas about the role of libraries, identifying the prerequisites for changing the role of libraries, identifying the old and new roles of libraries in Open Science, identifying barriers to the implementation of the new role of libraries in Open Science. It is noted that the interest in Open Science on the part of Russian libraries occurs in accordance with global trends. Open Science for libraries is presented in the Russian scientific field as a challenge caused by the increasingly complex scientific environment. Such challenges encourage libraries to redefine their place in the information ecosystem of the future, and Open Science is a key aspect on the basis of which libraries build their strategic development. The active role of libraries in the development of Open Science is due to synergetic factors. However, the author also notes the observed forced nature of libraries' participation in the development of Open Science. The author comes to the conclusion that the leadership of libraries in the discussion regarding Open Science in the Russian scientific field is due to more than just competition for the possession of a resource, but has an existential character against the background of the risks of libraries being ousted from the process of scientific communication.

Keywords: Open Science, libraries, transformation, role, literature review, identity, actor, scientific field, scientific communication, sociology of science.

References

1. UNESCO. Draft Recommendation on Open Science. *UNESCO — Tsifrovaia biblioteka*. 2021. Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000378841_rus (accessed: 29.04.2023). (In Russian)
2. Karikh R. D. Analysis of the discussion on open science in the Russian scientific field. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 52–71. (In Russian)
3. Antopolsky A. B. The future of scientific communications and scientific information. *Informatsiia i innovatsii*, 2019, vol. 14, no. 1, pp. 7–17. (In Russian)
4. Hills P. The scholarly communication process. *Annual Review of Information Science and Technology*, 1983, no. 18, pp. 99–125.
5. Ying D. *Scholarly communication and bibliometrics: I. Scholarly communication model Literature Review*. 2002. Available at: https://yingding.ischool.utexas.edu/Publication/Review_1_FID.pdf (accessed: 25.10.2023).
6. Lavrik O. L. *Academic library in the electronic environment*. Novosibirsk, Gosudarstvennaia publitsnaia nauchno-tehnicheskaiia biblioteka Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2003. (In Russian)

* The article/review was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University.

7. Redkina N. S. Library in the conditions of the information ecosystem of open science. *Nauchno-tehnicheskaja informatsiia. Seriya 1: Organizatsiia i metodika informatcionnoi raboty*, 2021, no. 10, pp. 9–18. (In Russian)
8. *The Royal Society Science Policy Centre Report. Science as An Open Enterprise*. London, Royal Society, 2012.
9. Galyavieva M. S. Scientific libraries in conditions of open access. *Uchenye zapiski Instituta sotsial'nykh i gumanitarnykh znaniy*, 2016, vol. 1, no. 14, pp. 134–140. (In Russian)
10. Guskov A. E., Kosyakov D. V., Makeeva O. V. Matrix of tasks, resources and competencies for scientific libraries. *Bibliosfera*, 2019, no. 3, pp. 35–46. (In Russian)
11. Zajceva E. M. Organization of thematic search in the open archive system. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*, 2020, no. 10, pp. 105–118. (In Russian)
12. Redkina N. S. Strategies for scientific libraries: new and promising areas of research support. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiia i iskusstvovedenie*, 2021, no. 44, pp. 323–335. (In Russian)
13. Volkova K. U., Shrajberg Ya. L. Analysis of trends in the development of modern library and information infrastructure in the context of an ongoing pandemic (Review of materials of foreign professional publications). Pt. 1. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*, 2020, no. 10, pp. 5–36. (In Russian)
14. Volkova K. U., Shrajberg Ya. L. Analysis of trends in the development of modern library and information infrastructure in the context of an ongoing pandemic (Review of materials of foreign professional publications). Pt. 1. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*, 2020, no. 11, pp. 15–32. (In Russian)
15. Wilson L. R. The service of libraries in promoting scholarship and research. *The Library Quarterly: Information, Community, Policy*, 1933, no. 3, pp. 127–145.
16. Revez J. Opening the heart of science: A review of the changing roles of research libraries. *Mezhdunarodnyj forum po informacii*, 2018, vol. 43, no. 2, pp. 15–24. (In Russian)
17. Lynch C. Updating the agenda for academic libraries and scholarly communications. *College & Research Libraries*, 2017, no. 78, pp. 126–130.
18. Piwowar H., Priem J., Larivière V., Alperin J., Matthias L., Norlander B., Farley A., West J., Haustein S. The state of OA: a large-scale analysis of the prevalence and impact of open access articles. *Nauka i nauchnaia informatsiia*, 2019, vol. 2, no. 4, pp. 228–247. (In Russian)
19. Zemskov A. I. Ways of Scientific and Technical Libraries to Open Access. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*, 2019, no 1, pp. 63–79. (In Russian)
20. Shrajberg Ya. L., Goncharov M. V., Kolosov K. A. On the development of the concept of the Open Information Archive of the State Public Scientific and Technical Library of Russia. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*, 2020, no. 12, pp. 45–58. (In Russian)
21. Shrajberg Ya. L. Digitalization, pandemic, language ecology, the market for information and educational services and libraries: a course towards survival and sustainable development. Annual report of the Sixth International Professional Forum “Crimea-2021”. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*, 2021, no. 9, pp. 13–72. (In Russian)
22. Ippolitov S. S. Russian scientific journals in the space of copyright protection, business interests and editorial ethics. *Novyi istoricheskii vestnik*, 2021, vol. 70, no. 4, pp. 175–194. (In Russian)
23. Tronin V. G., Karsukova D. V. Efficiency of the model of open access to publications on the example of comparison of scientific electronic libraries of the RSL and CyberLeninka. *Vestnik Ul'ianovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2018, vol. 81, no. 1, pp. 32–38. (In Russian)
24. Nicholas D. Publish or perish thwarts young researchers' urge to innovate. *Research Europe*, 2016, no. 440, pp. 7–8.

Received: July 29, 2023
Accepted: March 21, 2024

Author's information:

Roman D. Karikh — Postgraduate Student; rkarikh@hse.ru

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

УДК 316.77

7-й Всемирный гуманитарный форум «Гуманизация отношений: на пути к общению, сосуществованию и эмпатии»

Р. К. Тангалычева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Тангалычева Р. К.* 7-й Всемирный гуманитарный форум «Гуманизация отношений: на пути к общению, сосуществованию и эмпатии» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 1. С. 116–122.
<https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.108>

7-й Всемирный гуманитарный форум «Гуманизация отношений: на пути к общению, сосуществованию и эмпатии» проходил 8–10 ноября 2023 г. в выставочном центре ВЕХСО в городе Пусан (Республика Корея). Форум был организован Национальным исследовательским фондом Кореи совместно с университетом Кёнхи, а также при поддержке ЮНЕСКО и администрации города Пусан. В форуме приняли участие 240 докладчиков из 13 стран, а также 1300 дискуссантов и слушателей.

С момента своего создания в 2011 г. Всемирный гуманитарный форум (World Humanity Forum) предоставил ученым-гуманитариям, философам, художникам и активистам возможность участвовать в многостороннем гуманитарном диалоге для обсуждения наиболее актуальных проблем, с которыми человечество сталкивается в XXI в. Форум поощряет глобализацию гуманитарных наук в Республике Корея и создает площадку для постоянного интеллектуального обмена и сотрудничества между учеными со всего мира. Ведущие ученые участвуют в конструктивных дискуссиях и способствуют решению различных проблем и задач, с которыми сталкивается современный мир, работают над достижением научного консенсуса и поддерживают, таким образом, высокий статус гуманитарных наук в мире.

Отправной идеей 7-го Всемирного гуманитарного форума стала идея, что человек по своей природе склонен к общению с другими и обмену информацией. Однако сегодня мы сталкиваемся с такими патологиями коммуникации, как рост

числа личных и социальных проблем, усиление конфликтов между поколениями, полами, социальными классами и культурами. В XXI в., в эпоху высокого уровня индивидуализации, отчуждение и ощущение изоляции людей друг от друга усиливаются. В частности, из-за пандемии личные встречи, контакты и передвижения людей по всему миру были ограничены. В то же время дистанция и барьеры между людьми увеличились на фоне глобального распространения взаимной ненависти и антипатии.

Перед гуманитарными и социальными науками сегодня стоит задача способствовать не только восстановлению качества отношений между людьми с учетом индивидуальной автономии человека, но и созданию новой культуры отношений, затрагивающей человека, современные технологии и природу. Сейчас люди как никогда нуждаются в общении и поддержке со стороны друг друга, сосуществовании и совместном процветании, эмпатии и гармонии. Чтобы взаимодействовать с другими, важно общение, признание культурных различий. «Эмпатия в процессе общения» — это благородное чувство, которое позволяет установить тесные связи между собственным «я» и индивидуальностью другого человека. Соответственно, одной из научных задач форума был поиск идей в рамках гуманитарных исследований, связанных с социальной интеграцией, а также с тем, чтобы искоренить различные глобальные ситуации дискриминации, включая расизм, этническое, религиозное и гендерное превосходство. По мнению организаторов форума, настало время задуматься о конкретной роли, которую гуманитарные науки могут сыграть в воспитании глобальной гражданственности для дальнейшей интеграции и солидарности.

На форуме были предложены три основных направления для обсуждений и дискуссий:

- «Солидарность через общение»;
- «Сосуществование и совместное процветание»;
- «Гармония через эмпатию».

В рамках первого направления «Солидарность через общение» обсуждались практики конструирования солидарности посредством общения, критически анализировались проблемы разобщенности, ненависти и конфликтов, с которыми столкнулось человечество после пандемии. Рассматривались подходы к восстановлению толерантности к инаковости и преодолению ненависти и враждебности по отношению к другим, расизма на глобальном уровне и дискриминации. Также анализировались проблемы разобщенности и конфликтов между регионами, классами, поколениями, полами и учеными. С быстрым развитием искусственного интеллекта, когда слово и письмо, являющиеся средствами размышлений в гуманитарных науках, перешли из человеческой сферы в сферу технологий, появилась возможность фундаментально задуматься над следующими вопросами:

- существует ли рецепт размышления о гуманизации отношений посредством слова и письма?
- возможно ли еще людям общаться и проявлять солидарность посредством слова и письма?
- что значит изменить мир с помощью гуманитарного воображения и возможно ли это сделать?

Второе направление «Сосуществование и совместное процветание» было сфокусировано на отношениях с совокупными Другими. Другие включают в себя все,

кроме собственного «я»: это другие люди, животные, растения, природа, машины и космос. Поскольку с появлением COVID-19 появились новые средства общения (к примеру, бесконтактное общение), больше нет необходимости оставаться в двусторонних контактах и тем более вступать в отношения, которые включают более трех коммуникантов. Растения, которые мы едим, выращиваем и наблюдаем, связаны с климатическими проблемами, поэтому отношения между людьми и растениями расширяются до уровня естественной экосистемы. Поскольку, с одной стороны, домашние животные становятся частью семьи, а с другой — мы имеем дело с массовым производством и забоем домашних животных, встает вопрос об этических отношениях между людьми и животными. Отношения между людьми и машинами должны быть фундаментально переопределены, поскольку машины, такие как искусственный интеллект (ИИ) и роботы, становятся гуманизированными или искусственно объединенными. Необходима новая парадигма взаимоотношений между людьми и не-людьми. Таким образом, на форуме ученые искали пути к сосуществованию и совместному процветанию в отношениях между людьми; между отдельными людьми и сообществами; между людьми и вирусами; между людьми и растениями/животными; между человеком и природой; между людьми и машинами.

Третье направление «Гармония через эмпатию» было посвящено тому, что сочувствие другим сегодня необходимо больше, чем когда-либо прежде. Людям предстоит преодолеть недостатки реальности, в которой существует разобщение и преобладают дискриминация, изоляция, неприятие и ненависть. Человек должен научиться чувству радости быть вместе с другими, принимая различия друг друга посредством эмпатии. Факторами, которые становятся важной основой гармоничных отношений, являются эмоциональный обмен и признание однородности. Эмпатия — это врожденная человеческая способность, а также чувство, которое можно развить посредством личных усилий. Именно игра и искусство служат возможностью для обмена сочувствием, которое выходит за рамки конфликтов между идеологиями, религией, расой и классами и, таким образом, действует как катализатор понимания. Более того, воображение, которое становится основой игры и искусства, обеспечивает свободный и открытый разум, позволяющий осознать потребности и чувства других, находящихся за рамками личного эгоцентричного восприятия. Свободное воображение реализуется в искусстве, благодаря которому мы становимся чуткими к другим людям и миру. Игра и искусство, являющиеся проявлениями воображения, делают возможным общение и сопереживание между людьми, а также дают возможность задуматься о роли и значении отношений между людьми.

Ключевые доклады были сделаны профессором университета Ёнсе Пэком Ёнсо (Young-Seo Baik), профессором Сорбонны Жаком Омонтом (Jacques Aumont), профессором Кембриджского университета Кирстен Мальмкьер (Kirsten Malmkjaer), директором стартапов в компании Google Майком Кимом (Mike Kim).

Профессор Пэк Ёнсо (Республика Корея) в своем докладе «Гуманитарные науки на пути к альтернативной цивилизации: производство и трансляция знаний» развернул дискуссию о том, способствует ли совместное гуманитарное образование выработке глобальной гражданственности с целью развития интеграции и солидарности. Он обосновал значение гуманитарных наук на глобальном уровне, учитывая

роль развития человечества, которое, на его взгляд, выработало универсальные человеческие ценности. Он подчеркнул, что сегодня крайне важно внедрить глобальное гражданское образование, которое изменит глобальную реальность, основанную на неприятии, изоляции и безразличии. Однако гражданское общество должно быть более чувствительным к двойственности, которая связана с границами национального государства.

Таким образом, если гуманитарные науки сосредоточатся на развитии способности слышать голоса социально исключенных групп населения, это внесет вклад в формирование глобального гражданского сознания, невзирая на национальные границы. Парадоксально, но сложное государственное положение, созданное неравенством в капиталистической мировой системе в ее нынешнем виде, а также в соответствии с нашим опытом реагирования (успешно или нет) на проблему двойственности статуса иммигрантов и беженцев, неграждан и людей с гражданством принимающей страны, также по иронии судьбы создает состояние социальной солидарности, которое приносит удовлетворение, а не только страдания.

Профессор Пэк Ёнсо подчеркнул, что, если мы думаем об эффективности гуманитарных наук с глобальной точки зрения, то мы должны помнить, что следует придерживаться практического подхода. «Чтобы выполнить большую задачу, необходимо делать малые дела; но когда начнешь с большого дела, то не будешь утопать в мелочах, а обретишь гораздо более мощный импульс к действию». Он напомнил, что метод изучения реальности и одновременного преобразования ученым самого себя является условием существования и развития гуманитарных наук.

Профессор университета Сорбонна Жак Омонт выступил с докладом «Социальная составляющая образа». Он подчеркнул, что на протяжении тысячелетий имидж был основой построения человеческого общества и поддержания социальных связей. Возможно, образы сцепляли небольшие группы людей, как это было в первобытные времена в случае с наскальными изображениями, поскольку в пещеры, где они были найдены, проникали только посвященные. Образы могли также объединять огромные множества людей, как в случае с религиозными изображениями, которые по определению нацелены на всех верующих. И, конечно же, в современном обществе в случае с художественными фильмами образы потенциально мобилизуют огромные общности людей.

Одним из наиболее масштабных последствий глобализации стало то, что соответствие между изображениями и контекстом стало менее очевидным, а иногда и совершенно неуместным, позволив образам циркулировать без каких бы то ни было ограничений.

Таким образом, изображения являются одним из двух ключевых инструментов построения человеческого общества наряду, конечно же, с вербальным языком. Профессор Жак Омонт поделился двумя наблюдениями, касающимися способов присутствия изображений в обществе и их фундаментальной роли в межсубъектной коммуникации. С одной стороны, если образ пропагандирует в социальной среде определенные ценности, идеи и положения, то он может делать это только через посредство более или менее сложного аппарата, статус которого явно социален. С другой стороны, даже если эти диспозитивы сами по себе всегда относятся к коллективу, который их продвигает, они обычно оставляют выбор между коллективным и индивидуальным видением. Другими словами, образ может сообщать

только то, что приемлемо и понятно в данной среде, и делает это через личные предпочтения и предрасположенности, созданные этой же средой.

Наглядный пример такого аппарата — кинокамера. Во-первых, он способствовал развитию кинотеатров. Само по себе это не является оригинальным феноменом, поскольку свои основные черты он берет из двух европейских и североамериканских социальных практик XIX в.: буржуазного театра и музыкального зала. Но сила распространения кино сделала эту зрительскую модель своего рода самоочевидным фактом жизни для поколений и распространила ее по всему миру (в том числе в странах, которые производят мало фильмов). Сегодня кинотеатры являются признанным социальным явлением, их изучению посвящены исследования и документальные фильмы.

Эмпатия к образам — это замечательная сила, которая, если ее признать и использовать, может сыграть важную роль в консолидации социальных отношений и межличностной близости. Однако скорость, с которой изображения циркулируют и создаются в наши дни, породила новый мир, в котором эмоциональное все больше угрожает взять верх над рациональным, заменяя понимание и, как следствие, солидарность. Эмпатия всегда приходит к нам через образ, но это ничего не говорит о реальности или тем более об истинности того, что он изображает. Грубо говоря, фейк столь же эмпатичен, как и жестокий образ (а зачастую даже более того, поскольку он направлен на то, чтобы расположить к себе зрителя, не давая возможности для размышлений). Поэтому важно отличать эмпатию от ее потенциальных последствий с точки зрения чувств (сочувствие, сострадание) и не путать эмоциональную сферу с интеллектуальной и коммуникативной. Первое подтверждает, что мы действительно люди, но именно второе позволяет нам вступать в здоровые отношения с окружающими.

Профессор Кембриджского университета Кирстен Мальмкьер представила доклад по теме «Язык, перевод и эмпатия». По ее мнению, перевод является формой искусства. В своем выступлении она привела ряд примеров переводов, для которых переводчику пришлось изрядно тренировать свою способность к сопереживанию, чтобы сделать перевод оригинального текста автора таким, чтобы вызвать интерес и сочувствие со стороны читателей.

Поскольку эмпатия принадлежит к сфере того, что называется в лингвистике перлокуцией (воздействием речевого акта на слушателя), она не подвластна переводчику (так же как и эмпатия). На самом деле во власти автора оригинала гарантировать сочувствие со стороны читателей. Если переводчики хотят донести до читателей то воздействие, которое оригинальное произведение оказало на них самих, они будут стремиться отобрать отдельные части материала, которые созвучны переводящему и будут передавать то же сильное воздействие на читателей, которое испытали сами. Их успех в этом начинании зависит по крайней мере частично от того, в какой степени они способны воспринять мышление самого автора, с одной стороны, и аудитории читателей, с другой стороны.

Директор стартапов Google Майк Ким представил новые технологии и разработки своей компании. Как известно, Google — это не только поисковик: компания является одним из мировых лидеров в создании гаджетов, интернет-сервисов и многого другого. В числе прочего Майк Ким рассказал о создании автомобиля без водителя, который сделает дорожное движение безопаснее. Технологии умного

дома позволят полностью автоматизировать все системы жизнеобеспечения путем подключения к сети Интернет: например, пока хозяев нет дома, холодильник сможет сам заказать необходимые продукты, а кофеварка приготовит кофе точно к вашему приходу. Google Glass изменят ваше представление о гаджетах. Надев эти очки, можно будет забыть об экранах смартфонов и компьютеров — нужная информация будет всегда доступна лишь по одному движению глаз. Google позаботится и о нашем здоровье — интернет-гигант владеет долей в компании Adimab, занимающейся разработкой системы диагностики и лечения различных заболеваний, которая объединяет множество технологий и методов борьбы с недугами. Революционная идея заключается в изобретении миниатюрных сенсоров, занимающихся поиском и оптимизацией вырабатываемых организмом антител — для начала лечения нужно лишь проглотить такой датчик.

Также Майк Ким подробно остановился на сотрудничестве Google с корейскими компаниями и подчеркнул, что Республика Корея стала в последние годы лидером технологических разработок и их внедрений.

На форуме были проведены следующие секции:

- Исследование фундаментальных основ коммуникации;
- Расширение границ коммуникации и солидарности;
- Культурная солидарность в цифровой сфере;
- Гуманитарные науки в изучении искусственного интеллекта;
- Солидарность в корейско-японских отношениях;
- Мозг, жизнь и культура: междисциплинарные аспекты изучения эмпатии;
- Роль музеев и искусства в эпоху сосуществования и взаимного успеха: исторический дискурс;
- Игра и искусство;
- Построение отношений, баланса и гармонии;
- Искусственный интеллект и развивающийся мир;
- Практические аспекты солидарности;
- Будущее изучения литературы: искусственный интеллект и цифровые медиа;
- Построение лучшего мира посредством видеоигры? Проблематика климатических изменений и видеоигры;
- Люди и машины: совместимость и проникновение;
- Война и враждебность или доброжелательность к другим;
- Функция религиозного искусства: общение с Богом, эстетика человеческого сосуществования;
- Я и другие, сосуществование и взаимное благополучие;
- Гуманитарные исследования в эпоху искусственного интеллекта;
- Культурная эмпатия в Восточной Азии;
- Климатический кризис, бедность и экологические катастрофы на глобальном Юге.

Две особые секции были посвящены обсуждению текущего статуса поддержки академических исследований в области гуманитарных и социальных наук, которую оказывает Корейский фонд гуманитарных и социальных наук, а также обсуждению вопросов иммиграции, религиозных связей, развития морской экономики города Пусан. Пусан — это второй по величине город Южной Кореи после Сеула, крупнейший порт страны, известный как «морская столица Республики Корея».

Министерство торговли, промышленности и энергетики заявило, что страна стремится повысить свой международный статус путем внедрения инновационных технологий, связанных с искусственным интеллектом, а также инфраструктуры умного города и умного порта.

В рамках работы форума была организована гуманитарная экскурсия, в ходе которой участников познакомили с подготовкой города Пусан к всемирной выставке «Экспо-2030», а также с такими историческими объектами, как музей современной истории города, деревня Ами-дон. Деревня Ами-дон в самом центре Пусана была построена во время корейской войны 1951–1953 гг., когда город стал временной столицей. В город переселились многие корейцы, в том числе 640 тыс. северокорейцев. Все они разместились на территории японского кладбища, которое оказалось заброшенным после японской оккупации Корейского полуострова с 1910 по 1945 г. Прогуливаясь по деревне, можно увидеть надгробия, спрятанные под порогами и лестницами, а также по углам каменных стен. Сегодня это место является символом колонизации, войны и миграции. В деревне до сих пор живут люди, хотя там нет канализации и водопровода.

По результатам работы форума опубликован сборник докладов и тезисов «Гуманизация отношений: на пути к общению, сосуществованию и эмпатии» [1]. Информация о форуме размещена на сайте www.whf.kr.

Литература/References

1. The Humanities of Relationships: Toward Communication, Co-existence, and Empathy: The 7th World Humanities Forum. Busan, November 8–11, 2023. Busan, 2023.

Статья поступила в редакцию 5 декабря 2023 г.;
рекомендована к печати 21 марта 2024 г.

Контактная информация:

Тангалычева Румия Кямильевна — д-р культурологии, доц.; rimma98@yahoo.com

7th World Humanitarian Forum “Humanization of relationships: Towards communication, coexistence and empathy”

R. K. Tangalycheva

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Tangalycheva R. K. 7th World Humanitarian Forum “Humanization of relationships: Towards communication, coexistence and empathy”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 1, pp. 116–122. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.108> (In Russian)

Received: December 5, 2023

Accepted: March 21, 2024

Author’s information:

Rumiya K. Tangalycheva — Dr. Sci. in Culturology, Associate Professor; rimma98@yahoo.com